

ЛИДИЯ НОРД

МАРШАЛ

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ

Издательство «ЛЕВ»

ЛИДИЯ НОРД

**МАРШАЛ
М.Н.ТУХАЧЕВСКИЙ**

LEV
85, Rue Rambuteau,
75001 Paris.

В своем сенсационном секретном докладе, на последнем съезде коммунистической партии, Хрущев, разоблачая Сталина, проговорился, что и "заговор Тухачевского" был инсценирован НКВД, по приказу диктатора. То же подтвердил и Микоян, сказав, что многие революционные командиры безвинно погибли в период сталинского самовластия. Но дальше этих кратких сообщений коммунистические заправилы не пошли, — повидимому они опасаются что более подробное раскрытие планомерного уничтожения верхушки красной армии вызовет слишком большое возмущение в народ, а особенно в армии и будет чревато большими последствиями. Надо полагать, что партия решила хранить детали инсценировки этого дела под покровом тайны.

Но в эмиграции в настоящее время оказался непосредственный близкий свидетель сталинской расправы над маршалом Тухачевским и др. маршалами и командармами. Л. А. Норд не только была женой сослуживца и друга Тухачевского, разстреленного вместе с маршалом в начале 1937 года, но доводилась родственницей самому Тухачевскому, — она была его свояченицей (*belle sœur*). Поэтому она хорошо знала маршала, его личную жизнь, военную среду и партийную верхушку.

"Написать правдивое жизнеописание М. Н. Тухачевского, — пишет нам Л. Норд, — показать его, как человека и командарма, описать среду красной армии, обстановку непрерывной борьбы, которая велась Михаилом Николаевичем за права советских командиров и трагический конец маршала и его соратников — это был мой моральный долг перед памятью моего мужа и М. Н. Тухачевского. Пусть это будет скромным памятником на их безвестных могилах...

Я не хочу, чтобы в написанной мною биографии Тухачевского было, что-либо, могущее вызвать сомнение, придирку, или даже упрек, — все должно быть абсолютно правдиво. Для меня, — отмечает автор предлагаемого читателям труда, — ни сенсация, ни известность не нужны, а я только хочу рассказать,

пока еще жива, ту правду, которую я знаю о Тухачевском и, главное об инсценировке следствия и процесса”.

Редакция считает, что опубликование настоящих материалов в это время, когда в красном Кремле происходят снова глубокие процессы, свдиги и перемены, — представляет исключительный интерес

РЕД.

Мнѣ довелось познакомиться с ним в 1922 г. и наше знакомство длилось пятнадцать лѣтъ, до самой его гибели... Во время нашей первой встрѣчи, вскорѣ послѣ окончания совѣтско-польской кампаніи, двадцатидевятилѣтній командарм был весь окутан боевой славой, а еще больше — легендами.

РОСТА — выше средняго. Плотный. Породистое лицо.

Властность в рѣзких очертаніях рта, в холодноватом взглядѣ. Походка неторопливая, увѣренная. Говорил всегда спокойно, обоснованно.

Таков был внѣшній облик того, кого называли “совѣтским Бонапартом” — маршала Михаила Николаевича Тухачевского.

Пожалуй, ни о ком не сплеталось столько “легенд”, как о нем. Туманные, часто противорѣчивыя — онѣ распространялись с двух сторон:

В среду офицеров гвардіи, Тухачевскій вошел только за нѣсколько мѣсяцев до первой міровой войны: фактически в царской арміи его знали лишь очень немногіе — офицеры Лейб-Гвардіи Семеновскаго полка, начальство и преподаватели Московскаго Александровскаго военнаго училища, да его товарищи по училищу и корпусу.

Но в тѣ времена, вряд ли кто особенно интересовался внутренним міром юнкера, а послѣ, — молодого поручика. О Тухачевском заговорили, когда он выдвинулся во время гражданской войны, как выдающійся красный командарм. Старая военная среда считала его ренегатом и выскочкой. Большинство, обсуждая его личныя качества, говорили со слов других и рѣдко безпристрастно... Так складывались породившія плохую славу легенды...

В красной арміи, он, несмотря на всѣ заслуги перед революціей, оставался “бывшим гвардейским офицером” — челоуком чужой среды. Люди, расположенные к нему, старались прибавить к его біографіи и личным качествам побольше такого, что могло приблизить его к “пролетарскому обществу”... Другіе выискивали в молодом красном генералѣ “гвардейскія замашки”, и всѣ тѣ недостатки, которыми, по их мнѣнію, обладали всѣ люди с “голубой кровью” и, если не находили их, то выдумывали. Так рождались легенды другого сорта.

Немало пищи для пересудов давал и сам Тухачевскій. Он очень мало считался с общественным мнѣніем и не допускал вмѣшательства в его личную жизнь, и всѣм, кто пытался это сдѣлать, давал вѣжливый, но очень рѣшительный отпор. И осо-

бенно не переносил Михаил Николаевич, если кто-либо из некомпетентных в военном искусствѣ людей вмѣшивался в разработки его планов.

Однажды, во время гражданской войны, на фронт к Тухачевскому прїѣхал Троцкій. Тухачевскій наносил в это время на карту план сраженія. Троцкій сдѣлал нѣсколько замѣчаній. Командарм встал, положил перед ним карандаш, которым отмѣчал на картѣ и вышел.

— Куда же вы? — крикнул в окно Троцкій.

— В ваш вагон, — спокойно отвѣтил Тухачевскій. — Вы, Лев Давыдович, видимо рѣшили помѣняться со мной постами.

Таких стычек у Михаила Николаевича было очень много. Особенно с комиссарами. Институт комиссаров Тухачевскій всегда считал “ненормальным наростом на шеѣ арміи, мѣшающим ей шевелить головой”.

Отсюда вытекало тоже немало слухов, которые усердно собирали и они впоследствии сыграли значительную роль в его роковом концѣ.

Когда Тухачевскій поступил (в 1921 г.) в партію, верхушка ея, на восемьдесят процентов состояла из представителей старой русской интеллигенціи и со многими он находил общій язык. Но сам он был военным до мозга костей и партія его интересовала несравненно меньше, чѣм идея возсозданія арміи. Конечно, он знал, что займет в красной арміи одно из наивысших мѣст. Но прежде чѣм говорить о военной карьерѣ маршала, я расскажу о том времени, когда мы познакомились и это может быть даст болѣе полную картину, позволяющую разглядѣть его, как человѣка.

Неподалеку от Смоленска, гдѣ тогда находился штаб Тухачевского, в лѣсной чащѣ стоял большой деревянный двухэтажный дом. В нем жил лѣсничій “со своим выводком”, как говорили лѣсники. Выводок состоял из пяти молодых дѣвушек. По существу сам лѣсничій в этом изобилии дѣвиц был неповинен. Их подбросили ему на попеченіе родители, дабы уберечь дѣвушек от всѣх принесенных революціей бѣд, и онѣ приходились ему родными и двоюродными племянницами. Лѣсничій и его жена дѣйствительно опекали весь “выводок”, как насѣдки. Время было тяжелое... Они сами случайно нашли прїют в этом глухом уголкѣ, вздыбленной революціей, страны. Правда, у лѣсничаго был охранный мандат совслужащаго и даже разрѣшеніе на ношеніе оружія, но все же жена зарыла всѣ уцѣлѣвшія драгоценности, да и наиболѣе цѣнные вещи, под кормушкой в конюшнѣ, гдѣ стояли принадлежащія лѣсничеству лошади, и каждое утро протыкала тоненькой желѣзной палкой землю, чтобы удостовѣриться — не выкопал ли их кто-нибудь.

С дѣвушками забот хватало... И больше всѣх Аннѣ Михайловнѣ доставляла хлопот младшая шестнадцатилѣтняя Лика, —

любимица ея мужа, и самая озорная из всѣх. Если старшія племянницы всѣ отличались красотой и до нѣкоторой степени добрым нравом, то у младшей и того, и другого сильно не доставало. И эстетическія чувства Анны Михайловны часто страдали от вида вѣчно растрепанных кос, синяков, ссадин и царапин на лицѣ и руках, слѣдов бѣшеной скачки на лошади и лезанія по деревьям.

Как-то случилось, что Тухачевскій с начальником артиллеріи Садлуцким заѣхал по дѣлу в лѣсничество. Садлуцкій заговорился с лѣсничим и их пригласили к обѣду. С тѣх пор Тухачевскій с Садлуцким, или один, стал заѣзжать довольно часто. Анна Михайловна сообразила, что не бесѣды с мужем являются приманкой для краснаго генерала, а какая-то из племянниц. Не высказав никому своих мыслей, она стала тщательно слѣдить за внѣшностью старших. Тухачевскій был блестящей партіей, — человек своего круга и родство с ним обезпечивало неприкосновенную, спокойную жизнь.

Однажды Анна Михайловна увидѣла через окно только что пріѣхавшаго Тухачевского. В это время из конюшни появилась Лика. Тухачевскій, здороваясь с дѣвушкой, задержал ея руку, а потом вдруг нагнулся и порывисто прижал ее к своим губам...

— Ты можешь себѣ представить, — он вѣдь увлекся Ликой, — огорченно сказала Анна Михайловна ночью мужу. — Я думала, что он ѣздит ради Ани или Вѣры... Не понимаю... Ну, что ему в ней понравилось?..

На лѣсничаго это сообщеніе подѣйствовало иначе. Евгений Иванович забеспокоился о племянницѣ: “она вѣдь совсѣм ребенок, он может вскружить ей голову. Надо придерживать ее теперь дома”...

Дѣйствительно, Тухачевскій сдѣлал двѣ попытки увидѣться с Ликой, но дядя крѣпко стерег ее. Был ли это один из жизненных барьеров, который Тухачевскому захотѣлось взять? — но через двѣ недѣли он сдѣлал официальное предложеніе.

Предложеніе Тухачевского вызвало замѣшательство. Евгений Иванович, бывший до революціи предводителем дворянства одной из центральных губерній Россіи, ярый приверженец царскаго строя, не питал симпатій к красному командарму. Он отвѣтил Тухачевскому, что считает племянницу слишком молодой для брака. Но вмѣшалась Анна Михайловна:

— Я сама вышла замуж шестнадцати лѣтъ, — сказала она, бросая взглядом вызов мужу, — и считаю, что согласіе зависит не от нас, а от Лики. Я сейчас пойду поговорю с ней...

Но Тухачевскій сказал, что предпочитает сдѣлать это сам. Он нашел Лику во дворѣ. Скинув варежки, она лѣпила снѣжки и бомбардировала ими старшую кузину, укрывшуюся за стоявшим у сарая большим деревянным щитом и взывавшую оттуда о пощадѣ. Увидѣвъ Михаила Николаевича, дѣвушка смутилась, но озорство взяло верх и она ловко угодила бывшим у нея в руках снѣжком в поспѣшившую вылѣзти из-за щита кузину.

Тухачевскій усмѣхнулся и взял ея покраснѣвшія от холода руки в свои:

— Лика, я полюбил вас. Могу я надѣяться, что вы станете моей женой?

Та явно опѣшила. Потом кровь отхлынула от ея лица и, вырвав руки, она понеслась куда-то...

— Мнѣ тогда стало очень страшно, — послѣ призналась она, журившей ее теткѣ.

Анна Михайловна, наблюдавшая всю эту сцену из окна, накинула шубку и поспѣшила спасать положеніе: она объяснила, что дѣвушка сильно смутилась, общала поговорить с ней и просила его пріѣхать на другой день за отвѣтом. Тухачевскій уѣхал, не заходя в дом. Но Анна Михайловна простилась с ним, как с будущим родственником.

Послѣ его отъѣзда в домѣ лѣсничаго воцарилась необычайная тишина. Евгений Иванович, крупно поговорив с женой, из своего кабинета не показывался. Лика, послѣ долгаго разговора с теткой с глазу на глаз, вышла из спальни с покраснѣвшими глазами и бродила по дому притихшая, растерянная. Старшія дѣвушки, узнав от тетки о предстоящем бракѣ, — ахнули... Не добившись от Лики ничего, онѣ собрались у себя наверху и шопотом обсуждали случившееся. Тишину нарушал только шум швейной машины — Анна Михайловна успѣла сбѣгать к женѣ дѣлопроизводителя лѣсничества, бывшей московской портнихѣ, и та спѣшно передѣлывала два вынутых из сумдука платья Анны Михайловны для невѣсты.

На другой день был сговор. Лѣсничій, дав, скрѣпя сердце, согласіе, поставил условіем, чтобы брак был церковный. Тухачевскій согласился. Но вѣнчаніе должно было быть тайным. Оно должно было состояться через мѣсяц — Тухачевскій заявил, что и это очень долгій срок: его всегда могут назначить на другой пост.

Первое время Лика держалась с ним отчужденно и больше льнула к дядѣ. Но став в домѣ, на правах жениха, своим человеком, Михаил Николаевич сбросил с себя панцырь спокойной, даже чуть холодной, вѣжливости, которой он устанавливал дистанцію между собой и окружающими, держал себя просто и с большим тактом. Не навязываясь невѣстѣ, он сумѣл завоевать ея довѣріе. Единственная интимность, которую он позволял себѣ с ней — это обертывать ея длинныя, тугія косы вокруг своей шеи, серьезно увѣряя всѣх, что он пойман и привязан “этим арканом”.

Вѣнчаніе произошло вечером, в деревенской церкви. Когда сани с невѣстой подѣхали к церкви, — лошади вдруг захрапѣли и поднялись на дыбы, едва не вывернув всѣх. Вошли в церковь, — и женщины вскрикнули, а Лика тяжело опустилась на руки успѣвшаго подхватить ее лѣсничаго: в церкви стоял гроб с покойником.

Пока на паперти, невѣстѣ терли виски, покойника перетаскивали в дальній угол притвора и чѣм-то закрыли. Тухачевскій

со своим свидѣтелем комкором Уборевичем опоздали и пріѣхали, когда суета окончилась.

Когда мнѣ приходится слышать разговоры о чуть ли не кощунствах Тухачевского, то я невольно вспоминаю его, когда он стоял под вѣнцом... Не могло быть сомнѣнія, что он глубоко чувствовал весь обряд. Одна из родственниц невѣсты, с большим трудом добравшаяся из Петербурга до лѣсничества, с единственной цѣлью помѣшать свадьбѣ, смягчилась в церкви до того, что, поздравляя его послѣ вѣнца, сказала:

— Надо было вам первому стать на платок...

Прошло около года и в жизни молодых вдруг образовалась глубокая трещина. Особенно явно это стало послѣ их поѣздки в Москву. Что произошло, не знал никто. Лика на всѣ попытки родственников вывѣдать, что происходит, упорно отмалчивалась, но с ея лица сбѣжал румянец и всегда грустная, она казалась лѣтъ на пять старше. Молчал и Тухачевскій — он никогда не жаловался на жену и оставался, по крайней мѣрѣ при других, неизмѣнно внимательным к ней.

Через нѣкоторое время Лика пріѣхала со своими вещами к дядѣ — заявила, что она вернулась совсѣм. Вечером приискал в лѣсничество Тухачевскій. Лика не вышла к нему. Тухачевскій долго говорил с Евгением Ивановичем, в его кабинетѣ.

Послѣ его отъѣзда, лѣсничій прошел к племянницѣ и долго сидѣл у нея, но Лика так и не вернулась к мужу. Вмѣстѣ с тѣм обѣ стороны переживали разрыв тяжело. Каждый по своему... У Тухачевского, помимо других чувств, было больно задѣто самолюбіе.

По гарнизону поползли всякіе слухи. Одни утверждали, что командарм двоеженец и это послужило поводом для разрыва. Другіе говорили, что его первая жена давно покончила жизнь самоубійством, и при этом добавляли, что Тухачевскій даже не поѣхал на похороны, поручив распорядиться о них своему адъютанту. Третьи доходили до того, что рассказывали о садизмѣ Тухачевского, который, якобы, бил жену тонким хлыстом до крови. В связи с этими слухами, военный комиссар Майер рѣшил переговорить с Тухачевским и выяснить истину "по партійной линіи", но через нѣсколько минут он выполз из кабинета командарма, пятясь назад и, натолкнувшись спиной на Садлуцкаго, смущенно пробормотал, "что все обстоит вполнѣ благополучно"...

Семейная неурядица переплеталась у Тухачевского с другими неприятностями. В Москвѣ, в правительственных кругах, еще не закончилось обсужденіе вопроса, почему не была взята Варшава. В своих официальных рапортах в Реввоенсовѣт Тухачевскій указывал, что основной причиной было то, что комиссар юго-западнаго фронта Сталин задержал приказ о переброскѣ с юго-западнаго фронта на польскій конной арміи

Буденного и что, прибыв с опозданием в распоряжение Тухачевского, Буденный, не согласовавшись с командующим фронтом, двинулся "самостоятельно", брат Львов, нарушая план, и оставив без поддержки третий конный корпус Гая, который был вынужден, спасаясь от окружения, перейти прусскую границу.

Это обвинение Тухачевского поддержали М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев, который в то время был членом Реввоенсовета, С. С. Каменев и В. Н. Менженинов. Сталин спешно организовал "свою оборону" — к нему примкнули Буденный, Гордовиков, Кулик. Ворошилов, тогда не достаточно разбиравшийся в вопросах большой стратегии, своего определенного мнения не высказывал. Держал почему-то нейтралитет и Троцкий, старавшийся примирить обе стороны. Но для Тухачевского было большим неприятным сюрпризом, когда он узнал, что Шапошников, с мнением которого, как генштабиста, очень считались, неофициально высказался в пользу Сталина.

В то же время в западной армии произошли две дуэли, причем одна из них со смертельным исходом, — на дуэли был убит комиссар полка — Лушинин.

По показаниям свидетелей, Лушинин и его противник командир полка Г-ов стрелялись "по пьяной лавочке" из-за приглянувшейся им обоим дёвушки. Комиссар первым вызвал Г-ва и заявил, что если тот откажется от дуэли, то он убьет его "как собаку"... Стрелял он, по жребью, тоже первым и ранил комполка в левую руку, выше локтя.

Оба дуэлянта были потомственными пролетариями и членами партии, — обвинение, что Лушинин убит "по контрреволюционным мотивам", отпадало. Оба служили в разных частях и служебных недоразумений между ними не могло быть. Реввоенсовет западной армии (тогда политуправлений еще не было), разобрав дело, ршил его замять. В приказах по частям было объявлено, что Лушинин "неосторожно разряжал револьвер, смертельно ранил себя и подстрелил Г-ова". А последнему, пока он лежал в военном госпитале, вынесли строгий выговор по партийной и служебной линиям.

Донес ли кто о дуэлях в Москву, или Реввоенсовет армии сам послал туда рапорт, — не знаю, но вскоре оттуда прибыли спецуполномоченные для нового разбора дела. Одновременно из Москвы был получен приказ, где Тухачевскому "ставилось на вид", что в западной армии "процветает самый отвратительный пережиток офицерщины — дуэли".

Однажды вечером, к командарму явился сильно перепуганный начальник артиллерии армии (он же и военком) Садлуцкий, в сопровождении начальника Особого Отдела (военная Чка) и армейского комиссара Смирнова.

— Представьте, еще комиссия не закончила работу, а у меня уже заваривается новая дуэль, — сказал, здороваясь, Садлуцкий. — Поэтому мы и явились к вам...

Смирнов изложил суть дела: между помощником командира 110 артиллерийского полка АОИ и начальником боеснабжения

женія вспыхнула, на служебной почвѣ, ссора. Начснаб назвал пом. комполка “золотопогонной контрой”, и получил за это по физиономіи. Послѣ этого он вызвал пом. комполка на дуэль. Тот согласился. Донесла об этом, чтобы помѣшать дуэли, жена нач. боеснабженія.

Тухачевскій сдвинул брови. Подумал. Потом, оглядѣвъ всѣх, спросил:

— Что же вы рѣшили?

— Мы считаем, — отвѣтил первым начальник Особого Отдѣла, — что пом. комполка должен отвѣтить за рукоприкладство — это не царская армія... — ядовито подчеркнул он.

— Рукоприкладством может считаться, когда старшій командир ударит младшаго или бойца, у них же званія одинаковыя, — сухо сказал командир и обратился к комиссару: — А что ты думаешь?

— Я считаю, что пом. комполка, еще при первых недоразумѣніях (а таковыя были), должен был придти к комиссару полка и пожаловаться ему, — отвѣтил Смирнов.

— Жаловаться на товарища, да еще по мелочам, считалось у нас фискальством, — возразил Тухачевскій. — От этого отучали еще в корпусах...

— Кто отучал? — быстро спросил нач. О. О.

— Товарищи по классу. Фискалу доставалось так, что он это запоминал на всю жизнь. Какая аттестація у пом. комполка? — спросил командарм Садлуцкаго.

— Отличная. До этого он командовал отдѣльным арtdивизионом. Его дивизион на всѣх учебных и показательных стрѣльбах выходил на первое мѣсто. Я его выдвинул, внѣ очереди, на должность пом. комполка.

Тухачевскій кивнул головой и повернулся к Смирнову:

— Вызови-ка ты всѣх полковых комиссаров к себѣ и работай с ними хорошенько этот вопрос. Нужно прекратить оскорбленія командиров, честно служащих в красной арміи и укрѣпляющих ея боеспособность. Во-вторых: пусть они примут мѣры и против дуэлей. Скажи им, что против таковых боролись послѣднее время и в царской арміи... — Тухачевскій вдруг усмѣхнулся и, обращаясь к Смирнову, сказал: — И откуда это у твоих птенцов взялись такія “гвардейскія замашки?”

— Подражаніе... — буркнул нач. Особого Отдѣла.

— Пусть подражают хорошему, — отрѣзал командрам. — Напримѣр, поменьше фискалят на товарищѣй...

— А как же тогда с революціонной бдительностью? — пустил тот в свою очередь стрѣлу.

— Когда весь начальствующій и командный состав будет крѣпко и дружно спаян, то будет гораздо легче выявить **настоящих** врагов революціи, — холодно и спокойно отвѣтил Тухачевскій. Он встал и поправил пояс, что всегда служило у него признаком скрытаго раздраженія. — Я считаю, — отчеканил он, — что Садлуцкій должен поговорить с пом. комполка, чтобы впредь он был сдержаннѣй и, в случаѣ повторенія

подобных оскорблений, он должен подать официальный рапорт начальству. Нач. боеснабжения надо будет срочно перевести в другую часть, расположенную в другом городѣ. Вмѣстѣ им послѣ этого служить нельзя...

Долгую и упорную войну вел Тухачевскій, отстаивая права “квалифицированного состава арміи”, беспартийных военных специалистов из бывших офицеров. Многие комиссары и политработники не скрывали своего недовѣрія к ним и при первом удобном случаѣ, бѣжали жаловаться на них в Особые Отдѣлы. Бывшіе офицеры, в большинствѣ случаев, жаловаться туда не бѣгали, а когда становилось невтерпеж, подавали рапорты по начальству о невозможности работать в таких условіях. Тухачевскій очень внимательно относился к таким рапортам и немедленно приказывал разобрать каждое дѣло и доложить ему. Успѣшно отстаивал он и тѣх, кого хотѣли по необоснованным доносам демобилизовать из арміи. Он разбивал логическими доводами всѣ вздорныя обвиненія и, в случаѣ необходимости, писал рапорт в Реввоенсовѣт в Москву.

Особые Отдѣлы, вынужденные официально прекратить преслѣдованіе того или иного командира, вносили все написанное в доносах, в их “личное дѣло”, которое было заведено ими на каждого военнослужащаго, и все это припомнилось и вошло в обвинительные акты через четырнадцать-пятнадцать лѣт, когда, послѣ казни маршала Тухачевского, Сталин проводил всеармейскую чистку.

Но у Тухачевского было много недоброжелателей и из среды бывших офицеров. Причин этому было нѣсколько: отчасти играла роль обида, что бывшему генералу или полковнику, которые считали, что их военный опыт и знанія на много превосходят опыт и военную подготовку Тухачевского, приходится подчиняться 29-лѣтнему командарму, “щелкоперу из поручиков”. Особенно остро почувствовалась обида, когда дошли слухи, что Тухачевскій просил в Москвѣ об откомандированіи из его арміи (а позже, когда он был нач. Ленинградскаго Военнаго Округа, то и из нѣкоторых частей), наиболѣе пожилых строевых командиров. Тухачевскій ходатайствовал о назначеніи их в Военныя Академіи и на Курсы Усовершенствованія Команднаго Состава, гдѣ они могли бы принести большую пользу своими знаніями.

Тухачевскій тянул вверх наиболѣе молодых и способных, предпочитая их болѣе опытным “старикам”. Он считал, что предѣльный возраст командира полка не должен превышать 50 лѣт. “В этом возрастѣ уже человек изнашивается, начинает страдать подагрой, ревматизмом, сердцем и пр.”, — говорил он. — Куда же ему, при нынѣшней маневренности, командовать частью?”

Старые строевики сочли свой перевод на преподавательскія должности — “равносильным отставкѣ”.

Не ладил Тухачевскій и с тѣми, кто устроился в красную

армію, как на хорошо оплачиваемое, гарантирующее известную безопасность, мѣсто, и потом оказался нерадивым хозяином своей части.

Командарм очень часто и неожиданно появлялся в расположении того или иного полка. Прежде чѣм идти в штаб, он осматривал матеріальную часть, заглядывал в конюшни, говорил с бойцами, потом появлялся на полковых занятіях и, попросив продолжать их, садился и внимательно наблюдал. Оттуда он шел на кухню, в склады. Докладывать о своем прибытіи он запрещал. Когда до командира доходила вѣсть о визитѣ командарма, Тухачевскій уже успѣвал все осмотрѣть и сдѣлать свои выводы.

Найдя в части большія упущенія, Тухачевскій уѣзжал не повидавшись с ея командиром. Командир вызывался к командарму. Тухачевскій не распекал его, а говорил очень коротко:

— Ваш полк в безобразном состояніи. Если не приведете его в теченіе трех недѣль в полный порядок, — поѣдете командовать “полчком”...

Возражать и оправдываться в таких случаях было бесполезно. Тухачевскій поднимался, одергивал свой пояс и сухо бросал:

— Это все. Вы свободны!

Проработав день в своем штабѣ, вечером Тухачевскій засаживался за военные учебники. Память у него была изумительная. Упорство и работоспособность такія же. Он мог просидѣть над учебниками и картами почти до утра и ему было достаточно трех-четырёх часов сна, чтобы встать со свѣжей головой. Это время он занимался особенно упорно, и для сдачи экзаменов в Военную академію, и чтобы забыться от всѣх непріятностей.

С женой он не видѣлся. Однажды он появился в театрѣ с поразительно красивой высокой блондинкой — Татьяной Сергѣевной Чернолузской. На слѣдующій день об этом судачили всѣ гарнизонныя дамы. Сообщались подробности, что Чернолузская является сводной сестрой Луначарскаго (это было вѣрно), что она пріѣхала из Новозыбкова погостить к крестной матери, потому что давно была влюблена в Тухачевскаго, еще съ тѣх пор, когда Тухачевскій слегка ухаживал за ея сестрой, менѣе красивой, но очень изящной маленькой брюнеткой Наташей.

Михаил Николаевич стал появляться с Татьяной довольно часто. Он даже афишировал свои встрѣчи с ней. Может быть это была и месть женѣ...

Лица, уѣзжавшая в Петроград к родным, вернулась в это время в лѣсничество. Еще до ея пріѣзда в Петроград, туда пришло письмо от тетки, которая писала: “Повліяйте на Лику, она дѣлает из пустяков трагедію и хочет разойтись с мужем, который очень достойный человек и любит ее. Лица еще очень молода, и сама не понимает, что она дѣлает. К сожалѣнію ме-

ня она не слушает, а Женя потекает ей во всем. К тому же (она может быть скроет это от вас) у нея будет ребенок. Куда она дѣнется с ним?"

Вмѣсто поддержки Лика встрѣтила со стороны родных уже организованную оппозицію.

— Ты же не можешь взять с ним церковнаго развода, — убѣждала ее, присутствовавшая на ея свадьбѣ, родственница, — ваш брак был тайным, а развод сопряжен с оглаской, которая может погубить не только его карьеру, но и жизнь. Гражданскій развод тебѣ ничего не даст — перед Богом ты останешься его женой. Потом ты не имѣешь моральнаго права лишать твоего будущаго ребенка отца, — это страшный грѣх. И это только одни разговоры, что ты можешь работать и жить для ребенка... Одна ты всю жизнь не проживешь, а твой второй муж может не влюбить твоего ребенка? Что ты будешь дѣлать тогда? Мѣнять мужей, как перчатки? Да скажи же ты, ради Бога, что произошло между вами?..

Примѣрно то же услышала Лика и от других. Ея упорное нежеланіе сказать о причинѣ разрыва создало между нею и родными глухую стѣну непониманія. Она почувствовала себя здѣсь болѣе одинокой, чѣм в лѣсничествѣ. Рѣшила вернуться туда... Это было одобрено всѣм кланом родственников: "Когда родится ребенок — она образумится"... рѣшили все хором.

Слухи о связи Тухачевского с Татьяной Чернолузской дошли до лѣсничества. Евгений Иванович дѣлал все, чтобы уберечь от них племянницу. Это было очень трудно: за это время еще двѣ из его "выводка" улетѣли, выйдя замуж за военных. Их мужья служили в той же западной арміи. Кромѣ того, нѣкоторыя жены высших командиров продолжали изрѣдка навѣщать жену командарма, не из большой симпатіи к ней, а скорѣе из любопытства. Если лѣсничій был дома и во-время замѣчал пріѣзд такой гостьи, то он быстренько увлекал племянницу через черную дверь в лѣс. Тогда гостью принимала Анна Михайловна. Она дѣлала это с большим удовольствіем, тѣм болѣе, что посѣтительницы больше подходили к ней по возрасту и интересам, чѣм к ея племянницѣ..

На торжественном вечерѣ по поводу очередной годовщины октябрьской революціи, жена замѣстителя начальника артиллеріи арміи, улучив момент, сказала Тухачевскому:

— Я очень рада, что роды прошли благополучно. Ваша дочка поразительно крупный ребенок — вѣсит девять с лишним фунтов... Анна Михайловна звонила мнѣ по телефону перед самым собраніем. Она говорит, что дѣвочка — ваш вылитый портрет, но страшная крикунья..

Тухачевскій разстегнул крючок воротника гимнастерки, потом снова застегнул его.

— Благодарю вас. Извините, я должен позвонить, узнать о здоровьи жены... И он вышел из зала своей ровной, неторопливой походкой.

Как только окончилась торжественная часть, Тухачевскій

ускакал куда-то верхом. Ординарец рассказывал, что командарм вернулся только под утро.

А на второй день вечером его адъютант усаживал в поѣзд блѣдную, с распухшими красными вѣками, Таню Чернолузскую, уѣзжавшую домой в Новозыбков.

Михаил Николаевич стал ѣздить в лѣсничество часто. Но настоящаго примиренія с женой не получилось. Увидѣвъ его, впервые послѣ разрыва, у своей постели, Лика страшно поблѣднѣла и прикрыла глаза. Он нагнулся и слегка коснулся губами ея лба. Потом подошел к колыбелькѣ и долго с любопытством разглядывал дочь.

И в слѣдующій пріѣзд он не обмѣнялся с женой и десятью словами, но на дочь начал сразу предъявлять права. Он сам поѣхал регистрировать ея рожденіе и, замѣнив выбранное женой имя ребенка, назвал ее Ириной. Пришлось дать то же имя и при крещеніи... Дѣвочка была окрещена на дому. Крестным отцом был сам лѣсничій, крестной матерью — двоюродная сестра Лики.

— Да, Иринка пошла в род Тухачевского, — увѣренно сказал он через три мѣсяца, держа на руках распеленатую дочь и, чуть скосив глаз в сторону жены, добавил, обращаясь к Аннѣ Михайловнѣ:

— Подрастет немного — тогда займусь ею как слѣдует. Надо ребенка воспитывать ровно и твердо...

Постоянное подчеркиваніе Михаилом Николаевичем его прав на ребенка изводило Ликѣ до того, что она старалась во время его пріѣздов уходить из дому, или в другую комнату, но он как будто не замѣчал этого — продолжал возиться с дочерью. Потом, взглянув на часы, поднимался и нес ее к женѣ.

— Пора кормить Иринку, — говорил он властным тоном. Затѣм внимательно осматривал кроватку дочери. Иногда, замѣтив какую-нибудь непонравившуюся ему игрушку или вещь, он, не говоря ни слова, бросал ее в печку или вышвыривал в форточку. В слѣдующій раз привозил вмѣсто нея новую.

Тухачевскій не требовал возвращенія жены, но сумѣл поставить себя в лѣсничествѣ так, что всѣ чувствовали, — он муж Лики. Послѣ рожденія ребенка, он аккуратно из своего жалованія вручал Аннѣ Михайловнѣ порядочную сумму денег на расходы, а когда та вздумала сдѣлать в его присутствіи какое-то замѣчаніе Ликѣ, то Михаил Николаевич вѣжливо, но рѣшительно остановил ее, указав, что Лика уже не ребенок и его жена. Лѣсничій, обожавшій свою “первую внучку”, был подкуплен отношеніем Тухачевского к ребенку и защищал перед племянницей “права отца”.

Когда Тухачевскій сообщил о своем новом назначеніи, то всѣ предполагали, что жена и ребенок уѣдут с ним. Начались сборы к условленному дню. Лика как будто покорилась своей участи: она укладывала вещи, безпрекословно выслушивала всѣ совѣты тетки, и даже было похоже, что она сама хотѣла поскорѣе уѣхать...

За три дня до отъѣзда, в лѣсничество пріѣхала на крестья-

янской телѣгѣ молодая и очень красивая дама. Она спросила Лику. На подозрительный вопрос Анны Михайловны, по какому дѣлу она хочет видѣть ее племянницу, та отвѣтила:

— “Я сестра Михаила Николаевича”...

Проводив ее к племянницѣ, Анна Михайловна начала хлопотать, чтобы накормить гостью. В это время зазвонил телефон.

— Душенька, Анна Михайловна... — услышала она в мембранѣ голос жены пом. начарта. — Вы знаете, вчера опять приѣхала эта... Татьяна... Она искала повсюду Михаила Николаевича... Такое безстыдство...

В головѣ Анны Михайловны мелькнула догадка. Она бросилась к племянницѣ, но дверь была заперта на ключ. На ее стук отвѣтил голос Лики:

— Извини, тетя, но мы должны поговорить...

Примѣрно через час дверь открылась. Посѣтительница прошла быстро, потупив глаза, мимо Анны Михайловны и, ничего не сказав ей, сбѣжала с крыльца. Лица появилась в дверях и остановилась, держась за косяк.

— Да что ты, тетя, — остановила она жестом, бросившуюся к ней, Анну Михайловну. — Неужели вы думали, что я не знала о ней, еще тогда... Только, предупреди дядю — я ей дала слово, что Михаил Николаевич не узнает о том, что она была здѣсь... И потом, не надо новаго скандала...

К вечеру приѣхал Тухачевскій. Он был неестественно весел и прятал под скатерть руку, на которой были продольные царапины, словно от чьих-то когтей... Он остался ночевать и ему приготовили постель на диванѣ, в кабинетѣ.

— Ты думаешь, что она его любит и простила ему еще тогда, когда узнала? — спросила, ложаясь спать, Анна Михайловна мужа.

— Она не простила, — отвѣтил тот. — Может быть она его любит, но между ними стало еще что-то другое... Она все равно уйдет от него.

Лѣсничій оказался прав: через мѣсяц послѣ отъѣзда Тухачевских, Лица написала дядѣ, что живет с дочерью в Харьковѣ у бабушки и навсегда разошлась с мужем. С тѣх пор Тухачевскій видѣл дочь только раз, два в год, но никогда не встрѣчался с женой, которая во время его приѣздов ему не показывалась. Встрѣтились они в день похорон умершей от дифтерита дочери. Телеграмма о болѣзни Ирины не застала Михаила Николаевича дома и, пока он ее получил, дѣвочка умерла. Он застал ее в гробу.

Когда Михаил Николаевич отвез Лику с кладбища домой, то увидѣл на креслѣ вязаные башмачки дочери. Он сунул их в карман. Лѣт через двѣнадцатъ, Тухачевскій, доставая из кармана гимнастерки орденскую книжку, вытащил с нею конверт. Тот упал и из него вылетѣл вязаный крохотный дѣтскій башмачок. Тухачевскій нагнулся, поднял уроненное, бережно стряхнул с башмачка пыль и положил его снова в конверт...

Настоящія пріятельскія отношенія завязались между мною и Михаилом Николаевичем только через года два, послѣ смерти его дочери. Самое больное и острое тогда уже залѣчилось и стерлось временем. И он и Лика нашли, каждый себѣ, новое и болѣе прочное счастье...

Время, смягчив одно, обострило другое... Начинаясь пора, когда закружившая головы, революціонная романтика стала разсѣиваться, как туман, открывая жуткій лик коммунизма.

Красная милиція устраивала в Петроградѣ непрерывныя засады, чтобы поймать неуловимаго матроса — орденоносца Леньку Пантелѣева, бывшаго краснаго героя, прославившагося в боях за Зимній Дворец, теперѣ кричащаго во все горло: "Братушечки, за что же мы боролись!!!", дерзко грабящаго совѣтскіе банки и всаживающаго по рукоятку финскій нож в спину подстереженных на улицѣ чекистов.

Чекисты, из своры Ксенофонтова и Отто, выслѣживали мѣстопробываніе явившагося из Москвы, бывшаго корпуснаго комиссара Данилова, нынѣ схимника Мефодія, публично кающагося во всѣх совершенных им грѣхах и предающаго, послѣ необычайно сильной проповѣди, совѣтскую власть анафемѣ.

В это время мой муж снова попал под начальство Тухачевского, который командовал Ленинградским Военным Округом.

Встрѣча с Тухачевским нѣсколько смущала меня: как-никак, а я вѣдь принадлежала к "выводку лѣсничаго" — доводилась родственницей бывшей женѣ Тухачевского, была свидетельницей его вѣнчанія и всего неудавшагося брака...

Первое время я удачно избѣгала нѣскольких встрѣч с ним, но однажды, поднимаясь по лѣстницѣ дома, гдѣ мы жили, я столкнулась с Михаилом Николаевичем.

— А я только что был у тебя, — сказал он и, взяв меня за плечи, повернул к свѣту. — Покажись, как ты выглядишь... По моему ты выросла. Когда твоя прислуга сообщила мнѣ, что тебя нѣт дома, — я слышал голос твоего отпрыска: он что-то мяукал о мамѣ...

С тѣх пор Михаил Николаевич стал бывать у нас часто. Я являлась для него человѣком, с которым он мог не таиться и быть самим собой. И, по моим наблюденіям, он вообще чувствовал себя с женщинами лучше, чѣм с мужчинами и держался куда проще. Это не означало, что он очень любил ухаживать: его самой большой пріятельницѣ, женѣ начарта Округа М. М. Бѣлавицовой, было далеко за пятьдесят лѣт.

Мнѣ кажется, что тут играло роль и то, что почти на всѣх женщин внѣшность Тухачевского и его обаятельность (а он мог быть таким, когда хотѣл) дѣйствовали неотразимо, и это льстило ему. М. М. Бѣлавицева обожала его так, как не всякая мать обожает своего сына. Усумниться при ней в каких-нибудь достоинствах Михаила Николаевича было нельзя. Од-

нажды я это сдѣлала и надолго испортила свои отношенія с ней.

С мужчинами Тухачевскій, в большинствѣ случаев, держал себя замкнуто. Настоящих друзей среди них у него было немного и наиболѣе дружескія чувства он питал к М. В. Фрунзе.

Однажды Михаил Николаевич сидѣл у нас и вырѣзывал из дощечки перочинным ножом колесико, взамѣн сломаннаго, для игрушечнаго автомобиля моего сына. Взглянув, невзначай, в окно (мы жили тогда на Милліонной, в домах для начсостава штаба Округа, бывших казармах Л.-Гв. Преображенскаго полка), Михаил Николаевич встал с непристудею ему поспѣшностью и бросился к дверям. Не зная, что произошло, я выскочила за ним на площадку парадной лѣстницы и только успела замѣтить, что он съѣхал до перваго этажа... по перилам. Потом быстро пробѣжал нѣсколько ступенек и обнялся с уже вошедшим в вестибюль военным.

— Веду к тебѣ гостя, — весело крикнул он мнѣ через минуту из дверей и пропустил пріѣхавшаго вперед. Передо мной стоял, улыбаясь, Фрунзе.

— Ты уж покорми его чѣм-нибудь до ужина, — хлопотал М. Н. и, обращаясь к Фрунзе, пояснил: — Жена моя на курортѣ, я на холостяцком положеніи и устроился у них приживальщиком.

Пока Фрунзе мыл в ванной руки, Михаил Николаевич заглянул через мое плечо в буфет:

— Водка у вас есть? Если нѣтъ, я сейчас командирую за ней Ксенію (прислугу). Он пьет только бѣлое...

Водка нашлась. Выйдя из ванной, Фрунзе достал из портфеля еще бутылку.

— Французскій коньяк. По совѣсти говоря, достал контрабандой. Я вѣдь помню твой вкус, Михаил... — и он дружески положил руку на плечо Тухачевскаго.

Обычно Тухачевскій пил рѣдко и мало, но в тот день он часто чокался с любившим выпить Фрунзе и стал удивительно веселым и простым.

Фрунзе я не видѣла больше трех лѣтъ. За это время он не то осунулся, не то лицо его измѣнили залегшія между бровей и губ, морщинки, и в сѣрых умных глазах мелькала часто какая-то грусть, которую он видимо хотѣл скрыть.

Прошла ли она под вліяніем встрѣчи с М. Н., или он застал ее поглубже, но он постепенно развеселился и помолодѣл на глазах.

— Николая Владиміровича Курганскаго помнишь? — спросил он М. Н. — Да и вы его должны знать, — обратился он ко мнѣ. — Ну, да, старый свѣтскій лев... Так он теперь в Средней Азійи начальником артиллеріи. Пріѣзжаю я туда. В штабѣ всѣ на лицо, кромѣ него. Болен? — спрашиваю. Всѣ мнутя, — “да, нѣтъ”. Наконец выяснил, что Курганскій записал день тому назад, с чьего-то рожденія, и не может держаться уже на ногах.

— Мы ему сообщили о вашем пріѣздѣ.

— Напрасно, — сказал я: — он вѣдь большой службист.

Если до его сознания это дошло, то его может и удар хватить... Только я это проговорил, слышим на лѣстницѣ странный топот. Выскочили мы туда и видим Курганскій, в полной формѣ, въѣзжает по каменной лѣстницѣ верхом на своем конѣ. Всѣ прямо обалдѣли. Замначполитотдѣла Ковалев, знаешь его? Ругался вѣдь когда-то с ним. Ну, да, тот — с прострѣленной ногой. Его там тоже не любят — прозвали “хромым дьяволом”... Так он просто позеленѣл и ѣл Курганскаго глазами. А тому хоть бы что... Въѣхал на площадку, взял под козырек и рапортует мнѣ:

— Н-а-ч-ар-ртилл-е-риі Кур-ган-скій. При-б-ы-л в ва-ше рас-по-ряженіе.

— Ну и дружил... Пришлось его, для поддержанія дисциплины, распечь... Но от выговора в приказѣ я его отстоял.

— Курганскій у меня в 1923 году был членом армейской аттестационной комиссіи, — сказал Тухачевскій. — Служака, это вѣрно. Раз прихожу к нему на дом: мнѣ срочно понадобилась аттестация на одного артиллериста. Объяснил я ему и расположился, пока он напишет, пить предложенный его женой чай. Вдруг вижу, он появляется в полном снаряженіи, с револьвером, с шашкой и даже в фуражкѣ.

— Вы куда уходите, Николай Владимірович? — спрашиваю его.

— Никак нѣт, тов. командарм, — я сажусь писать аттестацию...

Зазвонил телефон. Я думала, что звонит муж, которого я ждала из инспекціонной поѣздки, но в мембранѣ раздался взволнованный голос начальника политотдѣла округа, Нечаева:

— Михаил Николаевич у вас? Мнѣ доложили, что приѣхал Фрунзе, а его в штабѣ нѣт и квартирный телефон не отвѣчает...

— Относительно меня? — одновременно спросил Фрунзе и, встав из-за стола, взял у меня трубку. — Слушаю. Здравствуйте тов. Нечаев. Нѣт, это напрасная паника — Фрунзе прибывает в штаб округа завтра в 10 час. 0 минут, точно. Да, это совершенно достовѣрные свѣдѣнія, я ручаюсь за это. Кто говорит? Фрунзе. — И улыбаясь глазами, он повѣсил трубку.

Затѣм Фрунзе подхватил моего сына, посадил к себѣ на колѣни.

— Ну, герой, выростешь будешь лихим полководцем. Правда? Мой Тимур, — обратился он к нам, — старше его, а ростом они почти одинаковые...

— Тимур? — переспросила я. Почему вы его так назвали?

— Из духа противорѣчія, — засмѣялся Фрунзе. — Мы с женой долго спорили, еще до его рожденія, как назовем его... Я не люблю ни вычурных, ни модных имен. В концѣ концов заявил женѣ, что если родится сын, то будет Тимур. Тимур — это настоящее имя Тимур-Ленга, европейцы передѣлали его в Тамерлана...

Я вѣдь родился в Средней Азіи, — продолжал он. — А там осталась масса легенд о Тамерланѣ. Когда я учился еще в первых классах гимназіи в Вѣрном, то слушал рассказы о походах

Тимур-Ленга с замираніем сердца. Возмечтал стать завоевателем и завидовал тѣм сверстникам, которых родители отдали в корпус. Будучи в старших классах, я начал ухаживать за одной гимназисткой. Отец ея был артиллерійскій офицер. Он знал, что меня влечет военное дѣло и не только совѣтовал мнѣ стараться попасть в военное училище, но и занимался со мной, подготавливал меня. Дѣлал он это с большой охотой. Но произошло так, что я, вмѣсто военного училища, попал в Петербургскій политехническій институт. Потом вступил в подпольный революціонный кружок. Мечту об училищѣ пришлось сбросить... Но когда я попал, в концѣ четырнадцатаго года, на фронт, то сразу почувствовал себя... так сказать, — в своей тарелкѣ... На отдыхѣ, в перерывѣ между боями, снова стал читать военныя книги. Когда командиру части кто-то доложил, что я революціонер, тот не повѣрил: “быть не может!” Потом вызвал меня к себѣ. Он был настоящій вояка — рубил с плеча. — “Это правда, прапорщик, что вы принадлежите к этим... сукиным сынам... революціонерам? Отвѣчаю ему: “Так точно, ваше превосходительство, состою в “сукиных сынах”. “Да на кой чорт вы полѣзли в революцію, — заорал он. — Когда вы прирожденный военный!!? Так вот. Сейчас война. Отдавать вас под военно-полевою суд мнѣ будет непріятно. Поэтому выбросьте из головы всю эту дурь и, пока вы у меня в части, чтобы никакого разложенія солдат не было. Поняли? Если у вас есть эта... ваша “литература” — немедленно сожгите ее”. Я успокоил его, что кромѣ военных учебников никаких книг не имѣю... “Ну и отлично! — буркнул он. — Вот это дѣйствительно вам пойдет на пользу”...

— Да, — добавил Фрунзе, проведя рукой по усам, — этот генерал-майор был рѣдкій по добротѣ и храбрости чело-вѣк. Позже он был тяжело ранен, отправлен в тыловой лазарет. И всѣ как один чело-вѣк, жалѣли о нем.

— И больше вы с ним не встрѣчались? — любопытствовала я.

— Встрѣчался. Во время гражданской войны. Я тогда командовал 4-й арміей. Раз, послѣ боя, докладывает мнѣ помкомполка (а во время нѣмецкой войны он служил в той же части фельдфебелем), что захвачен большой обоз бѣлых и добавляет: “В том обозѣ наш генерал-майор, больной или раненый”. Я поскакал туда. Дѣйствительно, — лежит генерал на телѣгѣ и, в бреду, командует: — А, ну-ка, ребяташки, в штыки их! Не посраим перед нѣмцами русскаго оружія!!! На что красноармейцы, и тѣ заулыбались... А рядом, бочком на телѣгѣ, немолодая перепуганная дама, обхватила руками, как на-сѣдка, двух подростков... Приказываю возницѣ выѣхать из обоза, править за мной. Дама лепечет: — пощадите дѣтей! “Что с генералом?” — спрашиваю ее. — “Возвратный тиф”, — отвѣчает она.

У себя, пока адъютант выписывал им пропуск, дали мы генералу горячаго чаю, наполовину разбавленнаго чистым спиртом. Это подѣйствовало, — скоро он открыл глаза. Жена ему

что-то на ухо шепчет, а он смотрит на меня. Потом усмѣхнулся в усы и спрашивает: — Что, правильно я вам военную карьеру предсказал? Только не думал, что такую...

А когда уже телѣга отѣзжала, — он поманил меня рукой. С трудом приподнялся и говорит мнѣ прежним рыкающим басом: “За жену и внучат я вам очень благодарен. А все-таки, вы, как вас теперь называют?.. Командарм?.. Вы опять в “сукиных сынах”. Я ставлю вас в извѣстность, что я приѣхал сюда, чтобы вступить в Добровольческую армію... И когда поправлюсь, сдѣлаю это; тогда мы встрѣтимся на полѣ брани...”

— Что ж, — говорю ему, — поправляйтесь, генерал, для меня будет только честь помѣриться силами с таким противником как вы... И уже издали донеслось, как он рычал на жену: — “ты, матушка, хотя я тебя и очень уважаю, а все-таки дура... Гдѣ тебѣ, с твоим бабским разумом понять, как должен говорить мужчина с мужчиной”...

Года через три, я узнал, что генерал доѣхал до города, находившагося в руках бѣлых и там умер. Жена его, с внучатами, осѣла в этом городѣ, и, кажется, живет там до сих пор...

Моему сыну была пора спать, и я пошла укладывать его. Когда вернулась, то с огорченіем увидѣла, что лист “довоеннаго ватмана”, который я раздобыла для себя, разостлан на столѣ, с котораго посуда была составлена на маленькій столик и над ним, почти соприкасаясь головами, склонились Тухачевскій и Фрунзе. Михаил Николаевич уже исчеркал весь лист какими-то знаками и цифрами. Я поняла, что оба они уже плотно сидят на своих коньках и им не до меня.

— Это здорово! — одобрительно сказал Фрунзе. — Я сам думал так, но не в таком размахѣ. Сколько тебѣ понадобится для этого времени?

— Не так много — год-полтора, — отвѣтил Тухачевскій, — но при условіи, что мнѣ не будут все время совать палок в колеса...

— Это я, что ли? — разсмѣялся Фрунзе.

— Нѣт, не ты. Но вот мнѣ, напримѣр, не хватает людей, особенно артиллеристов, которых можно было бы поставить на должности командиров полков и командиров бригад. Москва не хочет утверждать выдвинутых мною кандидатов, потому что они бывшіе офицеры и безпартійные. Предлагают мнѣ на эти должности из “парттысячников”, но ты сам знаешь, какіе из них получились кадры — из тысячи не найти десятка настоящих толковых командиров. И к тому же у них нѣт тѣх знаний...

Фрунзе потер пальцем подбородок:

— А почему твои кандидаты не хотят подать заявленіе о приѣмѣ в партію?

— Не могу же я требовать от них, чтобы они сразу бѣжали записываться в партію, — возразил Тухачевскій и вдруг

добавил: — А знаешь что, Михаил Васильевич, если бы я не вступил в партію тогда, в 1919 году, то сейчас я бы крѣпко подумал и, пожалуй, тоже не вступил бы... теперь...

Фрунзе откинулся на спинку кресла и нѣсколько секунд пристально смотрѣл на Тухачевского. Потом провел рукой по волосам... В глазах его явно проступила та, затаенная, боль...

Слишком длинная пауза повисла в воздухѣ. Мнѣ стало не по себѣ. Казалось даже, что только недавно весело свѣтившія лампочки люстры потускнѣли. Хотѣлось встать и выйти из комнаты, но почему-то не могла придумать предлога для этого и боялась, что уходом я еще больше подчеркну неприятную тяжесть этих минут.

— Не думай, что я намѣреваюсь примкнуть к оппозиціи, — заговорил снова Михаил Николаевич и как-то презрительно махнул рукой. — Споры и дразги наших теоретиков меня по существу мало трогают. Но когда люди, владѣющіе только таким “оружіем”, как нож для разрѣзыванія книг, или перочинным ножом, вдруг выступают со своими замѣчаніями, как надо перестраивать и вооружать армію, то я чувствую, что у меня готова разлиться желчь...

Фрунзе усмѣхнулся и, достав папиросу, стал постукивать ею о крышку портсигара.

— И противнѣ всего, — продолжал Тухачевскій, — что подобныя невѣжественныя разсужденія поддерживаются, из явнаго подхалимства, нѣкоторыми старыми генштабистами. А помнишь тогда, на торжественном засѣданіи в Академіи, когда Сталин рѣшил блеснуть своей “образованностью” и запутался в военной исторіи, как его Зайончковскій выручил: “Товарищ Сталин чрезвычайно глубоко вскрыл причину”. Встрѣтил послѣ этого я Зайончковскаго в коридорѣ и говорю ему: “И не стыдно вам, **генерал**”. А он, как всегда, лисой: “Юмор, знаете, украшает жизнь. Вѣдь никто же не подумал, кромѣ него самого, что я сказал это серьезно”...

— Ты с ним поосторожнѣй, — предупредил Фрунзе: — Я раз его крѣпко отчитал. Он сразу так заволновался, что мнѣ даже неловко стало. Зря я так погорячился, думаю, все-таки он старше меня и отличный специалист. Постарался сгладить все. И он послѣ этого со мною всегда любезен, даже раз пустился в ненужныя откровенности. Проходит с мѣсяц и я, случайно, в разговорѣ с С. С. Каменевым узнаю, что он ему пожаловался на меня. Чуть ли не на слѣдующій день... Недавно встрѣчаю Валерьяна Куйбышева, а он мнѣ говорит: “Да, Сталин просил передать тебѣ, чтобы ты обходился с Зайончковским помягче — он честный и неутомимый работник”. Ну, Куйбышеву-то я все рассказал... А в общем, — заключил Фрунзе, — нам с тобой из-за всего этого голов вѣшать не стоит. Друзей-то у нас больше, чѣм врагов, — и он широко улыбнувшись, взял с маленькаго столика рюмку. — Мы свое дѣло сдѣлаем — армія у нас будет такая, что мір ахнет. Выпьем за нее!

В это время пріѣхал муж. За ужином разговор шел исключительно на военные темы.

— Ну и накормили же вы меня, — вздохнул Фрунзе, — разрѣшите распустить пояс?

— А как у тебя с твоей язвой? — спросил Михаил Николаевич.

— Перед самым отъѣздом был у моего профессора, он успокоил, что это только гастрит и никакой операциі не надо. Он посоветовал еще повидаться здѣсь с профессором Федоровым, для полного успокоенія...

На другой и на третій день своего пребыванія в Петроградѣ, он был в Военно-Медицинской академіи. Профессор Федоров подтвердил діагноз своего московскаго коллеги. Наканунѣ отъѣзда Фрунзе мы были всѣ в Михайловском Театрѣ, слушали Сильву, и на обратном пути Фрунзе, безбожно коверкая, напѣвал:

Частица чорта в нас заключена подчас,
И сила женских чар — зажжет в сердцах пожар...

и дурачась, дѣлал страшные глаза.

Прощаясь он сказал:

— Я, кажется, мало сдѣлал дѣл, но замѣчательно отдохнул у вас...

Никогда я не предполагала, что больше не увидимся с ним... Лѣтом того же года он умер на операционном столѣ "от чрезмѣрной дозы наркоза"... Если мнѣ не измѣняет память, то Тухачевскій во время смерти Фрунзе был в какой-то командировкѣ. Не знаю, сумѣл ли он пріѣхать на похороны Фрунзе, но мой муж был на похоронах. Пріѣхал он обратно в подавленном состояніи духа. Я отнесла это к скорби о трагической смерти Фрунзе.

— Послушай, зачѣм же он вдруг рѣшил дѣлать операцию, которая была ненужна? Вѣдь Федоров подтвердил діагноз, что это не язва... — пристала я, к уткнувшемуся в книгу, мужу. И когда тот не отвѣтил, повторила тот же вопрос. Наконец, муж поднял глаза и сказал:

— Этого не знает никто — может быть незадолго до операциі ему стало плохо и он на нее рѣшился... Да и что тебѣ за охота задавать дѣтскіе вопросы, — раздраженно добавил он...

Обидѣвшись на мужа, я ждала пріѣзда Михаила Николаевича, надѣясь получить от него не такой отвѣт. Но он, как на зло, не пріѣжал. Я же никак не могла не думать о нелѣпости смерти Фрунзе. Нашла медицинскій учебник и проштудировала все, что относится к желудочным заболѣваніям настолько хорошо, что это сохранилось до сих пор в моей памяти. На мою удачу, жена моего родственника прихворнула. Она была женщиной очень мнительной и страшно боялась ра-

ка. Поэтому муж ее просил проф. Федорова осмотрѣть ее. Я воспользовалась случаем и, выйдя из дома родственников вмѣстѣ с профессором, навела разговор на операцию Фрунзе.

— Ваш Фрунзе, очевидно, страдал дамской мнительностью, — брюзгливо сказал Федоров, — а для мнительных людей не существует медицинских авторитетов. Он не повѣрил своему московскому профессору діагносту, и обращался ко мнѣ. Мнѣ он тоже не повѣрил и обратился, видимо, к третьему и ему повѣрил, хотя діагноз был неправильный. Иначе я себѣ этого объяснить не могу...

— Но, вѣдь, он сам очень рад был, что операция не нужна, и сознавался, что ему легче идти под пули, чѣм ложиться на операционный стол, — возразила я.

Профессор развел руками:

— У мертваго все равно не спросишь...

Когда пріѣхал Михаил Николаевич, то я не начала “с дѣтских вопросов”, а высказала по порядку свое мнѣніе по поводу его гибели, подкрѣпляя его медицинскими данными, которыя излагала со скрытой гордостью.

Он слушал с невозмутимым выраженіем лица, глядя на носок своего покачивающагося сапога. Когда я закончила, он посмотрѣл на меня и сухо спросил:

— С кѣм ты еще разглагольствовала по этому поводу? Ни с кѣм? Ну, хоть это хорошо. И если ты намѣрена продолжать разговор со мной на эту тему, что я буду вынужден уйти.

В это время вошел муж и Михаил Николаевич сказал ему, что он зашел специально, чтобы сыграть в шахматы. Играли они всегда в кабинетѣ мужа. Прежде чѣм выйти из комнаты, Михаил Николаевич подошел ко мнѣ, молча взял мою руку и поцѣловал ее.

В тот же день вечером муж, обняв меня за плечи, усадил на диван в своем кабинетѣ и сказал:

— Михаил мнѣ рассказал о том, что ты ему говорила. И я очень прошу тебя ни с кѣм на эту тему больше не говорить. Именно потому, что вся эта исторія слишком загадочная, даже... темная. Я сам о ней знаю только то, что Михаил Васильевич (Фрунзе) пошел на операцию не по своей волѣ, а под давленіем...

Послѣ смерти Фрунзе Тухачевскій сильно измѣнился. Он стал еще болѣе замкнутым, рѣдко гдѣ-нибудь бывал, а перед тѣм, как придти к нам, освѣдомлялся по телефону, нѣтъ ли гостей. Как-то я его не видѣла около двух недѣль и, когда он пришел, то мнѣ бросилось в глаза, что он сильно похудѣл и цвѣт лица был желтый.

— Тѣ чѣм-нибудь болен? — спросила его я, — или бросил совсѣм лѣчиться и опять запускаешь болѣзнь?

— Я знала, что у него была в слабой формѣ “базедова болѣзнь”. Ее обнаружил случайно при мнѣ, в лѣчебницѣ, гостившій у тети Ани ее брат, извѣстный Петербургскій врач.

— А, ну-ка, разстегните воротник, дорогой, — обратился

он внезапно тогда к Михаилу Николаевичу. Пошупав его шею, потом посмотрѣвъ глаза, он со всей прямою врача спросил:

— Это у вас давно? С дѣтства?

Тухачевскій явно смутился и отвѣтил, что замѣтил припуханія на шеѣ послѣ бѣгства из плѣна во время великой войны:

— Я бѣжал через Швейцарію и мнѣ нѣкоторое время пришлось просидѣть в нѣмецком мѣстечкѣ, на побережьи Бодензее, гдѣ всѣ были почти сплошь зобатые. И я пил ту же воду, что и они...

— Это чепуха, — опроверг доктор. — Вы прожили там слишком малый срок и уже не в дѣтском возрастѣ. Вот истощеніе в плѣну скорѣй могло вызвать неправильное функционированіе щитовидной железы. Или она работала повышено у вас с дѣтства. У вас это явленіе в малой степени — если будете регулярно принимать то, что я дам, и слѣдить за собой — излѣчите все. Запустите — будет плохо.

Я знаю, что Михаил Николаевич аккуратно принимал прописанный ему іод и исполнял другія предписанія. Но слѣды болѣзни остались: он не переносил, когда что-нибудь стягивало его шею, — это его “душило”. Поэтому военные портные шили ему гимнастерки и френчи с болѣе низким, чѣм полагалось по формѣ, вырѣзом у ворота. (Недоброжелатели его утверждали, что это он дѣлает ради того, чтобы “похвастаться красотой шеи”). Оставалось и небольшое пучеглазіе, становившееся болѣе замѣтным, когда он долго и напряженно работал.

— Вид у тебя очень неважный, — продолжала настаивать я. — Почему ты не хочешь посоветоваться с другими докторами и, вообще, дѣлаешь из своей болѣзни такую тайну, будто это неприличная болѣзнь?

— Ты бываешь иногда настоящей вѣдьмой. Я перенес на ногах грипп и много работал — устал. Лучшаго врача, чѣм “дядюшка”, я не найду. Кромѣ того, что он отлично лѣчит, он интересно рассказывает о своих похождениях в молодости. Вдобавок дает еще совѣты, как побѣждать женскія сердца и оставаться непобѣдимым... Видишь ли, дорогая моя, — сказал он вдруг серьезно, — я не хочу идти к нашим военным свѣтилам, потому что всѣ их діагнозы будут пересылаться в нашу -санчасть. У меня тогда появится “исторія болѣзни”, которой всегда могут воспользоваться не в мою пользу. Как это произошло с Фрунзе... Поняла?

Красная армія реорганизовывалась и расширялась. В Подъѣздном переулкѣ, рядом с Дѣтскосельским вокзалом, были учреждены курсы усовершенствованія для команднаго состава броне-танковых войск, начальником которых был назначен Келлер. В Дѣтском Селѣ в б. Офицерской школѣ размѣстились артиллерійскіе курсы усовершенствованія, первым начальником

которых был высокій и тучноватый быв. генерал-майор артиллеріи Иванов. На другой сторонѣ Кадетскаго Бульвара, в Бѣлом городкѣ, расположилась, составленная из артиллерійских полков быв. Западной арміи, Первая Артиллерійская дивизія, которой командовал Н. П. Андріяшев. В началѣ бульвара, против парка, обосновалась Пѣхотная школа. Остальныя казармы, желтыя кирасир и гренадер, были заняты входящими в состав дивизіи 110 и 11 артиллерійскими полками и отдѣльным конно-артиллерійским дивизионом.

В Петроградѣ, на мѣстѣ Михайловскаго и Константиновскаго училищ, были образованы 1-ая и 2-ая артиллерійскія школы. (Начальник 1-й артиллерійской школы Н. Н. Воронов, послѣ сталинскаго разгрома красной арміи, был назначен в 1937 г. начальником артиллеріи РККА, на мѣсто разстрѣляннаго Н. М. Роговскаго, и стал позже первым маршалом артиллеріи).

Для возстановленной Артиллерійской академіи, и для всѣх курсов и школ, срочно понадобились квалифицированные начальники отдѣлов, кафедр, и преподаватели. В связи с этим мнѣ запомнились два случая, происшедших на моих глазах.

Однажды Тухачевскій спросил меня:

— Ты знаешь генерал-майора Д.?

— Знаю. Он отчим Жени (Женя была моей подругой дѣтства).

— Можешь ты мнѣ устроить свиданіе с ним? Он отличный артиллерист, — я хочу его уговорить преподавать в Академіи.

Хорошо зная антисовѣтскія убѣжденія ген. Д., я взялась за это порученіе скрѣпя сердце. Сначала Д. отказался наотрѣз. Потом, возможно поговорив с братом и женой, вернулся в комнату Жени и сказал, что он может встрѣтиться с Тухачевским, но не у него и не у себя. — Я предпочитаю встрѣтиться у вас. Мы приѣдем вмѣстѣ с Варварой Дмитріевной. Она меня одного не пускает, боится, что я ему наговорю лишняго... Но я боюсь, что ни ваше, ни ея присутствіе не удержат меня от соблазна сказать ему в лицо, что я думаю... — проворчал он.

Я приготавливалась к встрѣчѣ гостей без большой радости. Тухачевскій пришел минут на десять раньше. Он был спокоен и даже весел.

Когда Д. приѣхали, то я представила их друг другу. Поцѣловав руку Варварѣ Дмитріевнѣ, Тухачевскій повернулся к Д.

— Здравствуйте, генерал.

— Здравствуйте, поручик, — буркнул тот. Лицо Варвары Дмитріевны покрылось пятнами. Я опѣшила тоже. Тухачевскій, весело улыбнувшись, сказал Д.:

— А знаете, ваше превосходительство, я не думал, что это, давно мною неслышанное обращеніе, звучит так пріятно...

— Да... Да... — нѣсколько смущенно пробормотал тот и потом, взглянув со свойственной ему прямою на Тухачевскаго, добавил уже твердым голосом. — Не обижайтесь на меня...

Я знаю, что по положенію вы выше меня, но я признаю только тѣ чины, которые давались в арміи Его Императорскаго Величества.

Тухачевскій, кивнув головой, начал разговаривать с его женой, коренной москвичкой. У них нашлись общіе знакомые и, наконец, они выяснили, что однажды, в то время когда Тухачевскій был в училищѣ, он был приглашен на бал в дом своего товарища, на котором была и она. Генерал Д., прислушиваясь к их разговору, часто и надолго задерживал свой взгляд на Михаилѣ Николаевичѣ, как будто свѣряя то, что он слышал о нем, с личным впечатлѣніем.

Не будь Михаил Николаевич, до мозга костей, военным, из него вышел бы отличный дипломат. Совсѣм очаровав жену генерала, он ловко повернул разговор на русско-нѣмецкую войну. Генерал не выдержал. Через десять минут мы с Варварой Дмитриевной были забыты; они разбирали минувшія событія — в один голос ругали одних и хвалили других генералов. Потом Тухачевскій, спрашивал генерала о положеніи на фронтѣ в тѣ годы, когда он был в плѣну, продолжал держать его в “военном трансѣ”. И казалось, что тот сбросил со своих плеч добрые два десятка лѣт...

— Простите, — перебил его раз Тухачевскій, — вы меня навели сейчас на одну очень важную мысль. — Он поднялся, взял со столика свой портфель и достал из него карту. Подвинув свой стул вплотную к стулу Д., разложил на своих колѣнях карту.

— Я считаю, что тут ошибка. (Затѣм посыпались всякіе военные термины). — Да... Да... Именно так. Огромное вам спасибо...

Когда Михаил Николаевич спрятал карту в портфель, генерал глубоко вздохнул.

— Скажите, ваше превосходительство, — спросил, садясь к столу, Тухачевскій. — Согласились ли бы вы занять, должность старшаго преподавателя артакадеміи? Прежде чѣм дать мнѣ отвѣтъ, позвольте мнѣ высказать свое мнѣніе: уѣхать сейчас за границу вы не можете...

— У нас для этого нѣтъ ни денег, ни связей, да и никого из родственников там, — вмѣшалась Варвара Дмитриевна.

— Вот видите. А для того, чтобы жить, вам все равно придется гдѣ-нибудь работать. Ну, устройтесь вы, при удачѣ, счетоводом или бухгалтером в какое-нибудь учрежденіе. Все равно вы будете на **совѣтской службѣ**, но только не по специальности. Вѣдь так? А работа в академіи даст вам, помимо матеріальной обезпеченности и твердаго правового положенія, и удовлетвореніе тѣм, что вы передаете свои знанія другим...

— Я не могу нарушить присяги, — защищался генерал.

— Вы были вѣрны присягѣ Государю, пока он был жив. В душѣ вы можете сохранить вашу вѣрность... Но скажите, неужели вы вѣрите и теперь, что какое-нибудь из государств — Англія, Франція или Америка — даст возможность Врангелю

или Деникину устроить новый поход, поддержав их своими войсками?

Генерал только махнул рукой.

— Хотѣли бы вы видѣть Россію нѣмецкой колоніей? — спросил Тухачевскій.

— Упаси Боже!

— Не забудьте, что рядом с нами крѣпнет и наш исконный враг — Германія. Нѣмцы недолго будут играть в пацифизм. Они скоро замаршируют во всю. И они никогда не перестанут видѣть во снѣ наши плодородныя земли. Одной Польши им не хватит. Нам надо создать настоящую армію, болѣе сильную чѣм у них. Будущую войну будет вести не кавалерія и пѣхота, а артиллерія, танки и авіація. Особенно послѣдняя. Вы знаете, какая нехватка офицерскаго состава была у нас в прошлую войну... Сейчас у нас совсѣм критическое положеніе: гимназическая и студенческая молодежь в большинствѣ погибла во время гражданской войны. Мы собираем в артиллерійскія школы все лучшее, что можем найти. В первый набор в артакадемію попали, в большинствѣ, тѣ, кто уже закончили во время войны ускоренный курс артиллерійских училищ. Подбор слушателей там неплохой.

— А скажите, мнѣ не нужно будет записываться в эту... в партію?.. опасново освѣдомился генерал.

— Нѣтъ, это совсѣм не обязательно, — улынулся Тухачевскій. — Особенно для тѣх, кто на преподавательской работѣ. Я думаю, что среди ваших будущих коллег вряд ли найдется хоть один обладатель партбилета.

— Должен поставить вас в извѣстность, что я уже был зачислен в армію ген. Юденича и если бы меня не свалил тиф, то я боролся бы против вас в ея рядах.

На лицѣ Варвары Дмитриевны выступили снова пятна.

— Но вѣдь ты только записался и накануне отъѣзда заболѣл... Потом, когда он поднялся, свалились дочь и я.

— Совѣтую вам вообще позабыть об этом, — сказал ему Тухачевскій. — И потом я понимаю, что вам трудно рѣшить это сразу. Подумайте... Но только не очень долго — мнѣ нужен ваш отвѣтъ не позже, чѣм через три дня.

Через два дня Михаил Николаевич сообщил в Москву о согласіи генерала Д.

Второй случай окончился иначе. Одна моя дальняя родственница попросила меня устроить свиданіе с Тухачевским сыну ея подруги по институту, бывшему гвардейскому офицеру, желавшему поступить в красную армію.

В назначенный день он явился ко мнѣ с букетом дорогих роз и за то время, пока мы ждали М. Н., опоздавшего на полчаса, произвел на меня своей слащавостью неприятное впечатленіе.

Как только Тухачевскій пришел, Н. с большим пафосом объявил ему о своем "горячем желаніи вступить в армію и быть полезным совѣтской странѣ". К этому он добавил, что в бѣлой

арміи он не был и никогда не принимал участія “в контр-революціонных офицерских организаціях”.

Чѣм больше гость говорил, тѣм сильнѣе мѣнялся Тухачевскій. Я никогда его не видѣла таким надменно-холодным. Внезапно он рѣзко ударил ребром портсигара о стол и прервал изліянія Н.

— У нас в арміи служат и бѣлые офицеры, взятые в плѣн с оружіем в руках. Скажите, если вы были всегда так лояльны к совѣтской власти, то почему не вступили в красную армію раньше? Напримѣр, когда мы отбивали нашествіе поляков... Молчите? Тогда я скажу за вас: бѣлую армію вы не поддерживали, выжидая, когда другіе принесут вам на щитѣ прежнюю жизнь... А своей головой вы, штаб-ротмистр, для этого не рискнули... Сохраняя свою шкуру, вы не пошли и в красную армію... Теперь поздно. Такіе, как вы, арміи не нужны. Идите, устройтесь в дворники — мѣсто спокойное... Но я не стану вас рекомендовать даже туда...

Н, выскочил от меня, как ошпаренный. Моя родственница написала мнѣ письмо, полное яда, с намеками на отказ от родства. Позднѣе я узнала, что ея протеже в дворники не пошел, а устроился “вольнораемым инструктором верховой ѣзды” в школѣ пограничных войск ПУ. Через год он подал заявленіе о приѣмѣ в партію и был зачислен сначала в обслуживающіе школу кадры, затѣм уѣхал в Москву на какіе-то курсы. Через три года он уже носил ромб и успѣшно дѣлал дальнѣйшую карьеру. Надо полагать, что в душѣ он ненавидѣл Тухачевского и, может быть, был в числѣ тѣх, кто помогал Сталину свалить и уничтожить маршала.

Чѣм выше восходила звѣзда Тухачевского, тѣм больше темных туч скоплялось на партійном горизонтѣ, гдѣ “погоду” дѣлал Сталин.

Мнѣ только раз пришлось присутствовать при встрѣчѣ М. Н. Тухачевского со Сталиным. Это было, если не измѣняет мнѣ память, в концѣ 1924 года, на квартирѣ В. В. Куйбышева.

В. В. Куйбышев, бывшій в то время замѣстителем предсѣдателя Совѣта Народных Комиссаров и Совѣта Труда и Обороны СССР, был в числѣ искренних доброжелателей Тухачевского. Куйбышев происходил из старой военной семьи. В то время, когда он родился, его отец был капитаном, и полк, в котором он служил, стоял в Омскѣ. Отец мечтал, что всѣ три сына пойдут по пути предков — станут военными. Но старшій, Валерьян, пошел характером в мать, очень добрую и романтическую женщину. В дѣтствѣ мальчик много болѣл и для подготовки его в корпус был взят репетитор. Репетитор был исключен из университета за принадлежность к революціонному кружку и выслан в Омск. Валерьян сильно привязался к нему. Вмѣстѣ с усвоеніем наук, мальчик воспринял от него и основы революціонных идей. Экзамены в корпус Валерьян сдал блестяще, но корпусная жизнь и дисциплина были совершенно

чужды его натурѣ. Всю зиму он "тянул ляжку", а вырвавшись на каникулы, бѣжал к бывшему репетитору и горько жаловался на свою участь. Чѣм старше становился Валерьян, тѣм больше он набирался революціонныхъ идей в кружкѣ, куда ввел его быв. репетитор. Кончилось это тѣм, что Валерьяна исключили из послѣдняго класса корпуса. Сдав экстерном экзамен на аттестат зрѣлости, Валерьян поступил в Казанскій университет. Там он примкнул к социал-революціонерам и в 1904 году вступил в партію.

Средній сын Куйбышевых — Юрій умер мальчиком и военную традицію семьи продолжал младшій сын, Николай, ровесник и однокашник (по училищу) Тухачевского. Николай окончил Омскій корпус и Александровское военное училище. Политикой Николай никогда не интересовался, и до революціи, несмотря на дружбу между братьями, они жили каждый своей жизнью. Но послѣ революціи Валерьян перетащил брата на сторону красных и уговорил его в 1918 году вступить в партію.

Судьба столкнула Тухачевского с Николаем Владиміровичем Куйбышевым в 1918 году на вокзалѣ в Москвѣ. И эта случайная встрѣча опредѣлила дальнѣйшую судьбу маршала. Н. В. Куйбышев затащил его к себѣ и познакомил с братом. Старшій Куйбышев, угадав и оцѣнив незаурядную натуру Тухачевского, три дня уговаривал его примкнуть к большевикам. Он свел его со старшими офицерами, уже перешедшими к красным и, когда Тухачевскій был завербован, В. В. Куйбышев использовал все свое вліяніе в партіи, чтобы выдвинуть молодого поручика на отвѣтственный военный пост. Он сам поручился за Тухачевского и нашел для него еще других поручителей.

В то время В. В. Куйбышев был начальником всѣх политотдѣлов кр. арміи, и слово его было достаточно вѣским.

Послѣ окончанія гражданской и совѣтско-польской войн, он жестоко раскритиковал Сталина, как члена реввоенсовѣта. Во время разбора "исторической тяжбы" Тухачевского со Сталиным, В. В. Куйбышев стал сразу на сторону перваго и заставил безпристрастно высказаться по этому вопросу Смиглу, который был комиссаром у Тухачевского.

В началѣ 20-х годов вѣс старшаго Куйбышева в партіи был несравненно больше, чѣм Сталина. На одиннадцатом съѣздѣ партіи Валерьян Владимірович был единогласно избран в Центральный Комитет партіи. Говорили, что Сталин был взбѣшен, когда Ленин подписал назначеніе Куйбышева народным комиссаром Рабоче-Крестьянской Инспекціи. На посту зам. председателя Совѣта Народных Комиссаров и Совѣта Труда и Обороны СССР В. В. оставался до 1926 года, пока Сталин не забрал достаточно власти, чтобы перевести его на хозяйственную работу (предсѣдателем Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства). Усиленно "выдвигая" его на этот "высокій пост", Сталин старался выжить его из контрольных правительственных органов и отдалить от красной арміи, чтобы замѣть послѣ его перево-

да поднятое Куйбышевым дѣло “о разслѣдованіи причин смерти М. В. Фрунзе и привлеченіи к отвѣтственности виновников его преждевренной гибели”. Но это произошло позже.

К Куйбышевым я попала при слѣдующих обстоятельствах: мой муж был вызван в Москву для разбора тактической военной игры, которая проводилась в академіи или штабѣ РККА. Я поѣхала с мужем, чтобы навѣстить родственников. На второй день вечером позвонил Тухачевскій и сказал, что он заѣдет за нами, но куда он хочет нас везти, он не сказал. Уже в автомобилѣ он объявил, что мы приглашены к Куйбышевым. Муж начал протестовать, но Тухачевскій категорически заявил, что он уже общал привезти нас, и должен это сдѣлать.

— Валерьян Владимірович славный человек, а Николая ты хорошо знаешь — отказываться нѣтъ причин. Незнакомая среда? Все равно, рано или поздно тебѣ придется соприкоснуться с ней, — отвѣчал он на возраженія мужа. — Куйбышев очень интересуется арміей, и ты сам увидишь, что у них будет больше военных.

Тухачевскій сказал правду, — в прихожей на полкѣ вѣшалки мы увидѣли цѣлый ряд военных фуражек. В большом кабинетѣ, куда нас ввел хозяин, сидѣли С. С. Каменев, Муклевич с женой, В. Н. Левичев, Сѣдякин, брат хозяина и Валерій Межлаук. Потом подошли еще два политотдѣльца, старые сослуживцы Куйбышева. У них были очень интересные жены, явно не пролетарскаго происхожденія. Да и сами они вряд ли имѣли представленіе о конструкціи сохи или плуга.

Вскорѣ пріѣхал Фрунзе с очень тучным артиллеристом. Их пріѣзд внес сразу оживленіе. Узнав, что они оба пріѣхали прямо с поѣзда, хозяйка дома поторопилась посадить гостей за стол.

Моим сосѣдом слѣва оказался пріѣхавшій с Фрунзе артиллерист. Он с явным уныніем оглядѣл стол, на котором стояло три-четыре бутылки вина и даже засопѣл носом. Фрунзе перехватил его взгляд и разсмѣялся:

— Что, Внуков, — плохи дѣла? А?

— А что случилось? — спросил Куйбышев.

— Да вот... я и он — мы вина не пьем...

— Что же вы пьете?

— Нарзан...

Жена Куйбышева безпомощно развела руками.

— Если вы позволите... — обратился к ней оживившійся Внуков, — у меня есть с собой...

— Захватите там и мой портфель, — крикнул ему вдогонку Фрунзе.

Вернувшись с двумя портфелями, Внуков передал один из них Фрунзе, а из другого извлек двѣ литровых бутылки с водкой. Лица у большинства замѣтно повеселѣли, а когда Фрунзе достал из своего портфеля еще третій литр, то кто-то даже одобрительно крякнул...

— Это он меня надоумил, — кивнул Фрунзе на моего сосѣда. И потом, весело разсмѣявшись, сказал, обращаясь к не-

му: — Вы уж разрешите мнѣ рассказать о “злоключеніи”... Выѣзжаем мы с ним из Москвы, — начал он свой рассказ, — а он мнѣ по пути на вокзал говорит: “а знаете, Михаил Васильевич, я забѣгу в магазин — куплю водки: мѣсто-то там малярійное и для профилактики вечером выпить по стопкѣ водки не мѣшает”. Зашли мы вмѣстѣ — купили по бутылкѣ. Приѣхали туда. Ну, водку на учение с собой не потащишь, а в комнатѣ, гдѣ нас устроили — двѣ кровати, стол и стулья. Ни шкапа, ни тумбочек. Так ее оставить неудобно... Ну, тов. Внуков догадался — на столѣ большой графин с водой. Он воду вылил и вмѣсто нея налил водку. Почти вся вмѣстилась... А что осталось — мы выпили и закусили, взятыми в дорогу, бутербродами. Всю ночь мы пробыли на опытных артиллерійских стрѣльбах — ночь была довольно прохладная, там дѣйствительно сыро и комаров уйма — убил я их на своей шеѣ и физиономіи нѣсколько десятков — анофилесов, или нѣтъ, чорт их знает... Думаю, хорошо, что у нас водка есть — приѣдем согрѣемся, и “малярію убьем”... Возвращаемся утром. Солнце уже довольно высоко и пригрѣвает. Подѣзжаем к нашему бараку... Что за чорт! Водкой так разит, что ѣздовые носами потянули. А на ступеньках женщина-уборщица сидит. Увидѣла нас, бросилась к нам и что-то сквозь слезы бормочет... Оказывается, она, убирая комнату, рѣшила перемѣнить воду в графинѣ... Вылила все содержимое из него через окошко и только, когда вылила, то запах почувствовала и поняла...

Всѣ уже выпили по нѣсколько рюмок, когда раздался новый звонок.

На порогѣ столовой появился коренастый человекъ восточнаго вида, а за ним другой, повыше и русскаго типа, в военной формѣ, но без петлиц и с умным, но непріятным лицом. Их появленіе не вызвало замѣшательства, но никто не проявил и радости.

— Да мы, собственно, по дѣлу, — поздоровавшись с хозяином, заговорил первый и быстро обѣжал глазами присутствующих, — но не знали, что у тебя гости...

Прежде чѣм сѣсть за стол, он обошел всѣх.

— Сталин, — сказал он и задержал на нѣсколько секунд мою руку в своей широкой и жесткой рукѣ. Чуть прищуренные коричневые глаза за это время как бы ощупали мое лицо и заволоклись маслянистой улыбкой. Его спутник сказал свою фамилію неразборчиво и потом сѣл напротив меня, рядом со Сталиным. Общій веселый разговор как-то сразу оборвался. Сталин отказался от водки и, поднимая наполненную вином рюмку, оглядѣл опять присутствующих, потом вдруг встал...

— Я пью за память нашего вождя и друга Владиміра Ильича... — как-то напыщенно произнес он. Мнѣ показалось, что он разразится долгой рѣчью, но, выпив, он снова оглядѣл всѣх и сѣл.

Мнѣ кажется, что каждый ощутил какое-то непріятное чувство послѣ этого тоста... Наступила длинная пауза, потом старшій Куйбышев обратился к С. С. Каменеву с вопросом о какой-

то спеціальної військової школи. Більшість як-то занадто охотно підтримало розмову на цю тему. Я помітила, що в очах спутника Сталіна мелькнула неприємна усмішка.

Сам Сталін уважливо прислухався до розмови і поворачивав голову то в сторону одного, то другого говорячого. Я не пам'яю, яким чином зашел враз розмова про німців. Якщо не помилюсь, його почав хто-то з політроботників, в зв'язі з виступом або приїздом в Москву якого-то видного німецького комуніста... Сталін раптом вмішався в розмову. Він заговорив про те, що німці будуть найбільш надійними союзниками. Вони суміли скинути Вільгельма. Комуністическе рухання в Німеччині шириться. Укріплення дружеских стосунків між РСФСР і Німеччиною відкриває великі перспективи в майбутньому і знищить всі плани Антанти, направлені проти радянської влади. Говорив він на цю тему доволі довго. Не можу сказати, що він говорив погано. Обороти речі були у нього правильні, а інші недоліки ховав акцентом. Але він часто повторювався і виходило нудно. Він ще не скінчив, коли його перебив, і доволі неввіжливо, Тухачевський. Михайл Николаевич почав говорити спокійно, але в тоні його було щось-то, чого Сталін раптом густо покраснів, а пришедший з ним підняв голову і став дуже уважливо приглядуватися до Тухачевському.

Почав з того, що треба добре знати країну, про яку говориш, Тухачевський обрушився на всю силу свого красномов'я на німців. Він приводив приклади з історії, розповідав про те, як стосувалися німці до польських.

— Не забудьте того, — закончив він, — що німці відчувають себе по відношенню до нас переможцями, хоча фактично перемога була б на російській стороні. Німеччині не вистачає землі і, накопив сили, вона когось-небудь ще раз спробує відняти у нас найкращі родючі землі. Тому я вважаю і буду вважати, що те, що ми допускаємо зараз їх до себе занадто вільно — величезна помилка. З числа тих, хто у нас тепер учаться, вийдуть найнебезпечніші для нас вороги.

Тухачевський, по видимому, мав на увазі німецьких офіцерів, які в той час навчалися в Казанській танкової школі. Таємний військовий договір між Німеччиною і РСФСР був підписаний ще Леніним і за цим договором німецькі офіцери вивчали у нас танкове і літне діло. Школа для танкістів знаходилася в Казані, а для літчиків в передмісті Харькова.

— Я не розумію, чому це небезпечно для нас, — заперечив на останні слова Тухачевського Сталін, — наші командири в будь-якому разі вийдуть в Німеччину.

Тухачевський махнув рукою.

— Ви штатський чоловік і тому зрозуміти вам важко.

У Сталіна забігали по щоках жуки. Воцарилася нікотирична неловкість.

— Я вважаю, що Михайл Николаевич багато прав, — сказав старший Куйбішев. — Німцям палець в рот класти не можна. І нам буде обо всім цьому краще подумати... Ну, а

сейчас выпьем за нашу доблестную Красную армию, которая, в случаѣ чего, даст отпор всѣм врагам.

Непріятный разговор был замят, но надо полагать, что в памяти Сталина он остался. Послѣ ужина большинство мужчин собралось в кабинетъ хозяина. Туда же ушел и Сталин. Не знаю из-за чего, но там разгорѣлся спор. Тухачевскій вышел из кабинета, поправляя пояс.

— Налейте и мнѣ, пожалуйста, чашку чаю и покрѣпче, — обратился он к родственницѣ хозяйки. За ним вышел, улыбаясь, В. И. Межлаук. Он оглянулся на дверь, откуда еще слышались возбужденные голоса, и сѣл между Внуковым и Тухачевским.

— Ты только, Валерій Иванович, не учи Внукова, пожалуйста, как надо из пушек стрѣлять, — сказал Тухачевскій.

— Как раз я и намѣревался сдѣлать это, — разсмѣялся Межлаук, — но только хочу раньше узнать, с какой стороны надо заряжать пушку. Нѣтъ, куда же мнѣ в военные знатоки лѣзть... Пусть этим другіе тѣшатся... Его там сейчас Сергѣй Сергѣевич “развлекает”.

В это время из кабинета вышел человек, пришедшій со Сталиным, и Межлаук сразу переимѣнил разговор.

— Ну, что, Александр Николаевич, как дѣла с организацией экспедиціи на сѣвер? — спросил он его.

— Скоро все закончат, — отвѣтил тот и стал пояснять, что задержало экспедицію. Говорил он очень ясно, проявляя знаніе дѣла, и я подумала, что он принадлежит к научным работникам. Но в это время Внуков, обсуждая с Тухачевским какое-то сраженіе, запнулся, и Александр Николаевич, прервав на минуту свой разговор, подсказал ему какой корпус вел там операциі. Тухачевскій постарался втянуть его в разговор и потом спросил:

— Почему вы ушли из строя?

— Думаю, что на другой работѣ смогу принести республикѣ пользу, — уклончиво отвѣтил тот.

Затѣм он снова начал продолжать прерванный разговор с Межлауком. Я как-то невольно наблюдала за ним и поражалась его эрудиціи. Чувствовала в нем какая-то внутренняя сила, которую он не старался проявлять. Скорѣе старался не показывать ея. Вскорѣ я убѣдилась, что у него способность, разговаривая, слышать все, что говорят вокруг и что к женским разговорам он прислушивался также внимательно, как и к мужским. Почувствовав, что я за ним наблюдаю, он вдруг посмотрѣл на меня в упор. Должна признаться, что мнѣ стоило больших усилій выдержать его взгляд, но я постаралась это сдѣлать, хотя по моей спинѣ вдруг забѣгали мурашки.

Тухачевскій, замѣтив, выручил меня, обратившись ко мнѣ с каким-то вопросом. Послѣ этого я уже чувствовала, что все время нахожусь под наблюдением этого страннаго и чѣм-то антипатичнаго мнѣ человека, хотя он ни разу не посмотрѣл в мою сторону. Меня это до такой степени раздражало, что, воспользовавшись тѣм, что мой муж, наконец, появился в дверях

кабинета, я подошла к нему и попросила, сославшись на головную боль, скорѣе ѣхать домой. Но это услышал. вышедшій за ним Фрунзе и сразу же предложил мнѣ порошок пирамидона. Фрунзе взял со стола стакан и потащил меня в кухню. Когда он наливал воду, я спросила его, кто этот Александр Николаевич?

— Что, он произвел на вас большое впечатлѣніе? — шутливо спросил Михаил Васильевич.

— Ужасно неприятное, — невольно содрогнувшись, отвѣтила я.

Фрунзе нѣсколько секунд смотрѣл на меня молча, а потом тихо сказал:

— У вас, видно есть чутье. Только постарайтесь скрыть от него ваши чувства. Я вам потом скажу о нем. Его фамилія Поскребышев.

Всѣ уже снова были в столовой. Сталин рассказывал дамам какіе-то плоскіе анекдоты и казался в прекрасном настроеніи. Я замѣтила, что с Тухачевским он был так любезен, будто не было никаких столкновеній. Перед отѣздом он расспрашивал его о том, не нужна ли ему в чем-нибудь помощь. Тухачевскій довольно сдержанно поблагодарил и пообѣщал, что в случаѣ надобности обратится к нему. Проходя мимо меня Сталин вдруг остановился и, улыбаясь, сказал:

— Я все собирался спросить, чья вы дочка?

— Это жена Михаила Николаевича Тухачевского, — вдруг сказал за моей спиной Поскребышев.

Я рѣзко повернулась к нему и опять постаралась выдержать его взгляд.

— Вы ошибаетесь, — сказала я так спокойно, как могла. — Мой муж стоит с Фрунзе у окна, а с Михаилом Николаевичем мы только в родствѣ.

— Простите за ошибку. Меня сбило с толку то, что вы на ты, — сказал Поскребышев, но взгляд его опять попытался заглянуть в мою душу.

Сталин сказал мнѣ двѣ-три банальных фразы и стал прощаться. Вмѣстѣ с ним скрылся и Поскребышев. Послѣ их ухода я не выдержала и вздохнула так облегченно и глубоко, что на меня оглянулись. Я поймала укоризненный взгляд мужа. Один из политработников был, видимо, сильно шокирован, и смотрѣл на меня, как лягушка на муху, но Фрунзе, дружелюбно смѣясь, крикнул мнѣ через стол:

— Вижу, что мой пирамидон подѣйствовал и головная боль прошла? А?

Со Сталиным мнѣ довелось встрѣтиться еще раз, через нѣсколько лѣт, у общих знакомых. Он тогда уже изгнал из РСФСР Троцкого и, одержав эту крупную побѣду, добивался популярности в высших партійных кругах и в верхах старой русской интеллигенціи.

Сейчас я часто слышу о том, что “Сталин, когда хотѣл, мог быть обаятельным”. Это так же невѣрно, как и то, что он был рябым. Качеств, дѣлающих человѣка обаятельным, у него было так же мало, как и слѣдов оспы на лицѣ. Он был не плохой психолог — это вѣрно. Он умѣл быть любезным с тѣми, кто ему был нужен. Пока он не стал диктатором, он часто заискивал перед людьми. На лесть он не скупился и льстил порой так открыто и грубо, что человѣкъ терялся и в концѣ концов приписывал все непосредственности его южной натуры и принимал за чистую монету.

Каждому ученому Сталин говорил: “Вѣдь вы же свѣтило нашей науки, ваши всѣ заслуги, о которых вы умалчиваете, хорошо извѣстны партіи и мнѣ”. Каждому артисту он говорил, что считает его “наиталантливѣйшим”. Также и писателям, поэтам. Даже гр. А. Н. Толстому и гр. А. А. Игнатьеву, в интимной обстановкѣ и наединѣ, говорил “граф”, а официально называл их “нашими совѣтскими графами”.

Но Сталин мог и страшно хамить, особенно когда он бывал пьян. Он это сознавал сам и поэтому, чтобы не сорваться, он пил всегда очень мало и только вино. Нагрубив человѣку, он, если это было надо, всегда извинялся перед ним, но впоследствии, всѣ, у кого Сталин, порой, униженно просил прощенья, были казнены или умерщвлены по его приказу.

Перед тѣм как Тухачевскій был назначен замѣстителем народнаго комиссара обороны СССР, Сталин имѣл с ним разговор с глазу на глаз. Тогда состоялось их “примиреніе”. Сталин убѣдил Михаила Николаевича, что задержка переброски на польскій фронт арміи Буденнаго, была его “неумышленной ошибкой”. Он также покаялся, что первое время мало довѣрял Тухачевскому, а затѣм стал превозносить его “заслуги перед революціей и исключительный талант военачальника”, — залил его потоком льстивых фраз. На Тухачевскаго, как на всякаго честолюбиваго человѣка, лесть Сталина подѣйствовала. Он готов был окончательно повѣрить в его искренность, но В. В. Куйбышев, выслушав его рассказ о свиданіи со Сталиным, протяжно свиснул, а потом привел Михаилу Николаевичу при-

мѣр вѣроломства Сталина по отношенію к командарму Крачковскому, воевавшему, как и Чапаев, на Уралѣ, герою гражданской войны. Крачковскій имѣлъ нѣсколько сильных столкновений со Сталиным и презирал его до глубины души. Так же сильно ненавидѣлъ Крачковскаго Сталин, но у перваго были, кромѣ больших заслуг, друзья в верхах партіи. Сталин учел это и воспользовался подходящим случаем, чтобы “помириться” с командармом. Он сумѣлъ обойти Крачковскаго “признаніем своих ошибок” и лестью. Тот повѣрил. В теченіе полутора лѣтъ Сталин курил Крачковскому фиміам и всѣ считали командарма “любимцем генеральнаго секретаря партіи”, но тѣм временем Сталин собирал всѣ компрометирующія данныя о нем. Особенно свѣдѣнія о его близости с тѣми, кто был сторонником Троцкаго. Потом командарма сразу обвинили во всѣх грѣхах — в зазнайствѣ, в моральном разложеніи, халатности и, наконец, в троцкизмѣ.

Тухачевскому Сталин пѣлъ дифирамбы значительно дольше. Даже прощал ему то пренебреженіе, которое часто прорывалось по отношенію к нему в тонѣ маршала, но ѣ свое время он взял реванш.

При второй встрѣчѣ со Сталиным, я замѣтила, что у него было уже больше апломба и он много рассказывал о своей подпольной дѣятельности до революціи. Юмор сильно скрашивал его рассказы и хорошо отгнѣялъ “героизм” рассказчика и затушевывал хвостовство. Второе, — у него появилась манера покровительственно похлопывать людей по плечу с видом “добраго дяди”. И, наконец, третье, — он стал меньше ссылаться на Ленина, а изрекать коммунистическія сентенціи от себя. При этом он быстро обѣгал глазами всѣх, чтобы уловить произведенное впечатлѣніе. И, как я ни стараюсь возстановить всѣ встрѣчи с ним в моей памяти, — я не могу представить себѣ его внушающим уваженіе государственным дѣятелем. Как не могу освободиться от впечатлѣнія, произведеннаго на меня его женой — Н. А. Аллилуевой.

Видѣть их рядом было болѣе чѣм странно — неприятно. Он маленькій, коренастый и грубый, той внутренней грубостью, которую нельзя скрыть даже наносным воспитаніем. Она — стройная, элегантная, несмотря на скромный синій костюм и простую бѣлую блузку. В ней не чувствовалось той самоувѣренности, подчеркнутаго подражанія мужчинам, чѣм отличались в тѣ времена партійныя женщины. И в умѣнии носить платья, и в прическѣ, гладкой, на прямой пробор, но с красиво уложенным узлом волос, и в манерѣ держаться у нея было врожденное изящество. Взгляд невольно задерживался на ея руках. Такой классической формы руки я видѣла только на портретах, написанных Брюловым. Я смотрѣла на нее и пыталась понять, что связало эту красивую женщину со Сталиным? Интеллектуально она была несомѣнно выше его. Я замѣтила, что когда он рассказывал, то порой на лицо ея набѣгала тѣнь и морщинка между бровями вырисовывалась рѣзче. Улыбалась Аллилуеза очень рѣдко, и я увидѣла ее искренне веселой толь-

ко тогда, когда в спальнѣ хозяев она начала перебрасываться мячом с их восьмилѣтней дочерью Аллой.

Я не знаю, может это была ревность, но когда Аллилуева начинала болѣе оживленно разговаривать, глаза Сталина часто скользили в ея сторону и выраженіе их мѣнялось, становилось совсѣм иным, — недобрим.

Больше мнѣ их не довелось встрѣтить вмѣстѣ. Аллилуеву я потом еще раза два встрѣтила и один раз незадолго до ея смерти. В послѣднюю встрѣчу она была веселѣй, чѣм в предыдущія, но мнѣ показалось, что эта веселость искусственная. Я помню, что засидѣлась она в гостях довольно долго, о мужѣ не говорила совсѣм; а больше о дѣтях, потом раздался звонок, и голос Поскребышева сказал в прихожей:

— Иосиф Виссаріонович беспокоится и прислал меня за своей женой.

Аллилуева почему-то вздрогнула и начала быстро собираться домой. Хозяйка дома, проводив ее, сказала своему мужу:

— Жалко мнѣ Надю! Хотя бы скорѣе она кончила университет...

На мой вопрос, что же будет потом, та отвѣтила уклончиво:

— Потом, когда она станет инженером, начнется самостоятельная жизнь...

Подразумѣвалось ли под “самостоятельной жизнью” Аллилуевой то, что она разойдется со Сталиным — я не знаю. Я чувствовала, что эта семья относится к Аллилуевой с большой симпатіей, но спрашивать было как-то неудобно. По нѣкоторым фразам, которыми обмѣнялись муж с женой, я поняла, что жена Сталина далеко не боготворит своего мужа.

— Он ужасный деспот в семьѣ, — пояснила мнѣ хозяйка дома, — безусловно он любит Надю, но это тяжелая, эгоистичная любовь. Надя обожала Василія — он ревновал ее к мальчику и относился к нему так несправедливо, что теперь у Василія прорывается какая-то ненависть к отцу. Нужно сказать, что у Василія тоже много упорства в характерѣ и... “коса находит на камень”... Надежда утверждает, что Вася был очень мягким в дѣтствѣ и что у него есть большое достоинство — прямота. Свѣтлану Иосиф Виссаріонович обожает — он ни за что не разлучается с нею...

— Да, но вѣдь Свѣтлана его дочка, — вырвалось у хозяйки дома.

— А развѣ Василій не его сын? — заинтересовалась я, и сразу вспомнила, как однажды встрѣтила на лѣстницѣ, вышедшую из квартиры В. И. Межлаука, Аллилуеву. С нею был довольно высокій рыжеватый юноша и очень хорошенькая темноволосая дѣвочка.

На лицѣ хозяев отразилось большое смущеніе.

— Раз носит его фамилію, — значит его сын, — поспѣшно сказала хозяйка дома. Хозяин же постарался перевести разговор на другую тему.

Через нѣсколько лѣтъ я вспомнила этот разговор. Тогда я была в Лугѣ на полигонѣ, куда лѣтом выѣзжали артиллерійская академія (академія стояла на третьем полигонѣ) и артиллерійскіе курсы усовершенствованія команднаго состава красной арміи (курсы стояли на втором полигонѣ, на мѣстѣ быв. офицерской школы). Там была отличная теннисная площадка, а я была в то время страстной теннисисткой и, пріѣхав туда вмѣстѣ с мужем, который должен был присутствовать на каких-то опытных ученіях, я почти ежедневно играла в теннис. Однажды моим партнером оказался артиллерійскій капитан, худощавый, средняго роста и южнаго типа. Он играл очень не плохо и мнѣ пришлось приложить много усилій, чтобы не проиграть ему (играли один на один). Его товарищи, сидя на скамейкѣ у теннисной площадки, когда он пропускал мяч, кричали ему:

— Ай-да, Джугашвили! Опять промазал! — а он, улыбаясь, грозил им ракетой.

В тот день мой муж, покончив со всѣми дѣлами раньше, пришел за мною на площадку. Когда я окончила играть и мы с ним шли ужинать, то муж спросил:

— Какое впечатлѣніе произвел на тебя Яков Іосифович?

— Какой Яков Іосифович? — удивилась я.

— Сын Сталина, — ты же с ним играла в теннис, он здѣсь слушателем на курсах...

— Но его же называли Джугашвили... — сказала я и тут только вспомнила настоящую фамилію Сталина. Послѣ я узнала от начальника артиллерійских курсов, что сын Сталина очень не любил, чтобы его называли по партійной кличкѣ отца. Что он не хотѣл пользоваться никакими привилегіями и держался со своими товарищами по курсам так просто, что многіе считали его только однофамильцем Джугашвили-Сталина и подшучивали по поводу этого. На слѣдующій день я приглядывалась к нему: несмотря на одинаковый грузинскій тип, он все же мало походил на отца, черты лица были тоньше, и вообще вид у него был гораздо интеллигентнѣе, чѣм у Сталина. Тогда я вспомнила Василія, у котораго с отцом не было ни малѣйшаго сходства. Если можно было предполагать, что Яков больше похож на свою мать (вторую официальную жену Сталина — грузинку), то Василій, рыжеватый блондин, удался ни в мать, ни в того, кто считался его отцом... Но все же я не беру на себя смѣлость утверждать, что он дѣйствительно не был родным сыном Сталина.

Смерть Аллилуевой поразила многих, так как она произошла при очень загадочных обстоятельствах. К тому времени, в находившихся близко к Кремлю кругах, всѣ знали, что между Сталиным и его женой полный разлад. И не только на личной почвѣ. Аллилуева, училась в ВУЗ-ѣ, ей приходилось бывать

среди простых смертных и она могла сравнивать теорию коммунизма, проводимая в жизнь мужем, с тем, что получалось на практикѣ. Кроме того, она знала или догадывалась, какими путями шел Сталин к власти. Она потеряла немало близких ей друзей, которых Сталин смел со своего пути. Она видѣла, что если кто-нибудь устранился в верхах партіи, то летѣли за ним и “щепки”, и много таких “щепок” было из числа ея коллег-студентов. После ея смерти пошли упорные слухи, что она намѣревалась выступить открыто против своего мужа и разоблачить его. Насколько это вѣрно — не знаю. Знаю только, что Аллилуева умерла от перитонита, вызваннаго тяжелым пулевым раненіем в живот.

Тухачевскій предполагал, что выстрѣл произошел в то время, когда Сталин отнимал у нея револьвер. Он говорил, что Сталин был слишком труслив и расчетлив, чтобы намѣренно стрѣлять в жену, зная, что это неминуемо вызовет огласку в высших партійных кругах и неприятныя послѣдствія. Уже один звук выстрѣла в его квартирѣ поднял тревогу во всем Кремлѣ.

Но какая сцена произошла между мужем и женой до того как был взят в руки револьвер, — не знал никто. Хозяйка дома, гдѣ я встрѣчала Аллилуеву, высказала мнѣ, по секрету, предположеніе, что Аллилуева схватилась за револьвер для самозащиты, а не для того, чтобы стрѣляться. Все это произошло без свидѣтелей. Дѣло замаяли и по официальной версіи Аллилуева умерла от аппендицита.

Только у одного человѣка могли быть данныя, проливающія свѣтъ на это дѣло, — у Поскребышева. Он первым прибѣжал в квартиру вождя, гдѣ лежала в крови Аллилуева. Он, вмѣстѣ со Сталиным, вез ее в больницу, а потом “ликвидировал всѣ слѣды происшествія”. Но Поскребышев умѣл держать язык за зубами.

Фрунзе так и не успѣл мнѣ рассказать о нем. Я узнала об этом страшном человѣкѣ от других. Поскребышев фактически являлся единственным довѣренным человѣком Сталина и его правой рукой. Умный, энергичный и пунктуальный как часы, — он вмѣстѣ с тем не имѣл никаких моральных устоев. Это был идеальный личный секретарь для коммунистическаго диктатора, пришедшаго к вершинѣ власти по трупам своих соратников.

Кроме того, Поскребышев обладал феноменальной памятью, — у него не было записных книжек, и даже номера телефонов он помнил наизусть. Также хорошо он запоминал и лица. Рассказывали, что во времена гражданской войны, он, будучи в тылу у бѣлых, встрѣтил на вокзалѣ жену полковника Рязанцева. Встрѣча заключалась в том, что Поскребышев уже расплачивался с официантом, когда вошла Рязанцева, и она сѣла за его столик. Ни особой красотой, ни другими примѣтами, жена полковника не отличалась, и они обмѣнялись всего двумя словами, но, встрѣтясь с нею в 1933 году, Поскребышев напомнил ей эту встрѣчу и даже описал ея костюм.

Многіе утверждали, что Поскребышев и автор книги “Я

был адъютантом Май-Маевского” одно и то же лицо. Что Сталин именно поэтому и оцѣнил Поскребышева. Другіе отрицали это. Но как ни запутана біографія этого человѣка, — ясно одно, что он не был “от сохи”. Поскребышев владѣл иностранными языками. Владѣл отлично, но не любил показывать этого. Он был разносторонне образован и умѣл найти для своего хозяина полезных ему людей, благодаря трудам которых Сталин стал “корифеем” всѣх наук. Вызывая кого-нибудь по телефону к “хозяину” Поскребышев “довѣрительно” сообщал вызванному в каком настроеніи Сталин и как лучше к нему подступиться. Если Сталин был пауком, высасывавшим мух,

Одна из рѣдких фотографій красных командиров того времени (до сталинской чистки).

то тонкую, но крѣпкую паутину, в которой эти мухи запутывались, плел секретарь краснаго диктатора.

В высших военных кругах нѣсколько раз говорили о том, что на Сталина были покушенія. Первый раз это было в 1925 году. В его служебном кабинетѣ, в одном из ящиков письменнаго стола, была обнаружена “адская машина” (бомба замедленнаго дѣйствія со взрывателем, управляемым часовым механизмом). Был страшный переполох. Приверженцы Сталина кричали, что это сдѣлали троцкисты. Потом, вдруг, всѣ об этом замолчали. Затѣм пронесся слух, что “адская машина” была без взрывателя и что кто-то просто подшутил над Сталиным, который в это время себя храбрцом не показал: он вылетѣл из кабинета первым и, сбив в дверях с ног машинистку — Лидію Воронскую, — помчался по корридору.

Впослѣдствіи, когда шел уже разговор о третьем покушеніи, опять-таки об адской машинѣ, найденной в вагонѣ Сталина, то и Тухачевскій и мой муж выразили сомнѣніе.

— Какой идиот станет подкладывать ее в сталинскій вагон,

зная, что гебушники из кремлевской охраны обыщут вагон до послѣдней щелочки к приѣзду Сталина, — сказал Тухачевскій.

— Похоже на то, что гебушники хотят выслужиться перед ним и сами инсценируют покушение, — замѣтил муж.

Еще болѣе опредѣленно высказался об этом. не выносившій Сталина Щаденко:

— На таких бомбах, какія ему подкладывают, можно сто верст верхом проѣхать. Это для рекламы... Да не для рекламы бомб, — отмахнулся он от Тухачевского, — а для “его” рекламы... Точнѣе — самореклама: Видите — я больше всѣх борюсь за генеральную линію партіи, поэтому под меня бомбы подкладывают. “Теперь вот для него специальный автомобиль изготовляют. А охрана то какая! Может чувствовать себя в полной безопасности...

Послѣ пошел анекдот, что каждый раз перед раскрытіем очередного покушенія на жизнь Сталина из музея исчезала, изготовленная в началѣ девятнадцатаго столѣтія, “адская машина”, а через день послѣ раскрытія несостоявшагося террористическаго акта, она снова оказывалась на своем мѣстѣ в музеѣ.

Період с 1924 по 1929 год — был самым кипучим и благополучным для красной арміи. Командиры частей по-хозяйски устраивали переведенныя на постоянныя квартиры части. Вводилась, утраченная за время революціи, дисциплина. Велись занятія в полковых школах. Командиры расположенных по сосѣдству частей, соперничали в том, чья часть лучше. Дѣлалось это в то время безо всяких социалистических соревнований — каждый хотѣл, чтобы его часть была лучшей.

В военных школах и академіях шла интенсивная подготовка молодых кадров. В тѣ времена начальниками школ, академій и преподавателями были быв. “царскіе” генералы и офицеры. Из преподавательскаго состава только один процент преподавателей политических дисциплин был не из быв. офицеров. Но и преподавателями марксизма-ленинизма тогда начались сливки политическаго состава, со старым университетским образованіем.

В первые наборы в военныя школы попало много сыновей, родственников и знакомых начальствующаго и преподавательскаго состава. Шли они туда и по семейной военной традиціи и потому, что там была родственная или знакомая рука, помогающая войти без униженій в новую жизнь. И нужно сказать, что до набора “парттысячников”, состав курсантов военных школ и слушателей в академіях был очень хорошій. Особенно в специальных: артиллерійских, бронетанковых, инженерных и авіаціонных училищах.

Тогда у преподавателей и слушателей был полный контакт: одни искренне стремились передать свои знанія и боевой опыт в минувшей войнѣ своим ученикам, а тѣ, в свою очередь

готовясь к трудным условиям послѣреволюціонной жизни, воспринимали науку вдумчиво и серьезно. Были очень одаренные курсанты и из выходцев из народа — дѣти квалифицированных рабочих, ремесленников и зажиточных крестьян. Они с большим упорством заполняли пробѣлы своего образования и, догнав в серединѣ курса товарищей, шли наравнѣ с ними, и порой даже опережали их по нѣкоторым специальным предметам.

Переход от военного коммунизма к НЭП-у, затишье звѣрств ЧЕКА и очень сносныя жизненныя условия посѣляли увѣренность, что совѣтская власть стала на путь эволюціи и что всѣ контуры коммунистической доктрины, начерченные на кровавом фонѣ минувших лѣтъ, скоро сотрутся. Как ни странно, но такое же мнѣніе было и у военачальников, вышедших из нѣдр народа. Не берусь судить, насколько они звѣрствовали в період гражданской войны. Я столкнулась с ними уже через три года послѣ ея окончанія. Они твердо вѣровали в то, что теперь наступила настоящая справедливая жизнь, — братство для всего народа и расцвѣт страны.

Я помню с каким удовольствіем передавал один из таких знаменитых красных командармов вѣсть, что предсѣдатель петроградской ЧЕК-а, Ксенафонов (быв. семинарист), снят с поста вмѣстѣ со своими помощниками Леонидовым и Отто.

— Во время революціи к нам, конечно, много всякой сволочи примазалось, — горячо убѣждал он меня. — Вот они и творили произвол. Но теперь их пѣсенка уже спѣта! Попили кровушки... Да, к сожалѣнію, невинной... Теперь уже ничего не подѣлаешь... Но вот предсѣдателя харьковской ЧЕКА, — Саенко, тоже убрали. И всѣх других таких уберут... Больше произвола быть не может...

И этот человек, радовавшійся какой-то дѣтской радостью, что он “завоевал для своего сына и всего молодого поколѣнія свободную и радостную жизнь”, через шесть лѣтъ перестал добродушно и заразительно смѣяться и “радоваться жизни”, и в тридцать восьмом году стал одной из жертв сталинскаго произвола, и исчез. Был ли он разстрѣлян или сослан — неизвѣстно.

Отношеніе всѣх партійных и безпартійных совѣтских вышних, старших и средних командиров к органам ЧЕКА-ГПУ-НКВД было отрицательное. При каждой отдѣльной части или военном учрежденіи были Особые Отдѣлы ГПУ-НКВД. Они состояли из начальника Особаго Отдѣла и нѣскольких уполномоченных — обычно трех. Всѣ они носили форму той части, к которой были прикрѣплены. И если кто не знал их в лицо, то мог их принять за командиров. Только с 1935 года они стали носить, как и весь политсостав, красную звѣзду на лѣвом рукавѣ. Размѣщался Особый Отдѣл всегда в сторонѣ от части. Начальник Особаго Отдѣла или замѣняющій его старшій уполномоченный всегда присутствовал на торжественных засѣданіях, на концертах и вечерах в клубѣ части, но они не общались заяросто с командным составом. Во главѣ корпуса, ди-

визіи, бригады или полка официально стояли три лица: командир части, комиссар и нач. Особого Отдѣла. Если комиссар изрѣдка бывал у нас в домѣ, то ни один из начальников Особого Отдѣла никогда не бывал у нас как гость. Я также не встрѣчала их и в тѣх военных домах, гдѣ мы бывали. Даже в домах комиссаров. И, по правдѣ говоря, хотя нѣкоторые нач. Особых Отдѣлов и были женаты, и я была знакома с их женами, и наши дѣти играли и учились вмѣстѣ, мнѣ никогда не пришло в голову пригласить жену "особиста" к себѣ в гости. И не потому, что онѣ не умѣли себя держать; наоборот, почти всѣ, с которыми мнѣ довелось быть знакомой, были, повидимому, из интеллигентных семей и держали себя лучше, чѣм жены нѣкоторых комкоров и комдивов, но все же онѣ не принадлежали к нашей средѣ.

С самага начала красная армія была поставлена на положеніе особой, привилегированной касты. В матеріальном отношеніи военные жили гораздо лучше, чѣм гражданское населеніе. И не только высшій начсостав. Если мнѣ не измѣняет память, то командир полка в то время получал (1925-1930 гг.) сто и потом сто двадцать рублей в мѣсяц. В артиллеріи и бронетанковых частях 140 руб. Разница жалованія между ком. полка и его помощником была в десять рублей. Командир батальона (не отдѣльнаго) получал на тридцать рублей меньше ком. полка, а ком. роты на десять рублей меньше, чѣм комбат. Но при этом каждый командир имѣл бесплатное лѣтнее и зимнее обмундированіе (получали матеріалом, а шили портняжьи части), и командирскій паек из каптерки, в который входили сахар, масло, сало или смалец, постное масло, мясо, крупы, овощи и хлѣб. Всего этого было в таком количествѣ, что небольшія семьи жили почти исключительно на этот паек. Паек этот можно было получать у каптенармуса по частям в теченіе всего мѣсяца, и только сахар, крупы и, кажется, жиры нужно было получать сразу. Высшій нач. состав получал кромѣ этого еще и добавочный "отвѣтственный паек". Квартира обычно была тоже казенная, и я уже не помню, взималась ли за нее плата, кажется да, но вычеты за квартиру были очень малые, и к жалованью прибавлялись еще "квартирные" деньги.

Даже в тѣ періоды, когда населеніе жило впроголодь или голодало, в закрытых распредѣлителях военторга, — а отдѣленія их были при каждой самостоятельной части, — можно было купить всѣ дефицитные продукты и товары.

В то время, когда танцы считались чѣм-то предосудительным, в клубах начальствующаго состава раз в недѣлю устраивались танцевальные вечера. В домѣ Красной Арміи давались отличные концерты и балы. Там же часто выступал цыганскій хор Масальскаго. Пѣла русскія пѣсни Д. Арская, и лучшіе пѣвцы и пѣвицы петроградских театров выступали в своем дореволюціонном репертуарѣ...

В свободные вечера командиры частенько ходили друг к другу в гости. Играли в преферанс, а в нѣкоторых домах и в "девятку".

В преферанс и лото играли открыто, а в “девятку”, которая в армии была запрещена, — тайно. И в нее играли, в большинстве, интенданты. Но в домах красных командиров, как высших, так и старших, и, кажется, средняго начсостава тоже, почти никогда не бывали штатские, за исключением ближайших родственников. Это было не случайно. Политотдѣлы настойчиво рекомендовали командному составу держаться подальше от гражданскаго населенія, “чтобы оградить воинскія части от шпионажа”.

В большинстве случаев командный состав жил на казенных квартирах при частях, или в специальных домах военвѣда. Каждая часть, или военно-учебное заведеніе (как училища, курсы или академіи), были обнесены забором, и у единственнаго выхода была построена будка; в ней находился часовой, которому входящій в расположеніе части штатскій должен был сообщить, к кому он идет. Часовой вызывал дежурнаго и тот выдавал пропуск. Всѣ семьи военнослужащих и вольнонаемные имѣли постоянные пропуски.

Выходя из “военнаго городка”, гость должен был сдать пропуск часовому. По всей вѣроятности, всѣ разовые пропуска, выданные за сутки, сдавались в Особый Отдѣл, который вел учет каждаго посѣтителя. Бывали военные городки, в которых дома, гдѣ жил начсостав, выходили фасадами на улицу. В таком случаѣ парадныя двери заколачивались и исключеніе дѣлалось только для командованія части.

Нужно сказать, что знакомство домами велось еще и починам. В домѣ высшаго комсостава рѣдко бывали гости ниже командира полка. Молодые командиры, как командиры взводов, рот и даже батальонов, бывали в домѣ комполка только по дѣлу. Доходило до нелѣпостей — у начальника кievской артиллерійской школы А. И. Гоффе был брат, который окончил в 1927-28 гг. артиллерійскую школу в Петроградѣ, и когда он, уже будучи помощником командира батареи, пріѣхал в отпуск к брату, то в тѣ вечера, когда у брата бывали гости, Володя Гоффе отправлялся в кино или еще куда-нибудь, а возвратившись домой, сидѣл в отведенной ему комнатѣ.

Такая же вещь происходила и во многих других военных домах. Однажды и я поставила себя в очень непріятное положеніе, — я встрѣтила недавно выпущеннаго из военной школы сына нашего стараго знакомаго генерала С. Я его знала еще с дѣтства — мы были почти однолѣтки и, обрадовавшись встрѣчѣ, пригласила его к нам. Он пришел на слѣдующій день и, когда я угощала его чаем, вмѣстѣ с мужем пришло нѣсколько человек гостей, пріѣхавших из Москвы. Увидѣв С., всѣ как-то перемѣнились, держали себя натянуто. И мой гость, видимо почувствовав себя неловко, поторопился уйти. А позже мой муж, хотя я в очень мягкой формѣ, но сдѣлал мнѣ выговор за мою неосмотрительность, — оказалось, что я не имѣю права приглашать в свой дом молодежь, так как это тоже “не рекомендуется”, ибо молодые командиры могут случайно узнать из разговоров высших о каких-либо перемѣненіях или происше-

ствіях в арміи, которыя не подлежат огласкѣ. И еще другой случай — мои подруги дѣтства вышли замуж тоже за военных — одна за командира корпуса, а другая за командира батальона — артиллериста. Первая бывала у нас со своим мужем, а вторая пріѣзжала ко мнѣ, но без мужа, и у своей сестры она начала “официально” бывать с мужем только тогда, когда тот уже командовал полком.

Однажды, во время каких-то празднеств в артиллерійской академіи, я, просидѣвъ во время всего обѣда за “почетным столом”, рѣшила устроиться ужинать за другим столиком, гдѣ сидѣла знакомая мнѣ семья, как раз та подруга дѣтства, с мужем-артиллеристом, — он был там слушателем. Но не успѣла я просидѣть с ними и десяти минут, как подошел комиссар академіи Генин и вѣжливо препроводил меня на предназначенное мнѣ мѣсто за главным столом. Сначала я подумала, что Генина послал за мною Тухачевскій, и покорилась со скрежетом зубов, но тот, посмотрѣвъ на меня весьма ехидно, сказал:

— Генин зорко слѣдит за нарушающими этику...

Когда же я позже накинулась по поводу новой “этики” на Михаила Николаевича и привела в примѣръ царскую армію, то он возразил:

— Да, там молодого офицера пріучали как держать себя в обществѣ. Но там были люди одного класса, и были традиции, а вот если молодые офицеры начнут посѣщать такіе “дома”, как Авксентьевскаго, Городовикова, Буденнаго, да и многих наших командиров полков, которые без водки и площадной ругани не могут существовать, то как они “воспитаются”? И не думай, что и раньше всѣ дома давали молодым офицерам только одно хорошее. Меня вот, когда я только что был произведен, постарались ввести в один дом в Петербургѣ, очень высокопоставленный военный дом, связанный каким-то дальним родством с нашей семьей, а чего я там наслушался... Там совершенно свободно говорили и о таких лицах и о таких вещах, за которые зауряднаго человѣка сослали бы на каторгу... А мы, молодые офицеры впитывали это в себя, как губки...

Да и в наших домах мы вѣдь подчас позволяем себѣ откровенно высказывать многое и многих критиковать... А молодой, сдуру, кому-нибудь сболтнет, и сам влипнет, и нам причинит непріятность... А потом, если многіе из высших командиров уже могут позволить себѣ роскошь потерять вечер за картами или другими развлечениями, то молодым надо совершенствовать себя — читать, заниматься... Арміи нужны знающіе командиры... Мнѣ и то развлекаться некогда...

Дѣйствительно, Тухачевскій работал над собой упорно, но у него была характерная черта, если он чего не знал или сомнѣвался в своих знаніях, то он не обращался за помощью к другим, а втравливал в спор по этим вопросам знатоков, сам

же молчал и внимательно слушал... Когда он заканчивал разрабатывать какую-нибудь военную задачу, то подсовывал ее для проведения военной игры — проверял на практикѣ...

Как-то раз Тухачевскій просидѣл больше недѣли за разбором исторической военной операциі, а потом устроил такую штуку.

Помню в этот день был какой-то праздник и мой муж был свободным. Я подговорила его поѣхать навѣстить наших друзей. Но около одиннадцати часов дня зазвонил телефон, и муж, выйдя из своего кабинета, объявил, что через двадцать минут ему будет подан автомобиль и он срочно выѣзжает в однодневную командировку. Не успѣло пройти и десяти минут с момента его отѣзда, как раздался звонок и я услышала в прихожей голос Михаила Николаевича. Когда он вошел в столовую, держа в рукѣ туго набитый портфель, то по его лицу я догадалась, что он намѣрен устроить мнѣ какую-то “пакость”, и я приготовилась к “бою”.

На мое сообщеніе, что муж уѣхал в командировку и я тоже собираюсь в гости, он мнѣ ничего не отвѣтил, как будто это не относилось к нему, и подоидя к двери кухни, вызвал прислугу.

— Если кто-нибудь придет или будет звонить по телефону, то вы, Ксенія, скажите, что никого нѣт дома, — приказал он. — Нѣт, я вовсе не сошел с ума, — и, повернувшись снова к Ксеніи, добавил: — Помогите мнѣ, пожалуйста, убрать все со стола. Скатерть тоже. И вот этот столик надо также освободить. — Послушай, — обратился он ко мнѣ, — довольно шипѣть. Ты мнѣ обѣщала, что докажешь свою дружбу. Вот за доказательством ея я сегодня и явился. А Николаю я устроил командировку. Ничего плохого для него в этом нѣт — он проѣздитя и увидит больше интереснаго и полезнаго, чѣм там, куда ты его тащила...

Говоря это, Тухачевскій уже раскладывал на столѣ вытащенные из портфеля книги, рукописи и карты. Одну из них, самую большую, он прикрѣпил кнопками к стѣнѣ. Я сидѣла озадаченная, не понимая, чего он хочет.

— И еще, — продолжал он, — ты должна мнѣ дать слово, что никому об этом не скажешь. И Николаю тоже. Ну, ему можешь рассказать когда-нибудь... через полгода... Ксюша, вы тоже должны молчать... Врать и не нужно — надо только удержать язык за зубами. А теперь, честная вдова (так мы шутили прозвали Ксенію), приготовьте, пожалуйста, чаю. И покрѣпче... А ты садись вот тут, — указал он мнѣ на диван, — и только слѣди и свѣрай вот по этому и этому, правильно ли у меня тут. Я так заработался, что уже сам не могу разобраться...

В этот день я прокляла военную исторію. Но “бой на Марнѣ” и Людендорф остались у меня в памяти до сих пор. И тогда я увидѣла Михаила Николаевича таким, каким он, вѣроятно, был в своем штабѣ. Он мнѣ не давал добавить ни одного лишняго слова, требуя при всѣх объясненіях точности и лаконизма. Когда я путалась в незнакомых мнѣ терминах, названіях мѣстности, или неправильно говорила фамилію какого-нибудь

генерала, то смотрѣлъ на меня таким презрительным, уничтожающим взглядом, что я еле сдерживала себя, чтобы не швырнуть всѣ книги и рукописи и не разревѣться от злости и обиды.

Прошел час... Полтора... Два... А моя мука все еще длилась... А он, взяв стакан крѣпкаго чаю (это уже кажется был четвертый по счету), дѣлал нѣсколько глотков и слѣдил за тѣм, что я читала. Порой командовал: "стой!" и отмѣчал что-то на картѣ, потом бросал "дальше" или "продолжай". Когда я робко заикалась о том, что устала — он пропускал это мимо ушей. В концѣ концов я совершенно отупѣла. Отупѣла до такой степени, что когда Михаил Николаевич обругал меня "безпросвѣтной балдой" и "окончательной тупицей", — я перенесла это настолько безразлично, что он внимательно приглядѣлся ко мнѣ и миролюбиво сказал, что скоро закончим.

Наконец он ударил рукой по картѣ. — Ну, вот и все. Спасибо. — Тогда я воспрянула духом, и мое уязвленное самолюбіе сразу настойчиво потребовало отмщенія. Когда он складывал карты, я взяла его рукопись и со всѣм спокойствіем и кротостью, на которыя я только была способна, выразила удивление, что его почерк, удивительно ровный и мелкій, совершенно не похож на мужской.

Бросившаяся ему в лицо краска и сразу перекушенный мундштук папиросы вознаградили меня за всѣ мои страданія и обиды.

Совладав с собой, Тухачевскій ядовито замѣтил, что не всѣм дана способность царапать пером, как курица лапой.

На это я с еще большей кротостью возразила, что не надо быть графологом, чтобы знать, что у всѣх геніальных людей были отвратительные почерки, а ровный и мелкій почерк признак себялюбія и неспособности к размаху. Обычно каллиграфическим почерком пишут большіе эгоисты или ограниченные люди...

Тухачевскій одернул пояс и стал молча засовывать бумаги в портфель, потом сухо бросил: — Спасибо. — Круто повернулся и ушел. На маленьком столикѣ остались лежать его портсигар и спичечница.

Я отослала ему их с Ксеніей. Вернувшись, та передала мнѣ записку. В ней было только одно слово: "мѣдянка".

Послѣ этого, Тухачевскій долго не появлялся у нас. Через нѣкоторое время, я замѣтила на письменном столѣ мужа папку, надписанную рукой Тухачевского. Когда муж вечером просматривал ее содержимое, то я заглянула через его плечо и, прочитав нѣсколько строк, увидѣла, что эта та же работа Михаила Николаевича, только уже перепечатанная на машинкѣ. Через два дня муж должен был ѣхать в Москву. Тухачевскій пришел накануне вечером. Оба они просидѣли до поздней ночи в кабинетѣ. У меня болѣла сильно голова и я не вышла к чаю, а уже перед сном муж сказал мнѣ, что он везет работу Михаи-

ла Николаевича Свѣчину. Оказалось, что Свѣчин председа-
тель конкурсной комиссіи. Работы представили многіе, в том
числѣ Шапошников, Корк, Соллогуб и Егоров.

— Это вѣдь все бывшіе полковники и подполковники —
генштабисты, — замѣтил муж, — а Михаил рѣшил состязаться
с ними...

— А хорошо он разработал? — поинтересовалась я.

— С моей точки зрѣнія -- отлично. Но другіе могут сдѣ-
лать также хорошо, а может быть и лучше. У Михаила мнѣ по-
нравились выводы... Хотя ты в этом ничего не поймешь...

Гордыня чуть не заставила меня преступить против друж-
бы, но я во время прикусила язык. Незадолго до возвращенія
мужа из Москвы, я поѣхала в Царское Село навѣстить знако-
мых. Они жили в "Софіи" и, возвращаясь домой, я неожиданно
встрѣтилась в Екатерининском паркѣ с Тухачевским. Он шел
медленно по аллеѣ. Мы были на разстояніи двух-трех шагов
друг от друга, когда он замѣтил меня.

— Ты был у Толстого? — спросила я.

— Нѣтъ, я пріѣзжал сюда по дѣлу в дивизію к Андріяше-
ву. К Алексѣю Николаевичу не заходил. Да и их, кажется,
сейчас нѣту дома. Он собирался в Сочи. Знаешь что, нам вѣдь
спѣшить не надо — пройдемся по парку.

Мы повернули к мраморному мостику. Тухачевскій остано-
вился на нем и смотрѣл на озеро, стальную поверхность кото-
раго разрѣзала одиноко плывущая лодка. Я приглядѣлась к
его лицу. Выглядѣл он неважно, глаза снова нехорошіе и об-
ведены темными кругами.

— Сколько ты спал сегодня? — поинтересовалась я.

— Немного. А развѣ это очень замѣтно? — он снял фу-
ражку и провел рукой по волосам. — Странно... Почему пло-
хой вид?! Я чувствую себя бодро. Особенно теперь, подышав
свѣжим воздухом.

Мы двинулись дальше. Шли нѣкоторое время молча. Ми-
хаил Николаевич оттянул ворот гимнастерки, как будто тот его
тѣснил. Потом подобрал сломанную вѣтку, сдѣлал из нея пру-
тик и пощелкивал им по голенищу сапога. Я вдруг вспомнила,
что вчера и сегодня засѣдает конкурсная комиссія. Мнѣ стало
понятно, отчего бессонница, тѣснящій воротничок и вот этот
прутик.

— Николай говорил мнѣ, что ты отлично сдѣлал ту рабо-
ту, — сказала я. Он быстро взглянул на меня.

— Почему ты заговорила о ней?

— Просто потому, что вспомнила, как ты меня измучил.
Дружба, конечно, дружбой, но если я узнаю, что ты готовишь
что-нибудь к слѣдующему конкурсу, то уговорю Николая от-
править меня на это время на курорт.

— Сядем, — сказал он, — отсюда вид замѣчательный.
Люблю я тут бывать... Первый раз я был в Царском Селѣ пе-
ред самым началом войны — вскорѣ послѣ прибытія в полк...
И оно произвело на меня большое впечатлѣніе... Тогда, как и
теперь, стояла ранняя осень... — он задумался, потом сказал:

— Въдь, по существу, с тѣх пор прошло немного времени, — немного больше одиннадцати лѣтъ... А как измѣнилась жизнь...

— Тогда ты мечтал быть генералом, а теперь ты им стал... — замѣтила я. — Не знаю проскользнула ли в моем то-нѣ иронія, но Тухачевскій вдруг вскипѣл. По лицу его разлилась страшная блѣдность, — оно стало каким-то сѣрым.

— Послушай, — начал он хрипло. — Мнѣ все надоѣло. Я отлично знаю, как на меня вы всѣ смотрите... Да, и ты тоже! Развѣ ты уже позабыла, что мнѣ приходилось выслушивать от тебя? И не так давно ты меня подколола насчет почерка и себялюбія. Николай тоже на-днях сказал мнѣ: “Уж очень ты честолюбив, Михаил!” Что же тогда могут говорить, и говорят, обо мнѣ не друзья, а посторонние люди и враги? Мнѣ, по существу, наплевать на всѣ эти разговоры, но просто интересно, почему только один Тухачевскій является притчей во языцѣх? Вот, к примѣру, ты была еще совсѣм дѣвчонка, когда посмѣла бросить мнѣ в лицо, что я измѣнил присягѣ и Отечеству... Помнишь? И если бы ты была мужчиной — я бы вызвал тебя на дуэль. Была бы мальчишкой — исколотил бы до полусмерти. Но ты была женщиной, да к тому же еще подростком. Но у меня было желаніе тогда избить тебя. А может быть и... убить...

Был у меня и другой случай, когда мнѣ бросил такую же фразу заслуженный в боях генерал... Он был тогда в моих руках и я мог отправить его в Особый Отдѣл или приказать его разстрѣлять. А я его отпустил, сказав: “идите, генерал, служить вмѣстѣ с Русским Отечеству...” — Тухачевскій вынул платок, вытер проступившій на лбу пот и продолжал:

— А я вот знаю, что никто не упрекает генералов Потапова, Брусилова, Клюева, Свѣчина, Зоянчковскаго, Михайлова, а также полковников и подполковников Егорова, Петина, Шварца, Шуваева, Корка, Лазоревича, Соллогуба, Шапошникова и всѣх остальных, вступивших в красную армію. Почему? Развѣ они, будучи генералами и штаб-офицерами царской арміи, не сдѣлали того, что сдѣлал я, будучи только в чинѣ поручика? И твой муж, в том числѣ... А ты ему говорила то же, что мнѣ? А отчего ты не обвинила его в измѣнѣ присягѣ и Отечеству?.. И мнѣ говорят, что я честолюбив. Честолюбивы всѣ. Да еще многіе и корыстны вдобавок. Возьмем уважаемаго Бориса Михайловича Шапошникова, с его “свѣтлой головой и кристальной душой”. Каким образом он сумѣл будучи полковником генеральнаго штаба и перейдя на службу к красным, соблюсти невинность? Не знаешь? А я то знаю. И потому не уважаю его. Так вот эта “кристальная душа”, встрѣчаясь, послѣ своего перехода к большевикам, со своими старыми сослуживцами и с нѣкоторыми генералами из чужого лагеря, давала им понять, что она-де “вовсе не сочувствует “красной сволочи”, а ведет подготовку внутренняго переворота. А тѣ довѣрительно сообщили это другим и говорили: “идите к Шапошникову — это один из порядочнѣйших офицеров”. Потом он из этого положенія выкрутился лисой — “видите, власть теперь так окрѣпла, что мы уж ничего подѣлать не можем, приходится вопреки

своим убѣжденіям служить ей". А у него никаких "убѣждений" не было и нѣтъ. Служить он может кому угодно, лишь бы у него было положеніе и та же любимая работа. Работник он отличный, знанія и военный талант у него есть. Но в главнокомандующіе он не годится — он кабинетный Бонапарт.

— Ты называешь его кабинетным Бонапартом, а он, да и другие тоже, говорят, что он еще с корпуса мечтал о карьерѣ Наполеона, — замѣтила я.

Михаил Николаевич досадливо махнул рукой.

— Знаю... Но это не так. Слушай! Военным дѣлом я стал интересоваться очень рано. Этим заразился от двоюроднаго дѣда, который был вояка до мозга костей. Он был генералом. Я всегда смотрѣлъ на него с восторгом и с увлеченіем слушал его рассказы о сраженіях. Дѣд это замѣтил и раз, посадив меня к себѣ на колѣни, мнѣ было тогда лѣтъ семь-восемь, он спросил: "Ну, Мишук, а кѣм ты хочешь быть?" — "Генералом", — не задумываясь отвѣтил я. "Ишь ты! — разсмѣялся он. — Да ты у нас прямо Бонапарт — сразу в генералы мѣтишь". И с тѣх пор дѣд, когда пріѣзжал к нам, спрашивал: "Ну, Бонапарт, как дѣла?" С его легкой руки меня дома и прозвали Бонапартом...

Тухачевскій вдруг улыбнулся и лицо его стало мальчишеским.

— В Бонапарты я, конечно, не мѣтил, а генералом, сознаюсь, мнѣ очень хотѣлось стать. И это было не только из-за честолюбія. Дѣд перед смертью захотѣлъ видѣть меня. Я тогда уже был кадетом. Когда я пріѣхал и вошел к нему, дѣд указал, чтобы я сѣлъ на край кровати и, подняв уже с трудом свою длинную костлявую руку, положил ее мнѣ на плечо: "Ты мнѣ пообѣщай три вещи, Мишук, — сказал он. Первое, что ты окончишь училище фельдфебелем. Второе, что будешь умѣренно пить, и третье, что окончишь академію генеральнаго штаба. Постарайся выйти в Семеновскій полк. В Семеновском служил с начала его основанія, при Петрѣ, наш предок Михаил Артамонович Тухачевскій. Вон там, в бюро, в верхнем ящикѣ его портрет-миніатюра, я его дарю тебѣ, ты на него и лицом похож..."

Я дал слово дѣду, что выполню всѣ его три просьбы. Училище я кончил фельдфебелем. Вышел в Семеновскій полк. Еще в училищѣ я старательно штудировал военныя науки, уже подготавливался к будущему академическому курсу. Войнѣ я очень обрадовался... Мечтал о больших подвигах, а попал в плѣн... Но еще до плѣна я уже получил орден Владиміра с мечами. В душѣ я очень гордился этим, но старательно скрывал свое чувство от других. И был увѣрен, что заслужу и Георгіевскіе кресты...

Сидѣвшій со мной в плѣну в Ингольштатѣ, куда меня привезли послѣ четвертаго побѣга, французскій офицер, когда я снова начал строить планы побѣга, сказал: "Вы навѣрно маньяк. Неужели вам не довольно неудачных попыток?.." Но неудачи первых побѣгов меня не обезкуражили и я готовился к новому. Нѣмцев я ненавидѣлъ, как ненавидит дрессировщи-

ков пойманный в клѣтку звѣрь. Разсужденія моихъ товарищей по плѣну, иностранныхъ офицеровъ, о причинахъ неудачъ русско-японской кампаніи и нашихъ пораженій в эту войну, — меня приводили в бѣшенство. Уставъ обдумывать планъ побѣга, я отдыхалъ тѣмъ, что мысленно реорганизовывалъ нашу армію, создавалъ другую, которая должна была поставить на колѣни Германію и дать почувствовать всему міру мощь Россіи. Я составлялъ планы боевыхъ операцій и велъ арміи в бой... Можетъ, тогда я былъ на грани помѣшательства... Когда я узналъ о революціи и прочиталъ в нѣмецкой газетѣ о начавшемся развалѣ арміи — и взялъ газету, ушелъ в уборную, тамъ разорвалъ ее в клочки и... плакалъ... Да, плакалъ. Но той же ночью мнѣ приснился сонъ, что Великій Князь Николай Николаевичъ взялъ армію в свои руки и формируетъ новыя части. Сонъ былъ настолько живой и правдоподобный, что я повѣрилъ ему. Тогда мысль о побѣгѣ стала совсѣмъ неотвязчивой. Я умудрился убѣжать. Когда я попалъ в Петроградъ, у меня не было и мысли о переходѣ къ большевикамъ. Всѣ мои думы занимала армія, которая должна была восстановить порядокъ в странѣ и напастылять по шеѣ нѣмцамъ. Я люто ненавидѣлъ Керенскаго и всѣхъ, кто развалили армію. По моему мнѣнію тогда было еще не поздно собрать силы и, сбросивъ Временное Правительство, установить военную диктатуру. Когда я говорилъ об этомъ, то мнѣ разсѣянно отвѣчали: “Да... Да... Это можетъ спасти Россію”... Но я былъ только поручикъ, “щелкоперъ”, и серьезно съ моимъ мнѣніемъ никто не считался. С генералитетомъ мнѣ говорить не приходилось, но чѣмъ больше у меня было разныхъ другихъ встрѣчъ, тѣмъ сильнѣе было разочарованіе. В верхахъ были или потерянности, или словоблудіе, а мы молодые офицеры, полные силъ и рѣшимости, вынуждены были бездѣйствовать и подвергаться униженіямъ. Питеръ былъ мнѣ болѣе чуждъ, чѣмъ Москва, и я надѣялся, что в Москвѣ другой духъ, — уѣхалъ туда. Но тамъ былъ такой же хаосъ и разбродъ мыслей.

Не думай, что мнѣ было такъ уже легко избрать другой жизненный путь... Но когда я былъ у Куйбышевыхъ, то я почувствовалъ, что меня тамъ поняли и мои планы о той арміи, которые я вынашивалъ в плѣну, не казались имъ бредомъ безумца. Только старшій Куйбышевъ подвелъ под эту армію другую основу. И какъ ни краснорѣчивъ былъ Валерьян Владиміровичъ, но сознаюсь, в то время я очень мало разбирался в политикѣ и понялъ только одно — тутъ люди не только живутъ своими идеями, но и дѣйствуютъ. Хотятъ они блага народу и порядка, а благо и спокойствіе охраняются арміей. Такъ это понималъ и Николай Куйбышевъ. Какъ только я далъ согласіе, меня сразу же потащили по разнымъ мѣстамъ и я убѣждался, что много старшихъ офицеровъ и даже нѣкоторые генералы избрали тотъ же путь, что и я. На душѣ сразу стало легче... Но тогда я совсѣмъ не разсчитывалъ на генеральскую должность, которую получилъ благодаря рекомендаціи Валерьяна Владиміровича Куйбышева.

Мечты превращались в реальность... Эпопею гражданской войны я оставляю в сторонѣ. Это было для меня очень тяжелое

испытаніе. — Вѣдь воевать пришлось против своих, а у войны есть свои законы... И только когда я был переброшен на польскій фронт, то почувствовал себя, как рыба в водѣ.

Но, говоря откровенно, там ясно увидѣл, что все-таки моя армія состоит на 50 процентов из всякаго сброда, и она не такая, какую я хотѣл бы имѣть. Что у меня нѣтъ еще достаточнаго опыта и знаній для большой войны... Приходилось порой полагаться на опыт и знанія других. Другіе иногда сильно подводили... Горе-стратеги из Реввоенсовѣта тоже сыграли на руку полякам. Смигла, блюдя свой политическій контроль, путался не в свои дѣла, и раз мы с ним чуть не пострѣлялись. Шварц считал, что он, Генеральнаго Штата полковник, лучшій стратег, чѣм я (он был у меня нач. штаба), и старался дѣйствовать по-своему... Но все же война с поляками дала мнѣ большой опыт. Когда она закончилась, то я сразу засѣл за военные учебники...

И теперь, ты угадала, меня сильно волнует судьба моей работы. Но это не честолюбіе. Скажу тебѣ откровенно — я приложил всѣ старанія, чтобы сдѣлать ее хорошо и получить первенство на конкурсѣ. Я иду упорно к своей цѣли. Повѣрь мнѣ, что никто из военнаго руководства, кромѣ Фрунзе, не жил и не живет так арміей, как живу ею я. Никто так ясно не представляет себѣ ея будущую структуру, численность и ту ступень, на которую армія должна стать. Фрунзе, к несчастью, нѣтъ в живых. Сергѣй Сергѣевич Каменев — отличный военный специалист, но только чиновник. Ворошилов — хорошій человек, но дуб, и у него нѣтъ глубоких военных знаній, нѣтъ той самостоятельности и рѣшительности, которыя были у Михаила Васильевича. Поэтому теперь мнѣ надо добиваться того, чтобы стать во главѣ руководства арміей. Иначе ея развитіе будет идти не так, как надо, и к нужному моменту она не будет готова.

Я была так ошеломлена, что едва нашлась, чтобы спросить: “К какому моменту?”

— К моменту столкновенія с Германіей. А оно неминуемо. Может это произойдет не так уж скоро — лѣтъ через 10-13. Я знаю нѣмцев. Ту побѣду над Россіей, которая им случайно досталась, они не забудут. Когда Германія поотдохнет и ремилитаризуется — она снова попытается напасть на нас. Но, — Тухачевскій встал и, глядя надменно вдаль, как будто он уже видѣл там разбитаго врага, сказал: — Мы отучим Германію мечтать о нашей землѣ! Она тогда узнает, что такое Россія! И нѣмцы навсегда забудут слова “руссише швейне”...

Глаза его сильнѣе вышли из орбит и горѣли таким огнем, что мнѣ стало не по себѣ. “Неужели он маньяк?” — подумала я.

Как бы угадав мою мысль, он снова сѣл и положил свою руку на мою:

— Я показался тебѣ сумасшедшим? Нѣтъ — так будет. А если не будет, то у меня хватит силы пустить себѣ пулю в лоб. Когда нѣтъ цѣли — нѣтъ жизни. Моя цѣль — сдѣлать нашу армію лучшей и сильнѣйшей в мірѣ.

— Почему ты никогда мнѣ не говорил об этом раньше? — спросила я.

— Не знаю. Может быть тогда ты была еще слишком молода, чтобы понять меня. Я об этом говорил только одному Фрунзе. Он понимал меня. Другие могут счесть только карьеристом или “честолюбцем”, мѣтящим в “Бонапарты”. Поэтому я особенно и не откровенничаю... А сегодня я сам не знаю, что на меня нашло... Да и здѣсь, — он сдѣлал широкій жест вокруг, — обстановка болѣе располагающая к откровенности, — в домѣ о многом говорить нельзя — стѣны имѣют уши... Ну, о чем ты так задумалась? Скажи? Знаешь что? Забудем этот разговор и ты можешь попрежнему жалить меня, мѣдянка... — Он снова встал и сорвал ромашку. — Да. Нѣт. Да. Нѣт, — обрывал он ея лепестки. — Да! Первое мѣсто достанется мнѣ!

Взглянув в сторону, он быстро бросил оборванный стебель. — Какой чорт их сюда принес!

Из боковой аллеи появилась пара. Высокій, худощавый военный с темной бородой и стройная блондинка, с гладко причесанной, на прямой пробор, красивой головкой. Поравнявшись с нами, военный приложил руку к фуражкѣ, а его дама, улыбнувшись, пѣвуче сказала: “Добрый вечер”.

— Кто это? — спросила я, когда они прошли. — Я их гдѣ-то видѣла, но не могу припомнить...

— Возможно в домѣ Красной Арміи, — отвѣтил Михаил Николаевич. — Это наш новый нач. Особаго Отдѣла Бакаев со своей женой.

Вернувшись домой, я, послѣ этого разговора с Михаилом Николаевичем, долго не могла уснуть. Ворочалась с боку на бок и думала о том, как трудно разгадать сложную человѣческую душу...

Через три дня стало извѣстно, что работа Тухачевского была признана наилучшей. Второе мѣсто раздѣлили Корк и Шапошников.

Я поздравила Михаила Николаевича по телефону. Равнодушіе, с которым он принял поздравленіе, было явно дѣланным. Я сказала ему об этом и, не дождав отвѣта, повѣсила трубку. Часа через два он пришел к нам. Не успѣл он войти, как уже раздался заливчатый смѣх моего сынишки и испуганные возгласы Ксеніи. Догадавшись, что сын взлетает к потолку, — хотѣла сама бѣжать туда, но Михаил Николаевич уже показался в дверях. Сын сидѣл верхом на его шеѣ. Лица у обоих сіяли одинаково радостно. Сняв его с плеч, Михаил Николаевич продолжал возиться с ним, дурачась, как мальчишка, и только когда с пошатнувшагося столика слетѣла ваза с цвѣтами и разбилась вдребезги, Тухачевскій выпрямился и виновато посмотрѣл на меня.

— Не сердись — это к счастью...

— Вѣрнѣе — от счастья. Если ты сознаешься, что это так — тогда не буду сердиться.

— Ну, конечно, я очень доволен, — признался он, — но по телефону я не мог этого сказать, так как, во-первых, был не один в кабинетѣ, а, во-вторых, не хотѣл сообщать об этом

дежурному телефонисту, который по поручению Бакаева подслушивает телефонные разговоры, особенно частные.

— Ты думаешь, что разговоры подслушиваются?

Он усмехнулся.

— А за что же наши особисты получают жалованье...

Как только осколки были убраны и пол вытерт, возня возобновилась. Повидимому Тухачевский, играя с ребенком, давал выход своей радости и подчинялся непреодолимой тяге к движению. Когда настало время идти сыну спать, он, прощаясь, обнял Михаила Николаевича за шею и спросил:

— А ты будешь завтра опять маленьким?

Недѣли через двѣ Тухачевский и мой муж собрались ѣхать в Лугу. У меня сразу всплыло в памяти Черемнецкое озеро, расположенное на его берегу имѣние Рапти и находящійся гдѣ-то неподалеку монастырь. Так захотѣлось увидѣть снова все, что память смутно сохранила, и я напросилась ѣхать с ними. О своем желаніи увидѣть Черемнецкое озеро и побывать в монастырѣ я сказала, когда уже проѣзжали через Сиверскую. Оказалось, что Рапти находится по другую сторону Луги, а мы ѣхали на полигон.

Доѣхав до Луги, мы повернули вправо и, переѣхав через переѣзд, миновали расположенную напротив лужскаго вокзала маленькую станцію и поѣхали по шоссе, идущему рядом с узкоколейной желѣзной дорогой. Вскорѣ наш автомобиль обогнал паровозик, тянувшій за собой три, напоминающие конку, вагончика, из которых на нас с любопытством смотрѣли военные и женщины.

— “Кукушка!” — усмѣхнулся муж. — Так тут называют этот поѣзд, — пояснил он мнѣ.

— Это полигон? — спросила я, увидѣвъ налѣво ряд красных кирпичных зданій.

— Первый полигон, — отозвался сидѣвшій рядом с шофером Тухачевский. — Мы ѣдем на второй.

— А сколько всего полигонов? — поинтересовалась я.

— Три. Но самый красивый второй. Сюда раньше выѣзжала в лагерное время офицерская артиллерійская школа. Видишь эту башенку с часами — это клуб второго полигона. Сейчас мы повернем к штабу и ты увидишь его, а рядом с клубом, внизу, есть теннисная площадка и озеро, которое называется теперь “Клубным”. Да, — спохватился он, — надо узнать, куда нас собираются помѣстить, и завезти туда тебя.

Пріѣхали мы, вѣрно, неожиданно. Когда наш автомобиль подъѣзжал к длинному деревянному дому, расположенному визави с клубом, то кто-то, взглянувшись в машину, быстро побѣжал к штабу. Затѣм было видно через окна штаба, что там поднялась суета.

Муж, выйдя из автомобиля, отстал от Тухачевского и поз-

дорвался с невысоким, худощавым, съдым артиллеристом, потом подвел его к автомобилю.

— Иван Иванович Гончаренко, — представил он его. — Иван Иванович был так любезен, — добавил муж, — что предложил оставить тебя ему на попечение, пока мы будем заняты.

— Я как раз имѣю два дня отпуска, — сказал Гончаренко, — и так как дѣлать нечего, то, видите, — он показал военный котелок, — собираю ягоды. Земляника уже отходит, но черники и голубики здѣсь пропасть... Грибов тоже много и каких хотите... Если вы не устали, то я к вашим услугам, но... — он взглянул на мои туфли — в лѣс в такой обуви ходить не рекомендуется — там встрѣчаются змѣи, лучше бы было одѣть сапоги...

— Нас помѣстили в баракѣ над Черным озером, — сказал, выходя из штаба, Михаил Николаевич, и, поздоровавшись с Гончаренко, добавил: — Я, кажется, сорвал ваш отпуск, но ничего, вы его получите послѣ, — а сейчас вы тоже примете участие в ученіи.

Гончаренко, отвѣтив Тухачевскому, взглянул на меня и беспомощно развел руками. Барак, гдѣ мы остановились, вѣрнѣе очень благоустроенный домик из четырех комнат, кухни и застекленной веранды, стоял в лѣсу, на горкѣ, и в нѣскольких шагах от озера. Учение должно было начаться только на слѣдующій день, но муж и Тухачевскій снова уѣхали, сказав, что вернутся часа через полтора. Мнѣ было разрѣшено пока погулять, но не отдаляться далеко от дома. Хотя был уже конец августа, но погода стояла жаркая, — я рѣшила пойти выкупаться в озерѣ.

В маленькой, открытой купальнѣ я застала трех женщин. Одна, пожилая дама, сидѣла одѣтая на скамеечкѣ. Двѣ, болѣе молодыя, плескались в водѣ. Онѣ оглядѣли меня с замѣтным удивленіем и прервали разговор.

— Чудная вода, — сказала, обращаясь к пожилой дамѣ, одна, самая молодая. — Жалко, что два дня не придется купаться...

— Я думаю, что до обѣда, когда всѣ уѣдут на стрѣльбу, можно будет выкупаться, — замѣтила другая и спросила, — так кто же тут будет жить? Грендель?

— Мнѣ муж сказал, по секрету, что приѣзжает Тухачевскій. Этот барак для него... — отвѣтила молодая.

— Неужели цѣлый барак для одного?

— Вы не знаете Тухачевского, — сказала пожилая. — Он всегда требует для себя отдѣльный дом. И когда он куда-нибудь ѣдет — за его машиной идет грузовик с коврами и шкурами звѣрей, а также с его кроватью, потому что он, видите ли, любит комфорт. Он даже не станет ѣсть без своего сервиза. А сервиз у него из Зимняго Дворца...

— Он исключительный красавец, — замѣтила молодая.

— Да, но страшный развратник, — возразила съдая дама. — У него было уже восемь жен, а любовниц он заводит на каждом шагу...

Конца фразы я не слышала, ибо окунулась с головой, чтобы не расхохотаться. Выкупавшись — быстро одѣлась. Когда начала подниматься по дорожкѣ, ведущей к дому, передо мной вырос военный с красной повязкой на рукавѣ:

— Гражданка, сюда идти строго запрещено. Мнѣ совершенно безразлично, что вам надо домой. Плывите по озеру или по воздуху, а по этой дорогѣ приказ никого не пускать.

Оглянувшись, я увидѣла, что дамы уже успѣли одѣться и быстро свернули на тропинку, шедшую по берегу озера. Я хотѣла послѣдовать за ними, но мое неумѣніе ориентироваться показалось военному подозрительным — он задержал меня и сурово освѣдомился, кто я такая и гдѣ я живу. Потом, когда он провожал меня к дому, то мы миновали трех часовых с винтовками, на обязанности которых лежало никого не подпускать к бараку.

Послѣ обѣда, Тухачевскій предложил нам прогуляться на полигон. К нам присоединился замѣститель инспектора артиллеріи красной арміи В. А. Городисскій.

— Ну, а вы не хотите пойти с нами? — обратился Михаил Николаевич к Внукову, который в то время возглавлял главное артиллерійское управленіе. Внуков, за два года со времени нашей послѣдней встрѣчи, сильно растолстѣл. Затылок опускаясь на воротник нѣсколькими складками, а пояс, застегнутый на послѣднюю дырочку, стягивал необъятный живот.

— П-ѣш-к-ом? Нѣт. Спасибо... Я вас догоню на машинѣ.

По замѣчательно красивым, лѣсным дорогам мы вышли на просѣку, на которой стояла деревянная многоэтажная вышка. Мы уже стояли возлѣ нея, когда показался автомобиль.

— Видит, вы нас на автомобилѣ не догнали, — сказал Городисскій Внукову.

— Он ѣхал в объѣзд, через Лугу, — сказал мужу Тухачевскій. — Ъздил за пополненіем “горючаго”.

— Это Майделевская вышка, самая высокая, — пояснил мнѣ Городисскій. — С верхней ея площадки виден весь полигон.

— Хочешь подняться наверх? — спросил меня муж. — Тухачевскій взглянул на меня со странной усмѣшкой, словно сомнѣвался, что я смогу это сдѣлать. Поняла я эту усмѣшку позже, когда мы преодолѣли половину этажей. Вышка не только вся скрипѣла, но чѣм выше мы взбирались, тѣм сильнѣе я ощущала, что она качается. Тухачевскій поднимался первым. На каждой площадкѣ он иронически взглядывал на меня. Муж, поднимавшійся за мной, посоветовал мнѣ не карабкаться на самый верх. Но я лѣзла из самолюбія, хотя уже старалась не смотрѣть вниз, только радовалась в душѣ, что Внуков отстал, мнѣ казалось, что вышка не выдержит его тяжести. С нея открывался чудесный вид: внизу, перерѣзанный просѣкой, разстился хвойный и лиственный лѣс, он окружал кольцом прогалину и уходил за горизонт.

— Вон там Великокняжескій блиндаж, — мы завтра будем там во время стрѣльбы, — указал мнѣ рукой Михаил Николаевич.

вич. — Великокняжеским он назван потому, что его построили для Великаго Князя Сергѣя Михайловича, который будучи инспектором артиллеріи, прїѣзжал сюда на учебныя или испытательныя стрѣльбы. В той сторонѣ — Темное озеро, — в районѣ его много малины и там попадаются медвѣди. А вон там — Островенка. На островѣ сохранился склеп маркизы Траверси...

Потом Михаил Николаевич замолчал и задумался. Глаза его зажглись каким-то внутренним свѣтом, лицо стало мягче, моложе. Муж и Городисскій обсуждали завтрашнее ученье. Тухачевскій не вмѣшивался в разговор. Что овладѣло его думами? Разстилающаяся ли перед ним величественная красота, или перед его мысленным взором проходили окованныя в броню части “его арміи”?

Несмотря на далекую прогулку, я долго не могла уснуть в эту ночь. Мѣшали жужжащіе над головой комары и шум на проходившей неподалеку от нашего домика дорогѣ, по которой проѣзжали батареи, чтобы расположиться к утру на позиціях. На разсвѣтѣ, в сосѣдней комнатѣ, гдѣ помѣстились Городисскій и Внуков, яростно зазвонил будильник. Потом начались телефонные звонки. Затѣм, за дверью раздался голос Михаила Николаевича:

— Нѣтъ ли у вас воды? Послѣ этого проклятаго ужина я выпил весь графин...

Муж захватил графин с остатками воды и, прежде чѣм я успѣла попросить налить мнѣ стакан, передал его Тухачевскому. Когда все уѣхали, я встала и начала странствовать по барраку в поисках воды. Наканунѣ повар перестарался и пересолил ужин. Во всѣх комнатах графины были пусты. Почти полный графин стоял на одной из тумбочек в сосѣдней комнатѣ. К нему был прислонен кусок картона с крупной надписью: — “Прошу воду в графинѣ не мѣнять”. Я вынула пробку, понюхала — водка.

Ведро на кухнѣ оказалось тоже пустым. Рѣшив, что вода в озерѣ должна быть пригодна для питья, я взяла графин и направилась туда. Захватила с собой полотенце, чтобы заодно и выкупаться.

На скамейкѣ купальни сидѣл часовой. Он меланхолично плевал в озеро и наблюдал, как стайки мелких рыбешек сплывались к плевку. Замѣтив меня, часовой плюнул еще раз, а потом заявил мнѣ, что купаться в озерѣ сегодня запрещено.

— До чего недисциплинированный народ, бабы, — пожаловался он рыбам. — Объявили же приказ, что три дня сюды ходить не позволено, а онѣ пруть... Уж третью гоню...

Пришлось повернуть обратно. У домика уже стоял водовоз и совѣщался с подошедшей уборщицей — у кого может быть ключ от барака. Пока убиралась комната, я сѣла на ступеньки веранды и с наслажденіем вдыхала чистый, смолистый воздух. Откуда-то издалика доносились звуки людских голов. По вѣткам дерева прыгала бѣлка. Постепенно рыжій комочек спускался все ниже и, усѣвшись на нижней вѣтви, устремил на меня пугливо-любопытный взгляд. В это время я отчетливо

услышала в сторонѣ, гдѣ раздавались голоса, команду: “О-г-о-нь-!” Затѣм мнѣ показалось, что земля, вздрогнув, раскололась с грохотом пополам... И сразу загрохотало со всѣх сторон, но болѣе отдаленно. В небѣ раздался скрежещущій вой, будто пронесся по воздушным рельсам трамвай.

Вой в воздухѣ я слышала уже летя от страха с крыльца на землю. Одновременно с дерева свалился рыжій комочек. Через нѣсколько секунд он метнулся мимо меня и, сдѣлав удивительно высокий прыжок, исчез в чашѣ листьев. Мнѣ было страшно стыдно, когда уборщица бросилась поднимать меня, и что всю эту сцену видѣл поднимавшійся по тропинкѣ к бараку военный. В наступившей тишинѣ снова явственно доносилось “о-г-о-нь!” и я собрала всѣ силы, чтобы отнестись спокойно к стрѣльбѣ. От залпа дрогнула земля, забренчали окна и гулко откликнулось эхом озеро. Подошедшій командир, явно старавшійся подавить улыбку, представился адъютантом начальника гарнизона.

— Очень неудачно, что батарею установили так близко от вашего барака, — замѣтил он. — Надо будет перенести позицію подальше... Сейчас, к сожалѣнію, этого сдѣлать нельзя, но я вам могу посоветовать держать по возможности рот открытым, тогда не будет так отдавать в ушах. Его спокойствіе сильно подѣйствовало на меня и, хотя я опозорилась в началѣ моего “боевого крещенія”, но скоро привыкла к канонадѣ и стала отличать разрывы снарядов от выстрѣлов.

Адъютант принес мнѣ пропуск, позволяющій прогуливаться в расположеніи частей, ѣхать, если я захочу, в Лугу, а, главное, беспрепятственно возвращаться в наш “охраняемый барак”. Потом он осведомился, гдѣ я предпочитаю завтракать — дома или в столовой, и вызвался проводить меня в столовую. По пути я увидѣла, что сосѣдній домик, расположенный метрах в двухстах от нашего, тоже охраняется. В окнах третьяго показалось женское лицо, а возлѣ домика двѣ, уже не молодые, дамы усердно работали лопатами и, увидѣв нас, смущенно спрятали их за спину.

— Почему онѣ так смутились? — спросила я адъютанта. — Развѣ тут не разрѣшается копать?

Он разсмѣялся и конфиденціально пояснил мнѣ, что дамы ищут клад. Один офицер, бывшій здѣсь в 1914 году, прислал письмо, в котором написал, что офицеры, которых послѣ объявленія войны срочно отправляли на фронт, зарыли обѣденный сервиз и нѣсколько бутылок коньяка, а другой у своего барака зарыл ящик с вином и шампанским. Номера барачных, возлѣ которых зарыты клады, пишущій точно не помнил и описывал только примѣты. В концѣ была приписка, что, по слухам, кое-какія вещи закапывали и позже, в період революціи. Потом пошли слухи, что один полковник закопал тут все свое столовое серебро. Полковник погиб на фронтѣ, жена умерла от тифа, и сообщила об этом его дальняя родственница, которая просит нашедшаго вернуть ей только половину вещей.

— В лунныя ночи вы можете увидѣть возлѣ многих ба-

раков кладоискателей. Начальник учебной части Артиллерійских курсов усовершенствованія, Михайловскій, копает в свободное время и днем, — они с женой не могут найти мѣдную посуду, которую сами же закопали во время войны.

В столовой завтракали почти исключительно женщины. Нѣкоторыя были с дѣтьми. Адъютант сказал, что всѣ преподаватели курсов имѣют право брать свои семьи в лагерь; преподаватели Артиллерійской академіи, которая стоит лѣтом на трѣтьем полигонѣ, тоже. Но в момент прїѣзда начальства и больших стрѣльб, издаются приказы, чтобы всѣ семьи, особенно дѣти, держались по возможности возлѣ своих домиков, и объявлялись мѣста, гдѣ им строго запрещалось ходить.

В концѣ завтрака я замѣтила, что стрѣльба вдруг прекратилась. Когда мы вышли из столовой, то увидѣли ѣдущій с полигона открытый автомобиль. Двое военных, сидя на откидных скамеечках, поддерживали лежащего на заднем сидѣніи. Он был прикрыт бѣлым, измазанным кровью медицинским халатом. Шофер вел машину не быстро и осторожно. Вслѣд за машиной по шоссе вылетѣл карьером всадник. Адъютант бросился к нему навстрѣчу. Всадник круто остановил взмыленнаго коня и, бросив нѣсколько слово адъютанту, поскакал дальше. Вернувшись ко мнѣ, адъютант растерянно сказал, что недолетѣвшій снаряд разорвался у наблюдательнаго пункта, гдѣ стояло все командованіе, но кажется, к счастью, обошлось сравнительно благополучно и ранен только один преподаватель курсов Деполини (в Совѣтском Союзѣ приставка “де” писалась вмѣстѣ с фамиліей). Затѣм, извинившись, адъютант оставил меня и побѣжал в штаб.

Бѣшено пролетѣвшая на полигон санитарная машина показала, что повидомому, пострадал не один. У меня ослабѣли ноги и я присѣла на пенек у дороги. Ко мнѣ подошел сеттер, ткнулся носом в мои руки, потом сѣл, прижавшись ко мнѣ, и, подняв морду, жутко завыл. Я охватила руками его шею, погладила его шелковистыя уши и насилу превозмогла желаніе завять вмѣстѣ с ним. Потом взяла его за обрывок веревки, болтавшейся на ошейникѣ, и пошла по обочинѣ дороги на полигон. Мня обогнали двѣ машины и нѣсколько всадников. Пес шел послушно, но поскуливал, и, когда я его успокаивала, старался лизнуть мою руку. На дорогѣ показались ѣдущіе верхом навстрѣчу нам три командира. В одном из них я узнала Гончаренко. Он свернул с дороги и легко спрыгнул с коня. От него узнала, что пострадал не только де Полини, а был еще тяжело ранен боец, дежурившій у телефоннаго кабеля. Как только мы упомянули о де Полини, пес снова завыл.

— Да вѣдь это, кажется, его собака! — воскликнул Гончаренко. — Видите, чувствует, что с хозяином несчастье. Я бы взял его к себѣ, но у меня есть овчарка. Она очень ревнует меня и жену к другим псам и может его укусить.

Порѣшив, что до тѣх пор, пока мы будем на полигонѣ, я позабочусь о псѣ, мы разстались у нашего барака. О происшествіи на полигонѣ Гончаренко мнѣ много новаго не расска-

зал, но из его слов я поняла, что вся эта исторія очень непріятная и много зависит еще от того, как к ней отнесется командование.

Всѣ вернулись с полигона хмурые и осыпанные землей. Сразу же пошли купаться. Вернувшись с озера, вызвали к себѣ лагерное начальство и долго совѣщались. Затѣм были вызваны с перваго полигона командир артиллерійскаго полка и командир злополучной батареи. Я сидѣла на верандѣ, когда послѣдній явился. Это был худощавый, средняго роста командир. Меня поразила страшная блѣдность его лица и какое-то застывшее неживое выраженіе глаз. Вышедшему какому-то командиру он сказал, что задержался потому, что был в Особом Отдѣлѣ. Тот попросил его обождать на верандѣ. Командир батареи остался стоять, потом его замѣтно качнуло и он прислонился к стѣнѣ. Я почувствовала, что этот человек смертельно устал, измучен и напрягает всѣ силы, чтобы держаться на ногах. Замѣтив в коридорѣ Внукова, я окликнула его, позвала в свою комнату и высказала ему свое мнѣніе, что комбат близок к обмороку, что его видно достаточно допрашивали в Особом Отдѣлѣ и что ему надо как-то помочь, поддержать его силы. Внуков ошарашенно смотрѣлъ на меня своими выпучеными оловянными глазами.

Когда я привела комбата в комнату Внукова, тот оглядѣлъ его и, взявъ стакан, наполнил его больше чѣм наполовину водкой из графина и дал комбату: — Пейте!

Командир батареи сначала даже отступил на шаг, потом взял стакан и видно через силу выпил.

— Теперь идите на веранду, посидите, отдохните, — сказал Внуков. — Вас позовут не раньше, чѣм через двадцать минут.

Комбат повиновался. Через нѣсколько минут на лицѣ его появились краски и глаза стали не такіе мертвые. Но когда он закуривал, руки его замѣтно дрожали.

Послѣ того, как его вызвали, его продержали довольно долго. Я видѣла его, когда он уходил, только в спину. Вмѣстѣ с ним ушел и комполка.

Вечером я узнала от мужа, что де Полини был не одной жертвой — еще убит красноармеец, бывшій при верховых лошадях, другой ѣздовой ранен и погибло шесть лошадей. Гончаренко был на другом наблюдательном пунктѣ и всего не знал, а может не хотѣлъ говорить...

За ужином поддерживал разговор только Городисскій, отнесшись к происшедшему легче остальных. Тухачевскій был мрачен и молчалив. Послѣ ужина он сразу же ушел к себѣ.

На другой день, до обѣда, пока шли всякіе разборы и совѣщанія, мнѣ удалось пойти с Гончаренко за ягодами. Но оказалось, что мой спутник, удивительно милый человек, страдает дальтонизмом и не может отличить краснаго цвѣта от зеленаго. Когда мы пришли на усыпанную ягодами лужайку, то Гон-

чаренко лег на землю и старался разглядѣть ягоды снизу — тогда на фонѣ голубого неба он мог их увидѣть.

— Какого же цвѣта онѣ кажутся вам, Иван Иванович, — полюбопытствовала я.

— Темнаго, — отвѣтил он, сосредоточенно шаря рукой по листам и травѣ.

Уѣхали мы с полигона только к вечеру. Между первым и вторым полигоном наш автомобиль задержался, пропуская ѣдущую на ночные стрѣльбы часть. Впереди одной батареи ѣхал верхом командир, показавшійся мнѣ знакомым.

— Это кажется он? — спросила я мужа.

— Да, это как раз та батарея, которая едва не отправила нас на тот свѣтъ, — отвѣтил, вмѣсто мужа, Михаил Николаевич.

— А кто в этом виноват? — поинтересовалась я.

Муж, указав глазами на шофера, отвѣтил:

— Пока еще точно не установлено, разслѣдованіе продолжается.

Позже я узнала, что все дѣло кончилось для комбата выговором, в приказѣ, а через пятнадцать лѣтъ судьба столкнула меня с ним во время минувшей войны. Он был уже в чинѣ майора. Как-то мы разговорились и вспомнили нашу первую встрѣчу. Он рассказал мнѣ, что только перед самой войной был выпущен из Сорок-лагеря и восстановлен в арміи. Арестовали его в 1938 году, во время чистки Сталиным арміи. Арестован он был “по дѣлу Тухачевского” и ему предъявили обвиненіе в диверсіи, что тогда он намѣренно дал командиру орудія другой прицѣл, чтобы убить начальство, т. е. тѣх, которые еще до его ареста уже всѣ (за исключеніем Внукова, умершаго в серединѣ 30 годов от водянки) были разстрѣляны НКВД, как враги народа. Как он ни доказывал слѣдователям, что существует протокол комиссіи, установившій причину того происшествія и что все это страшно нелѣпо, — выходит так, что сообщники Тухачевского дали ему задание убить и Тухачевского и их самих, — его осудили приговором “особаго совѣщанія” на пять лѣтъ концлагерей, а его бывший командир полка Елисѣев по тому же дѣлу был сослан на пятнадцать лѣтъ.

Когда в памяти воскресает прошлое, то как будто развертывается передо мною длинный фантастическій фильм. Но тогда это была обыденная жизнь, не особенно красочная, с частыми періодами неудовлетворенности, тоски от пріѣвших разговоров о военных занятіях, маневрах, перегруппировках и проштрафившихся командирах.

Сейчас передо мной в кадрѣ этого неповторимаго фильма двое: Тухачевскій и Шапошников — вулкан и айсберг.

Это было послѣ больших маневров в районѣ Краснаго Села. На них присутствовал Ворошилов и нѣкоторые начальники военных округов, в том числѣ и Б. М. Шапошников, который командовал в то время Харьковским военным округом. Шапошников задержался послѣ маневров в Ленинградѣ по какому-то дѣлам.

Я возвращалась с покупками, когда столкнулась неподалеку от дома с Михаилом Николаевичем. Фуражка была надвинута на самыя брови, глаза сощурены, в сжатых губах торчала папироса с изгрызанным мундштуком.

— Кабинетный Наполеон все еще торчит у вас, — мрачно сообщил он мнѣ. И потом почти жалобным тоном добавил, — Мнѣ некуда сегодня дѣваться... Хочешь — пойдѣм в театр? Покупки? Ерунда... — Пойдите! — окликнул он проходившаго старшину из штабной команды. — Отнесите, пожалуйста, это на квартиру В. — Видишь, как все просто, — сказал он, когда старшина, откозыряв, отошел.

— Совсѣм не так просто! — возразила я. — Идти в театр, когда в домѣ гость — я никак не могу.

Послѣ этого пришлось выслушать длиннѣйшую тираду. У Михаила Николаевича были особыя понятія о дружбѣ — по его мнѣнію он мог располагать друзьями как и когда хотѣл. Я предложила ему небольшую прогулку, а послѣ нея идти к нам пить чай. Нѣкоторое время он продолжал дуться. Мы шагали рядом молча. Потом я не выдержала.

— Все-таки я не понимаю твоей нетерпимости. Можно не любить человѣка, но не до такой степени.

Михаил Николаевич остановился и мрачно глядя мнѣ в глаза отчеканил:

— Запомни одно! Я Шапошникова н-и-к-о-г-д-а не мог бы разстрѣлять, а он меня, если бы ему это понадобилось, мог бы.

— Неужели ты думаешь, что он такой жестокий человек?

— Хуже — безразличный ко всему, что не задѣвает его интересов. А вообще добро и зло — для него вещи отвлеченныя.

Через час они сидѣли за столом друг против друга. Борис Михайлович Шапошников, очень подтянутый, с безукоризненным пробором посреди головы, раздѣляющим его тронутые на висках серебром сѣдины, прилизанные волосок к волоску, волосы. Из-под отложного воротника френча сверкает бѣлизной крахмальный воротничок. У него интересное лицо. Умные, пристальные свѣтлые глаза, но они как будто подернуты ледяной пленкой. Руки с длинными пальцами, тонкія и выхоленные. Разговаривал он негромко, спокойно и увѣренно. Изрѣдка на его губах появлялась улыбка, она была любезная, но не освѣщающая лица. Когда о блестящее голенище его сапога потерся наш ангорскій котенок “Фауст”, Борис Михайлович брезгливо отодвинул ногу.

Михаил Николаевич не вступал в бесѣду и ограничивался коротенькими репликами. Из разговора Шапошникова с мужем я узнала о происшествіи, случившемся на маневрах. Автомобиль Ворошилова заѣхал на позиціи “синих”. Машина была без опознавательных знаков. Командир развѣдки Васильев (в чинѣ комроты) дал сигнал шоферу остановиться, но тот продолжал ѣхать. Тогда Васильев поставил поперек дороги грузовик, а когда машина остановилась, крѣпко обругал шофера. Полагая, что в темнотѣ командир развѣдки не разобрал, чья это машина, Ворошилов высунулся в окно и потребовал, чтобы автомобиль был пропущен. Васильев вытянулся, как полагается, но твердо сказал:

— Извините, товарищ нарком, но я вас не пропущу. На вашей машинѣ нѣтъ опознавательных знаков и неизвѣстно, принадлежите вы к “синим” или “красным”. Тут боевая полоса и через четыре минуты начнется атака... Ваша машина создаст “пробку” на дорогѣ, которая имѣет стратегическое значеніе, и потому ваша жизнь находится “под угрозой”. Ни того, ни другого я не могу допустить, а поэтому пусть шофер повернет назад, поѣдет до перекрестка и свернет направо — там находится главный штаб.

Как ни настаивал Ворошилов, все было напрасно, и ему пришлось ѣхать назад. Приѣхал он в штаб разозленный, но потом согласился с Тухачевским, что Васильев заслужил не выговор, а благодарность в приказѣ.

Шапошников замѣтил, что Васильев был черезчур смѣл и что он не имѣл формально права задерживать машину Нар-

кома Обороны, хотя бы на ней и не было отличительных знаков, — вѣдь Васильев видѣл, что в ней Ворошилов.

— Васильев прав, — твердо сказал Тухачевскій. — Ему посредник не сообщил о том, что придет нарком, и он не мог в угоду начальству нарушить свой воинскій долг. Машина Ворошилова могла дѣйствительно вызвать замѣшательство и создать на дорогѣ пробку и ослабить удар синих по флангу противника.

— Все же я против партизанских выходов, — поморщился Шапошников.

У Тухачевского заиграл на щекѣ желвак.

— Это не паратизанщина, а исполненіе воинскаго долга, — рѣзко сказал он, — маневры — это война, Васильев думал в то время не о наркомѣ, который пугался со своей машиной под ногами у приготовившихся к атакѣ частей, а о том, чтобы синіе успѣли опередить противника, нанести ему удар и одержать побѣду...

Настроеніе у Тухачевского видимо все ухудшалось. Я уже раскаивалась в душѣ, что затащила его на чай. Но в то время, когда он окончательно насупился и демонстративно стал удѣлять все свое вниманіе только “Фаусту”, хотя он вообще относился к котенку прохладно, неожиданно пришла наша знакомая, Шурочка Скоблина. Шурочка была красива чисто русской красотой. Средняго роста, скорѣе худощавая, с очень красивым рисунком шеи и плеч. Она умѣла одѣваться, любила покетничать, но была пылко влюблена только в Михаила Николаевича.

Увидѣв его, она вся засвѣтилась такой радостью, что он не мог остаться равнодушным. Он просіял, помог ей освободиться от жакетки и, усаживая ее к столу, сказал ей комплимент. Для Шурочки встрѣчи с Михаилом Николаевичем были вродѣ лепестков ромашки — “любит?” — “нѣтъ”. Так, чередуя радостныя надежды с уныніем и тоской, жила она годы, идя к своему, уготованному судьбой, жуткому концу, связанному с этой несчастной любовью.

В этот вечер Шура была особенно интересна. Поймав на себѣ любующійся взгляд Шапошникова, — она оживилась еще больше. Как ни тянулось к Тухачевскому ея сердце, но в душѣ ея оставался счетик за его невниманіе к ней в прошлую встрѣчу, который ему сегодня надлежало оплатить. Поэтому стрѣлы ея кокетства летѣли в Бориса Михайловича.

У Шапошникова загорѣлись в глазах огоньки, он оживился и быстро поддавался женским чарам. Михаил Николаевич прислушивался к разговору и с любопытством наблюдал за Шапошниковым. Потом подманил к себѣ “Фауста”, посадил рядом с собой и начал забавляться с ним. Лицо его принимало все болѣе озорное выраженіе и я с безпокойством старалась угадать, что он собирается натворить?

В тот момент, когда Борис Михайлович разомлѣв, поцѣловал ручку Шуры, налившей ему чай, Михаил Николаевич медленно поднялся с дивана. Он незамѣтно подбросил “Фа-

уста” так, что котенок очутился на колѣнях Шапошникова. Борис Михайлович мгновенно выпустил руку Шуры и передернулся как нервная женщина, которая увидѣла на себѣ мышь, а котенок, обнюхав его, вдруг выгнул спину и зло зашипѣл. Тогда, опередив всѣх, Тухачевскій снял “Фауста” с колѣн гостя и вышел из комнаты, держа его на плечѣ. Я замѣтила, что плечи его тряслись от смѣха. Шапошников все еще не пришел в себя и нервно сбивал щелчками пальцев оставшіеся на его брюках шерстинки. Мы постарались сгладить это происшествіе, но долгое отсутствіе Михаила Николаевича стало явно беспокоить Шуру. Она сразу потускнѣла, отвѣчала разсѣянно Шапошникову и поглядывала в сторону стѣны, за которой слышался веселый голос Михаила Николаевича, сливавшійся с залихватным дѣтским хохотом и смѣхом Ксеніи. Прошло порядочно времени, когда Михаил Николаевич показался на порогѣ. Он прижимал рукой ко лбу носовой платок, закрывавшій его глаза.

По лицу Шуры разлилась страшная блѣдность, она вскочила и бросилась к нему.

— Что случилось?

Михаил Николаевич отнял ото лба платок и, глядя на нее смѣющимися глазами, сказал:

— Мы играли в войну и будущій воин мѣтко угодил мнѣ в лоб. — Потом, садясь к столу, обратился ко мнѣ. — Прояви милосердіе к раненому и налей мнѣ чаю. Только покрѣпче.

Помѣшавая ложечкой в стаканѣ, он добавил:

— Я сказал Ксеніи, чтобы она держала “Фауста” на кухнѣ.

По лицу Шапошникова расплзлась краска. Тухачевскій, будто бы не замѣтил этого, очень вѣжливо заговорил с ним о предстоящем выпускѣ из академіи Фрунзе, который даст пополненіе штабных работников. Потом, ласково взглянув на Шуру, попросил:

— Александра Георгіевна, поухаживайте и вы за мною, сдѣлайте мнѣ свѣжій компресс — неудобно мнѣ явиться завтра в штаб с шишкой.

Наблюдая с какой нѣжностью Шура исполняла обязанности сестры милосердія, Шапошников совсѣм помрачнѣл, потом постарался совладѣть с собой и только его пальцы, державшіе янтарный мундштук, задрожали. В это время зазвонил телефон.

— Борис Михайлович, — позвал муж. — Это вас.

Через нѣкоторое время Шапошников попросил мужа в кабинет, а когда они оба вернулись, Шапошников сказал:

— Неожиданно мнѣ приходится сегодня уѣхать. Завтра я должен быть в Москвѣ. Для меня уже взят билет и через полчаса за мной заѣдут сюда. Ваш супруг разрѣшил — вы ничего не имѣете против, — обратился он ко мнѣ. -- Видите, все это так срочно, что я даже сам не смогу поѣхать в гостиницу за вещами. Их мы захватим по пути...

Дѣйствительно, ровно через полчаса раздался звонок, а потом на дорогѣ появилась Ксенія.

— Вас спрашивают... — обратилась она к Шапошникову.

— Попросите зайти, — сказал ей муж. В коридоръ раз-
дались четкіе, легкіе шаги и вдруг я почувствовала, как не-
приятный холодк разлился у меня по спинѣ, — в дверях стоял
Поскребышев. Он быстро обвел взглядом всѣх и на губах его
была привѣтливая улыбка. Но когда он приближался, мнѣ
стоило очень больших усилій, чтобы остаться внѣшне спокой-
ной и, кажется, это плохо удалось. Вѣжливо поцѣловав мою
руку, он задержал ее на нѣсколько секунд в своей и посмотрѣл
на меня так, будто бы хотѣл проникнуть взглядом в мой мозг.
В глазах его мелькнуло что-то похожее на усмѣшку.

Поздоровавшись со всѣми, он обратился к Шапошникову:

— Знаете, меня подвели с расписаніем — оказывается наш
поѣзд идет на сорок минут позже. Нам придется гдѣ-то ско-
ротать время...

“Ложь” — мелькнуло у меня в мозгу — “он намѣренно
пріѣхал раньше”.

Сразу согласившись на приглашеніе мужа выпить чаю,
Поскребышев снял с себя кожаное пальто, которое Ксенія
унесла в прихожую. Я замѣтила, как он быстро окинул глаза-
ми с ног до головы Шуру и потом приглядывался к ней и Ми-
хаилу Николаевичу. Но одновременно он оживленно участво-
вал в разговорѣ, сообщал московскія новости.

Когда разговор на минуту оборвался, Поскребышев отки-
нулся в креслѣ и оглядѣл комнату.

— У вас очень хорошо, — обратился он ко мнѣ. — Только
в Питерѣ можно встрѣтить такую обстановку старых домов.
Вѣдь это “ампир”. Вѣрно ваше приданое? — И, не ожидая от-
вѣта, добавил. — Я, откровенно говоря, не люблю стандартной
мебели в стилѣ “модерн”. Хотя он давно уже начал вытѣснять
старину...

Затѣм его глаза перѣхватили взгляд Шуры на Михаила
Николаевича и задержались на ея лицѣ. Я знала, что скоро
должен был придти пожелать нам спокойной ночи сын, и мнѣ
стало вдруг страшно показать своего ребенка этому человѣку.
Я поднялась, попросила Шуру похозяйничать за меня и изви-
нилась перед гостями.

— У вас дочка? — спросил Поскребышев.

— Нѣтъ, сын, — отвѣтил за меня муж.

— Что же вы прячете его?

— Он нездоров, — сорвалось у меня рѣзко. Муж и Туха-
чевскій разом взглянули на меня, а я, чтобы скрыть краску,
выступившую у меня от лжи на лицѣ, поспѣшила выйти.

Когда я вернулась, Поскребышев стоял возлѣ буфета и
разговаривал вполголоса с Шурой.

— В смыслѣ пріскаканія для вас хорошей работы — я мо-
гу быть полезен... — донеслось до меня. — Как только вы за-
кончите ваши курсы стенографіи, дайте мнѣ знать...

Гости стали собираться и я вздохнула с большим облег-
ченіем. Шапошников, а особенно Поскребышев, настойчиво
предлагали Шурѣ довести ее до дому. Та колебалась и погля-

дывала на Михаила Николаевича, но он молчал и дѣлал вид, что поглощен набиваніем папирасы. Испугавшись, что дѣвушка обидѣвшись на него, поѣдет с Поскребышевым, я вмѣшалась и сказала, что мы с Шурой еще не успѣли поговорить и что она останется.

— Я не знал, Александра Георгіевна, что вы тут удочерены, — ядовито замѣтил Поскребышев, — а перечить вашей пріемной матери я не осмѣливаюсь.

Прощаясь со мной, он опять задержал мою руку, довольного крѣпко ее сжал и тихо сказал:

— Не совѣтую удочерять дѣвушку, которая старше вас. Это будет чревато неприятными для вас послѣдствіями...

И прежде чѣм я могла отвѣтить, он отошел. В то время, когда Шапошников прощался с Шурой, Тухачевскій покончил с папирасой и, подойдя к ним, слегка обнял дѣвушку за плечи.

— Шурочка, сыграем партію в пинг-понг?

Шапошников, взглянув на ея освѣтившееся счастьем лицо, поспѣшно простился. Не успѣла закрыться за уѣхавшими дверь, как Тухачевскій “спохватился”, что ему надо зайти в штаб.

— А как же пинг-понг? — огорчилась Шура.

— В другой раз, Александра Георгіевна, простите, но я позабыл сегодня о дѣлах.

И он, дѣйствительно ушел.

— Почему он меня так мучит?! Я не могу больше жить! — рыдала послѣ его ухода на моем плечѣ Шура. — Ради Бога, скажи ему, как я мучаюсь...

— Ну, как не стыдно тебѣ так мучить дѣвушку? — выговаривала я Михаилу Николаевичу.

Он сразу нахмурился:

— Я ей никогда не говорил о любви. Она слишком романтична. Выдумала себѣ любовь и мучится ею. Помучится и полюбит также крѣпко другого.

— Неправда. Это чувство у нея на всю жизнь.

— Знаешь, мой дорогой адвокат, — я когда-то тоже полюбил на всю жизнь, и тоже мучился, но женщина, которую я любил, не щадила моего чувства. С тѣх пор я перестал вѣрить, что у женщины есть сердце.

— Но вчера, ты намѣренно играл ея чувством? Скажи откровенно, ты разыграл комедію с шишкой?

— Да, — разсмѣялся он, — зато кабинетный Бонапарт получил шишку на сердцѣ... — Потом он посмотрѣл на меня, как провинившійся ребенок, взял мои руки и закрыл ими свои глаза. — Ну, конечно, мнѣ стыдно, — это было мальчишество... С котенком тоже... Но, что я могу с собой подѣлать. Он мнѣ так противен, как никто! Поэтому я и не хотѣл с ним встрѣчаться... — Потом, выпустив мои руки и серьезно глядя мнѣ в глаза, он добавил. — Ты поговори остороженько с Шурой, чтобы она старалась избѣгать Поскребышева. Вот если тот ею заинтере-

совался — это хуже... Кстати, меня удивили отношенія Поскребышева и Шапошникова. Приѣхал он за ним неспроста... Он его повезет к Сталину. Значит ожидаются перемѣны и Александр Николаевич протезирует кабинетному Бонапарту... Все это очень интересно... Только неприятно, что Поскребышев был тут... Сталинскій холуй! Ему вездѣ надо все высмотрѣть...

Во время разгара борьбы Троцкаго со Сталиным Михаил Николаевич оставался в сторонѣ. Близости с Троцким у него никогда не было, но он считал его отличным организатором, человѣком одаренным, но слишком честолюбивым и неглубоким. Кромѣ того, Тухачевскій презирал в душѣ всѣх политиков. Я помню, как однажды на Литейном нас обогнал автомобиль Троцкаго. Машина была открытая и Троцкій сидѣлъ рядом с шофером. Позади с револьверами в руках сидѣло четыре ингуша — охрана Троцкаго. Два смотрѣли вперед — два назад. Прохожіе шарахались от машины на перекрестках.

— Вожди народные, — разсмѣялся тогда Тухачевскій, — боятся народа и сами пугают его...

Партійные раздоры зацѣпили краем и армию. Но среди высшаго и старшаго команднаго состава у Троцкаго было очень мало послѣдователей. Военные специалисты, бывшіе офицеры, были в большинствѣ безпартійные. Тот, кто имѣлъ партійный билет, тоже спорами между вождями и чистотой политических линій интересовался мало, а командармы, вышедшіе из нѣдр народа, знали только азы политических наук и о теоріи “перманентной революціи” имѣли такое же слабое понятіе, как и об основах ученія Ленина. Но среди политическаго состава броженіе было. И нѣкоторые симпатизировавшіе Троцкому комиссары старались пропагандировать его идеи среди строевых командиров. Другіе, наоборот, старались пояснить в чем кроется “порочность” троцкизма... И хотѣли или нѣтъ хозяева дома, но пришедшіе в гости политработники сами начинали разговоры на эту тему. У Тухачевскаго и мужа были вѣрные способы избѣгать таких бесѣд, сославшись на срочную работу в штабѣ. У меня, увы, штаба не было и, как хозяйка дома, я должна была продолжать угощать гостя и угощаться его поученіями.

Однажды пришел к нам впервые в дом видный сотрудник Политуправленія Округа — Запольскій. Он безусловно принадлежал к дореволюціонной интеллигенціи и к троцкистам. Уже за первым стаканом чая он сѣлъ на своего политическаго конька. Оратор он был неплохой. Тухачевскій слушал не пребывая, но скоро скрылся в ванную “вымыть руки”; вернулся он с повеселѣвшим лицом, затѣм раздался звонок и Ксенія сообщила, что мужа спрашивает по дѣлу нач. оперативной части штаба. Мнѣ показалось странным, что муж не пригласил его зайти, а пошел в прихожую, затѣм позвал Тухачевскаго. Послѣ этого они, извинившись перед гостем, испарились. Послѣ их ухода Запольскій, возможно обидившійся на Тухачевскаго за недостаточное вниманіе, прошелся насчет того, что Тухачевскій много вредит себѣ оторвавшись от широких рабочих

масс. Я чуть не усумнилась вслух, что он был когда бы то ни было к ним привязан, но к счастью Запольскій не дал мнѣ сдѣлать этого и горячо заговорил о поспраніи партіей прав рабочих, о растущем недовольствѣ в глубинѣ масс. И как одно из доказательств этого он привел возстаніе матросов в Кронштадтѣ.

От него перваго я услышала рассказ о возстаніи в совѣм другом освѣщеніи, чѣм это было сообщено официально. И он сказал больше — если бы Тухачевскій не пустил по льду ночью замаскированные части, которыя неожиданно к утру окружили крѣпость, то Кронштадт сопротивлялся бы еще долго и несомнѣнно получил бы поддержку не только питерских рабочих, но и пролетаріата других городов страны. И под давленіем общественнаго мнѣнія власти были бы вынуждены пойти на уступки. Народ от этого очень выиграл бы, и не было бы такой жестокой расправы со сдавшимися мятежниками.

Его очень жуткій и красочный рассказ буквально потряс меня. Послѣ его ухода я, не ожидая возвращенія мужа, ушла в спальню и долго думала, анализировала, а в концѣ концов рѣшила, что у Михаила Николаевича есть на душѣ огромный грѣх перед народом. В эту ночь я не могла уснуть — так ярко вырисовывалась передо мной сцена казни возставших... Тухачевскій представлялся мнѣ залитым с головы до ног кровью и... чудовищем...

На другой день я поѣхала в Царское Село (переименованное уже в "Дѣтское Село") и отслужила в моей любимой лицейской церкви панихиду по всѣм невинно убиенным. Пыталась помолиться о спасеніи грѣшной души раба Божьяго Михаила, но почувствовала к этому грѣшному рабу такое отчужденіе и отвращеніе, что слова молитвы не шли из сердца...

В молодости мнѣ было всегда очень трудно сдерживать свою горячность и, когда Михаил Николаевич захотѣл узнать "какая муха меня укусила", — я выпалила ему все, что думала.

Он оторопѣл. Потом руки его сжались в кулаки, на лбу налилась жила и лицо стало страшным. "Вот он такой — "настоящій", мелькнуло в моем мозгу и я с ненавистью бросила ему:

— Можешь убить еще и меня — одной твоей жертвой будет больше!

Лицо его стало сѣрым. Он рванул рукой воротник френча и вырвал крючок "с мясом". Потом пошарил, как слѣпой, по столу руками и, найдя графин, налил воду в стакан и выпил ее залпом.

Прошло довольно долго, пока он заговорил. Голос был какой-то сильный.

— Тебя бы стоило убить, если бы ты дошла до этого своим умом, но ты, как грамофонная пластинка, передаешь чужія слова. Сволочей много... Оправдываться я перед тобой не собираюсь. Скажу только, что никого из разстрѣлянных, за которых ты так усердно молилась, мнѣ ни капельки не жаль.

Я их сам не судил и не разстрѣливал, но если бы пришлось — сдѣлал бы и это. И тогда, как и теперь, не почувствовал бы на душѣ никакого грѣха... — и зло усмѣхнувшись продолжал. — Но, хотя ты, досточтимая “святая Цецилія”, и отслужишь о них двадцать панихид, я очень сомнѣваюсь, чтобы хотя бы одна из этих душ попала в рай. Вѣдь ты должна помнить, как безпощадно дѣйствовала во время революціи матросня! Кто ходил по домам с обыском, грабил, насиловал, звѣрски разстрѣливая схваченных, не доводя их даже до чрезвычайок... Каким звѣрским образом расправлялись матросы с офицерами флота, вообще с офицерами и даже с тѣми старыми, заслуженными солдатами, которые имѣли мужество отстаивать свое бывшее начальство...

В этом пьяном, кровавом разгулѣ, да еще при неумѣренном употребленіи кокаина, большинство матросов окончательно превратилось в бандитов. В людей, которые неспособны уже жить нормальной жизнью, без дебошей и крови... Когда их стали сдерживать, они заорали: “Братишки — за что мы боролись!!!”

Нѣт, мнѣ этой сволочи не жаль. Они никогда не станут в моих глазах героями — ни революціонными, ни контрреволюціонными.

Закурив, Михаил Николаевич сломал спичку, бросил ее в пепельницу и сказал:

— Спроси у того, кто тебѣ все это рассказал, если это мужчина, как он реагировал на матроскіе расправы и самосуды? Противнѣ всего то, что сейчас только из-за того, что матросы подняли мятеж против власти — их считают “героями” и чуть ли не причисляют к лику святых и даже тѣ, родных и близких которых они в революцію растерзали... или наглумились... Я же, получив приказ подавить мятеж, конечно, большого удовольствія от этого порученія не чувствовал, так как понял, почему партія остановила выбор свой на мнѣ: — в этом их особая тактика, но я составляя план, опасался одного, что в сраженіи могут погибнуть мои солдаты и командиры... А каждого бойца я расцѣниваю дороже, чѣм полсотни прококаиненных “братишек”...

Проговорив это, Михаил Николаевич прошелся нѣсколько раз по комнатѣ, одергивал на ходу пояс. Лицо его снова стало принимать землстый оттѣнок. Потом он ткнул папиросу в пепельницу и остановился передо мной. Плотно стиснутыя его губы разжались, но он ничего не сказал, только мотнул нѣсколько раз головой, и вдруг схватил столовый стул, поднял и грохнул его о пол так, что тот рассыпался. Затѣм быстро вышел из комнаты, сильно хлопнув дверью.

От подвѣсок раскачивающейся люстры забѣгали по стѣнѣ солнечные “зайчики”... В пепельницѣ догорала его папироса, — мундштук ея был в крови. На полу лежали обломки стула и упавшіе с потолка кусочки штукатурки.

1928 год был послѣдним годом послѣреволюціоннаго за-тишья. В 1929 г. уже разразилась новая гроза — процесс “Промпартии”, послѣ которой были жертвы и в арміи. Но еще в серединѣ 1928 года были очень странныя событія и, как позже выяснилось, связанные с провокаціонной дѣятельностью Г.П.У.

Я узнала тогда о них случайно. Приходилось мнѣ бывать в домѣ военнаго преподавателя П. Мы были знакомы очень давно и со своячницей П. Кирой, мы были почти ровесницами и вмѣстѣ учились. Сам Аркадій Сергѣевич П., благодаря службѣ в красной арміи, сохранил свою пятикомнатную квартиру в районѣ Литейнаго проспекта. Жена его, бывшая лѣт на пятнадцать моложе мужа, принадлежала к очень хорошей семьѣ, была красивая и неглупая женщина. Она успѣла окончить до революціи гимназію и училась живописи. Послѣ революціи она окончила какіе-то курсы и работала научным сотрудником в “Эрмитажѣ”. Круг знакомых у П. был большой. На половинѣ мужа преобладали военные, а в уютном кабинетѣ жены можно было встрѣтить писателей, больших артистов, видных искусствовѣдov и уцѣлѣвших представителей петербургской аристократіи. В этом домѣ царила дореволюціонная атмосфера, — в столовой почти никогда не убирался со стола самовар, в буфетѣ всегда стояли бутылки с винами, а на столѣ всегда стояла какая-нибудь закуска. Послѣ ужина Аркадій Сергѣевич обычно вел своих пріятелей к себѣ — “перекинуться в картишки”, а у Марины Николаевны шли бесѣды об искусствѣ или на мистическія темы, особенно любимыя хозяйкой.

Лѣтом 1928 года я как-то зашла к П. В прихожей я увидѣла нѣсколько шляп и военную фуражку.

— Значит Аркадій Сергѣевич тоже пріѣхал из лагеря, — мелькнула у меня мысль. В это время примчалась Кира и потащила меня сначала к себѣ. Между сестрами и внѣшне, и внутренне было мало сходства. Кира была сѣроглазая, свѣтло-волосая и не такая красивая, как сестра, но когда улыбалась широкой лучистой улыбкой, то казалась красавицей. Держала себя Кира со всѣми равно, просто, была добра и очень искренна.

— Наша Марина сошла с ума, — сообщила она, как только мы переступили порог ея комнаты. — Вдруг ни с того, ни с сего вздумала капитально отдѣлать квартиру. Что у нас творилось! К счастью она догадалась взять меня на это время к себѣ в Сестрорѣцк, гдѣ я чудесно провела двѣ недѣли. Когда я вернулась, то оставалось только разставить вещи. Теперь у нас гости. Пріѣхал откуда-то издалека дядя. Я его, по правдѣ говоря, не могу вспомнить, хотя Рина говорит, что я его видѣла маленькой... Ну, а теперь пріѣхали другіе знакомые, чтобы поговорить с ним...

В столовой кипѣл самовар и Марина Николаевна, заваривая чай, дѣлала за что-то выговор прислугѣ. В это время из

кабинета Аркадія Сергѣевича вышел господин с тонким лицом, обрамленным свѣтлой, довольно длинной бородой. У него были продолговатые сѣрые, удивительно красивые глаза. Увидѣвъ меня он приостановился и взглянул вопросительно на Марину Николаевну.

— Милый дядя, — сказала та пѣвуче, — вы навѣрно не узнали Лиду. Когда вы ее встрѣчали у нас — она была совсѣм дѣвочкой...

— Да, да... — как-то поспѣшно сказал тот. — Теперь совсѣм взрослая барышня.

— Дама, — сказала за моей спиной Кира, — у нея даже есть сын.

— Ах, так, поздравляю, — сказал дядюшка и коснулся губами моей руки.

— Чай готов, — обратилась к нему Марина Николаевна, — если хотите, я принесу вам его в кабинет?

— Мы кончили разговаривать, — сухо вато отвѣтил тот.

Из четырех мужчин, вышедших из кабинета, я знала только Зайончковскаго. Трое других были штатскими и я их никогда больше не встрѣчала. Всѣ они очень почтительно относились к дядюшкѣ, хотя тот был, пожалуй, моложе их. Его старил очень усталый взгляд. По цвѣту лица можно было предположить, что он недавно вышел из больницы. Даже его руки, с тонкими, нервными пальцами, казались вылѣпленными из воска. Сам он говорил мало, да и слушал довольно разсѣянно. Когда Зайончковскій рассказал новый, довольно остроумный антисовѣтскій анекдот и всѣ засмѣялись, дядюшка поднял от стакана глаза и оглядѣлъ всѣх с каким-то недоумѣніем.

Марина Николаевна очень ухаживала за родственником. Меня немного удивило, что он говорил племянницѣ “вы” и избѣгал называть старшую по имени. Но все это припоминалось уже потом... В тот вечер у меня не было никаких подозрѣній.

Дней через десять я встрѣтила Киру на Невском. У нея был какой-то странный, потерянный вид. Когда я шутя спросила, не приструнил ли ее так дядюшка, с лица дѣвушки сбѣжал румянец и глаза стали совсѣм дикими. Потом они налились слезами. Я затащила ее в кафе. Оно было почти пустым. Усадив Киру за столик в самом углу, спросила, что произошло. Роняя слезы в чашку с кофе Кира сказала, что накануне арестовали дядюшку.

— Он был немного странный, — рассказывала она, — никуда не выходил и ночами что-то печатал на машинкѣ. Марина опять уѣхала в Сестрорѣцк. К нам никто не приходил кромѣ, помнишь, такого противнаго лысаго, с мѣшками под глазами, который кажется был в тот вечер. Я его терпѣть не могу... Спросила дядю нравится ли он ему. Дядя сказал, что нѣтъ. Тогда я сказала Шурѣ говорить ему, что нас нѣтъ дома. Тот сказал Шурѣ прямо — “врете”. Позавчера вечером звонит из Сестрорѣцка Рина: “Почему ты так поступаешь с нашими друзьями? Алексѣй Михайлович видѣлъ, как ты входила в дом, а

Шура заявляет, что никого нѣт дома. Словом — длинная нотація... Утром тот является снова. Шура растерялась. Тогда я вышла и говорю: “Меня нѣт дома и до возвращенія сестры не будет”. А он фыркнул носом и говорит: — я пришел по порученію Марины Николаевны за книгой. Дала ему книгу и вы проводила. Только мы пообѣдали и дядя ушел к себѣ — я услышала в прихожей голоса. Взглянула, а там двое мужчин. Спрашиваю, что им надо, а они мнѣ ничего не отвѣчают и прямо идут по коридору к комнатѣ дяди. Вошли и через нѣсколько минут вышли с ним. Дядя такой был блѣдный! Я бросилась к нему, а один мнѣ говорит — “отойдите”! Но я оттолкнула его, и к дядѣ — “что случилось?” Дядя поцѣловал меня в волосы и тихо сказал: “Меня, Кирочка, арестовали...” Я окаменѣла и даже не помню, как его увели... — Кира всхлипнула, а потом с каким-то отчаяніем выпалила:

— А вѣдь оказалось, что Марина в то время уже была дома... Только она струсилась и не вышла из спальни. Она мнѣ врет, что приѣхала на нѣсколько минут позже, а я видѣла своими глазами, как она выскочила из спальни в коридор и чекист, вернувшійся за чѣм-то в дядину комнату, еще ей сказал — “все в порядкѣ”. Когда я уличила ее во лжи, она разревилась и потребовала, чтобы я ничего не рассказывала Аркадію. Он будет волноваться, что дядю арестовали в его квартирѣ. А когда я сегодня приготовила “передачу” для дяди — она снова закатила истерику, что я хочу испортить карьеру ея мужу и чтобы я не смѣла идти в тюрьму... Но я все же только что там была... И... не могла его найти... Ты понимаешь я не знаю его фамилии...

— Как не знаешь?

— Не знаю. Он не является мнѣ дядей со стороны отца. Я там назвала дѣвичью фамилію матери, а мнѣ отвѣтили, что ни имя, ни отчество, ни фамилія не сходятся...

В кафе включили радио, плагиат Дунаевского наполнил незатѣйливым мотивчиком помещеніе. Я смотрѣла на Киру и сразу ничего не могла сообразить.

— Но как же это так, — растерянно повторила я.

— Так, — устало протянула Кира и беспомощно кивнула головой.

Муж был в отъѣздѣ, но я вспомнила о военном прокурорѣ Дмитріевѣ, который, по-моему, должен был знать, как найти затерявшагося в тюрьмѣ человекѣ. Через двадцать минут мы с Кирой были у него в кабинетѣ. Чѣм дольше слушал нас Дмитріев, тѣм становился серьезнѣй. Когда мы с Кирой, объясняя ему, говорили перебивая друг друга, прокурор косился на дверь и просил “говорите спокойнѣе и не так громко”. Выслушав все до конца, он встал из-за стола и прошелся по кабинету, потом вернулся к Кирѣ и спросил: — А вы увѣрены в том, что он дѣйствительно ваш родственник?

Та сначала растерянно заморгала глазами, потом залилась краской и совсѣм неувѣренным тоном пролепетала:

— Да.

Он покачал головой и больше обращаясь ко мнѣ сказал:
— Это дѣло внѣ моей компетенціи, так как арестованный не был военным. Но я попытаюсь неофициально выяснить в чем тут дѣло и тогда сообщу вам. — Потом он налил стакан воды и подал его Кирѣ:

— Выпейте, и не надо так убиваться... И еще, я бы советовал никому больше не рассказывать о происшедшем. Этим вы можете навредить себѣ, сестрѣ и даже вашему родственнику... А также и тѣм, кто проявляет к вам участіе. И даже не стоит говорить сестрѣ, что вы были по этому дѣлу у меня...

Около недѣли не было никаких вѣстей. Пріѣхал муж и через день, вернувшись из штаба, сказал мнѣ:

— Дмитріев просил передать тебѣ, что человек о котором ты спрашивала увезен в Москву, — потом спросил, — расскажи мнѣ в чем дѣло? Из слов Дмитріева я понял, что ты впуталась в то, во что не слѣдует... Он сказал это в видѣ предупрежденія...

Только начала рассказывать, как Кира оказалась легка на поминѣ. Она влетѣла в комнату не поздоровавшись и разрыдалась на моем плечѣ. Мы начали ее успокаивать. Давая ей валеріановыя капли, я замѣтила, что щеки дѣвушки вспухли и совсѣм багровыя. Едва я коснулась их, как Кира, уткнув голову в колѣни, залилась снова плачем.

— Она... Марина... избила меня... Вот, — Кира показала оборванный ворот блузки и продольную царапину на шеѣ. — Она накинулась на меня, как тигрица, когда я ей начала говорить все...

— Кирочка, сначала успокойтесь, а потом расскажите по порядку, — попросил муж.

— Послѣ ареста... Кира слегка запнулась, — дяди... в нашем домѣ стало твориться что-то невѣроятное. Марина снова уѣхала в Сестрорѣцк, а в квартирѣ все время толкались какіе-то люди. Они пріѣзжали с записками Марины: “Кира, прими пожалуйста нашего стараго знакомаго (или моего друга), устрой у нас на недѣлю... Будь радушной хозяйкой, но не стѣсняяй людей, — они могут жить, как хотят”. В результатѣ, квартира превратилась в какой-то постоянный двор. Один живет в кабинетѣ Аркадія, другой в бывшей тетиной комнатѣ... Третій расположился в кабинетѣ Марины. К гостям приходят гости... Раз я видѣла, как один впустил двух человек ночью, да еще скорчил мину, когда я сказала, что для посѣщенной существует день... А этот противный Алексѣй обнаглѣл до того, что стал вести себя в домѣ хозяином. Заявляет мнѣ — “пусть Шура приготовит закуски и чай и ложится спать — мы будем играть в столовой в карты”. Я смолчала. Сидят они одну ночь до утра, на другую я хотѣла взять из буфета себѣ чашку — дверь в столовую заперта на ключ... Я сильно дернула ее вторично — Алексѣй Михайлович выскочил и как зашипит: “Почему вы не спите?! Если дѣвичьи грезы одолѣли — возьмите роман, читайте или пишите стихи...” Как я ни оторопѣла от такой наглости, но замѣтила, что никаких карт на столѣ не было... Я

протряслась в креслѣ до утра, а утром заявила всѣм вѣжливо, а тому наглецу невѣжливо, что больше им в домѣ дѣлать нечего — пусть переѣзжают в гостиницу. Только я всѣх выпроводила, навожу порядок в столовой, Марина влетает фуріей. Я тоже взбѣленилась и рѣшила сказать все, что думаю, — она вдруг позеленѣла, бросилась ко мнѣ и прямо зажимает мнѣ рот рукой... Потом начала тащить меня из столовой в спальню. Там, когда я ей стала говорить, она сначала вывертывалась, лгала, потом потребовала, чтобы я дѣлала все, что она скажет и... молчала. Я отвѣтила, что молчать не буду и расскажу Аркадію, что творится тут без него. Тогда она подскочила и ударила меня по лицу — послѣ произошла безобразная сцена... мы подрались... Ну и я убѣжала из дому...”

— Кира, а можете вы нам сказать, что вы сами думаете обо всем этом? — спросил осторожно муж.

— Я... — дѣвушка зябко повела плечами, — я скажу вам без утайки все, что знаю. У Марины... есть любовник... Я знала об этом давно, но... вѣдь она мнѣ сестра... Она когда-то была в близких отношеніях с Алексѣем Михайловичем... Он ее тогда устраивал в музей... Теперь нѣтъ... Но он ее чѣм-то взял в руки... Всѣ эти тайныя сборища... Всѣ эти посѣщенія — его работа... Но он подлец... Какой подлец! Я теперь знаю, что он привез этого... дядю... и... выдал его. Когда он эти дни говорил по телефону, приглашал к нам тѣх, кого я знала еще с дѣтства... это невыносимо... Как раз перед “игрой в карты” он нѣсколько раз звонил Василию Дмитріевичу Ордын-Нащокину. Соблазнял его встрѣчей со старым пріятелем... Я очень люблю Василия Дмитріевича, и поѣхала к нему, предупредила... Он не пріѣхал и Алексѣй Михайлович был страшно зол... Теперь он зовет Кожевникова...

— Кожевников видѣлся уже с ним? — спросил муж.

— Нѣтъ. Он приглашен на послѣзавтра. Михайлов тоже...

— Кого из военных приглашал он еще?

— Многих. Он очень интересуется друзьями Аркадія. Кстати — я нѣсколько раз слышала в разговорѣ и вашу фамилію. Еще прошлой зимой он все настаивал, чтобы Аркадій пригласил вас. Тот сказал, что вы были раз и больше, несмотря на приглашенія, не пріѣхали. Тогда он напустился на Рину: “Почему вы, Марина Николаевна, не воспользуетесь близким знакомством с его женой? Имѣть таких друзей полезно...”

Я вспомнила, что Марина Николаевна нѣсколько раз звонила и упрекала меня в том, что я стала чураться старых знакомых и настойчиво приглашала меня и мужа.

— Слушайте, Кирочка, — муж встал и погладил ее по склоненной головкѣ, — я могу только от всей души посоветовать вам уйти из дома вашей сестры. Давайте обсудим, как это сдѣлать, чтобы не возбудить кой у кого подозрѣній.

Было рѣшено, что Кира переночует у тетки. Если Марина Николаевна пріѣдет за ней, то дѣвушка сдѣлает вид, что помирилась с сестрой. А к вечеру я позвоню Маринѣ и попрошу

отпустить Киру погостить к нам на дачу, а тѣм временем надо подыскать ей комнату и службу.

— Может быть мнѣ попытаться спасти Марину? — спросила перед уходом Кира.

— Спасите сначала себя, — посоветовал ей муж.

Когда я проводила Киру к теткѣ и вернулась, то впервые увидѣла на лицѣ мужа глубокую горькую складку. В тот же вечер к нам приѣхал генерал Д., котораго я когда-то знакомила с Тухачевским, и еще два бывших генерала. В числѣ их был один, приглашенный в дом П. Муж долго разговаривал с ними в кабинетѣ и, когда они вышли оттуда, — вид у всѣх был такой, будто они вернулись с похорон. Очевидно муж сказал им, что я знаю обо всем, так как за чаем один из них нервно ткнул одну папиросу в пепельницу и, тотчас же закурив другую, воскликнул:

— И, вѣдь, подумайте только, что этот мерзавец Алешка — мой крестник!

— Жалко, что вы не утопили его тогда в купели, — пробурчал Д.

— Знал бы, то навѣрное бы утопил... А вот брат его — кристальная душа...

— Я полагаю, что П. тоже порядочный человек, — откликнулся муж, — и все это происходит без его вѣдома и участія.

Всѣ разошлись, а муж долго сидѣл в креслѣ, — курил папиросу за папиросой. Когда он ложился — я его спросила:

— Ты сказал им, что узнал все это от Киры?

— Не беспокойся, — отвѣтил он, — я никогда не подвожу тѣх, кто мнѣ довѣрился — ея имя не упоминалось...

Кира больше никогда не вернулась к сестрѣ. Пожив у нас, она списалась со своей родственницей, жившей в Одессѣ и уѣхала туда.

— Там я буду далеко от всего и мнѣ будет легче, — сказала она нам. — Тут Марина не оставит меня в покоѣ — будет упрашивать, чтобы я вернулась к ним...

Послѣ отъѣзда Киры я, конечно, больше не бывала у П. зимой 1928-29 г. нѣсколько раз видѣла Марину Николаевну в Маринском театрѣ. Выглядѣла она прекрасно. Когда начался процесс "Промпартии", на скамьѣ подсудимых оказалось нѣсколько человек бывавших в ея домѣ.

Раз, идя по Литейному, я столкнулась с женой одного из послѣдних потомков французских эмигрантов-роялистов Гешерон де ля Форс, не успѣвшего покинуть во время революціи предѣлы Россіи. Она сообщила мнѣ, что возвращается из тюрьмы, куда носила передачу мужу, и направляется к Маринѣ Николаевнѣ, которая, имѣя большія связи, обѣщала помочь в хлопотах об арестованном.

— Вѣра, вы часто бывали у нея? — спросила я.

— Я не очень, а он... был с ней послѣднее время в большой дружбѣ... Я даже ревновала... Но теперь вижу, что была очень неправа. Марина отнеслась ко мнѣ, послѣ несчастья, как

сестра... Она прїѣхала ко мнѣ, помогла мнѣ разобраться во всѣх бумагах и документах мужа, которых, к счастью ГПУ не нашло. Также она помогла очень выгодно продать золотыя скифскія украшенія в музей и еще кое-какїе старинные документы... Я на это существую и помогаю передачами мужу. Теперь она устраивает меня на службу. Она святая женщина!

Когда я выразила сомнѣніе в святости Марины, Вѣра замахала на меня руками.

— Нѣт. Нѣт. Она чудный человек! Ей просто многіе завидуют, что она так красива, умна, умѣет жить... Я же ей многим обязана... Нѣт... Нѣт... Увѣрю вас, что она сушій ангел...

Через нѣкоторое время я узнала, что Гешерон де ла Форс сослан на десять лѣт в Соловки. Прокатившаяся послѣ “Промпартіи” волна арестов унесла еще нѣсколько друзей П. Василій Дмитріевич Ордын-Нащокин уцѣлѣл. Он дожил в Царском Селѣ до проведенной в 1932 году паспортизаціи, потом был вынужден выѣхать, как “лишенец”, за сто километров от Петрограда. Он уѣхал в Лугу, гдѣ устроился учителем. Но в 1934 году сильно простудился и скончался от воспаленія легких.

В началѣ тридцатых годов я поѣхала навѣстить старую знакомую, жившую на Лисьем Носу. Она была очень милым человеком, но так как пора ея личнаго счастья давно миновала, — она болѣзненно интересовалась чужим.

— Напротив поселилась замѣчательно интересная пара, — сообщила она мнѣ. — Он высокій красавец, военный, — она средняго роста, очень стройная темная шатенка с удивительными глазами и нѣжной кожей. У него немалый чин — два ромба... Они сняли комнату только на недѣлю и всегда неразлучны. Я увѣрена, что это не муж и жена.

Выйдя от знакомой, я рѣшила сократить дорогу к станціи. Только я свернула в улочку, навстрѣчу мнѣ, из переулка, вышла тѣсно прижавшаяся друг к другу плечами пара. Мы столкнулись лицом к лицу. Марина Николаевна быстрым движеніем освободила свою руку из руки В. А. Городисскаго и бросилась ко мнѣ.

— Вот неожиданная и прїятная встрѣча! — воскликнула она. — А меня сюда вытащили Аркадій с Виктором Андреевичем. Аркадій встрѣтил прїятеля и по обыкновенію заболтался... Мнѣ надоѣло ждать — пусть теперь догоняет... мы условились, если потеряем друг друга то встрѣтимся на главной улицѣ в кафе... Так вѣдь? — она воспросительно взглянула на Городисскаго.

— Совершенно вѣрно, — подтвердил тот.

— Кира вышла замуж, — сообщила мнѣ Марина. — Ах, она писала об этом? Мнѣ она даже не соблаговолила сообщить... Но когда я узнала, то проѣздом из Кисловодска, я заѣхала к ним. Кира ужасная дура — сдѣлала мезальянс. Муж ея ничего собой не представляет. Правда не урод и не глуп, но я сомнѣваюсь, чтобы он принадлежал к хорошей семьѣ... Образованіе у него есть, а плохо воспитан или у него жуткій характер... Он принял меня — сестру жены — так сухо и даже не

предложил погостить у них. Я пробыла там только от поѣзда до поѣзда. Кирка влюблена в него, как кошка... Но я не думаю, чтобы их брак продлился долго...

На слѣдующую весну П. неожиданно разошлись. Было похоже на то, что муж обо всем узнал, так как в один прекрасный день он собрал свои вещи и, оставив квартиру Маринѣ Николаевнѣ, переѣхал в казенную комнату, при части.

Затѣм исчез с горизонта Алексѣй Михайлович С-кій. Жена его брата сказала, что он перешел работать во Внѣшторг и получил командировку за-границу.

Больше я его никогда не встрѣчала. Через год или два, я спросила его крестнаго отца, что с ним случилось? Тот отвѣтил, что сам ничего не знает и добавил, что старшій С-кій порвал навсегда со своим братом.

Измѣнилась послѣ развода и жизнь Марины Николаевны. Я узнала от ея тетки, что Марина обмѣняла свою квартиру на болѣе маленькую, поселилась на Выборгской сторонѣ и прекратила приѣмы. Постепенно круг ея знакомых растаял. Встрѣтив ее в трамваѣ, я обратила вниманіе, что она сильно сдала и одѣта совсѣм не так хорошо, как раньше.

Когда я рассказывала дома о встрѣчѣ с ней, Тухачевскій презрительно бросил:

— Сплоховавшаго на чем-нибудь агента они или ликвидируют или переводят на маленькія роли. Повидимому то же случилось и с ней... Такую гадину стоило бы пристрѣлить... Хотя теперъ на нее жалко тратить патроны...

В 1927 году Михаил Николаевич был вызван в Москву, гдѣ ему предложили “заняться Дальним Востоком”, что означало — сначала ознакомленіе с этнографіей и политической ситуацией Китая, Манчжуріи, Монголіи (и, может быть, даже изученіе языка), затѣм секретная командировка в Китай, а потом пост командующаго Дальневосточной арміей (то мѣсто, которое позже занял Блюхер).

Тухачевскій от этого отказался и счел себя оскорбленным предложеніем такого правительственнаго заданія, на первом этапѣ котораго он должен был стать военно-политическим агентом. Политическія авантюры совѣтов в других странах всегда были ему чужды. Особенно ясно он показал это позже, уже во время гражданской войны в Испаніи, категорически возражая против посылки туда частей Красной арміи.

Инициатива посылки Тухачевского на Дальній Восток исходила от Сталина. Об этом Михаил Николаевич узнал в Реввоенсовѣтѣ.

— Он меня хочет законопатить в Китай и на Дальній Восток из мести за мои выступленія на разборѣ причин неудач

польской кампаніи, — говорил, вернувшись из Москвы, Тухачевскій. — Если я туда попаду, то прости-прощай моя “непобѣдимая армія”.

Интрига тут несомнѣнно была. С. С. Каменев, Федько, Фабриціус считали, что это явная попытка отдалить Тухачевского от центра арміи и именно в тот момент, когда уже составлялись планы реорганизации ея управления.

Эйдеман, в разговорѣ с мужем сказал, что Михаил Николаевич очень вредит себѣ, выражая так открыто свою чрезмѣрную неприязнь к Германіи. Эйдеман предполагал, что нѣмецкая развѣдка уже донесла об этом своему правительству, так как ему говорили, что германскій посол в разговорѣ с Чичериным вскользь упрекнул совѣты в том, что в Красной арміи культивируются анти-германскія настроенія.

Несмотря на отказ Тухачевского, вопрос об этом назначеніи оставался довольно долго открытым. Михаил Николаевич ходил угрюмый, почти не спал ночами и заготовлял разные рапорты в Реввоенсовѣт, Наркому Обороны и в ЦК партіи, на случай, если будут требовать, чтобы он принял это назначеніе. Два таких рапорта я читала. Они были написаны в очень рѣзком тонѣ и, если бы он их послал, то враги его получили бы в руки козыри. Но совѣтовать ему в то время было бесполезно...

Иногда, ненадолго, настроеніе его мѣнялось, появлялась увѣренность, что назначеніе отмѣнят. Тогда он строил планы на будущее, но оживленіе его также внезапно исчезало и, сжав губы, он начинал шагать по комнатѣ. Наконец, благодаря энергичному вмѣшательству В. В. Кубыйшева, настоявшего, что Тухачевского гораздо цѣлесообразнѣе использовать для реорганизации и развитія арміи, а также как военного представителя на Западѣ, ибо он владѣет языками, — вопрос о его назначеніи на Восток отпал. Тогда Тухачевскій был вызван в Реввоенсовѣт в Москву — послѣ этого его пожелал видѣть Сталин. Он был очень любезен, выразил возмущеніе по поводу “нелѣпаго назначенія”, намекнул, что Михаилу Николаевичу предстоит поѣздка за границу и “выразил увѣренность”, что эту миссію Михаил Николаевич “выполнит блестяще”.

Дѣйствительно, Тухачевскій вскорѣ получил командировку во Францію.

В тот період, когда Тухачевскій гадал: “быть или не быть” назначенію на Восток, в один из самых “мрачных дней” — он получил письмо-прошеніе. Прочитав только начало его, он сунул письмо в карман френча и... обнаружил его только через нѣсколько дней, перед самым отъездом в Москву. Повертѣв его в рукѣ — начал читать, потом протянул письмо мнѣ.

Оно было написано женщиной — женой командира-артиллериста. Она писала, что больна туберкулезом и лежит в госпиталѣ. Положеніе мужа очень тяжелое — у него на руках маленькая дочка, о которой больше некому позаботиться. Комиссар и командир полка почему-то упорно не хотят дать ему выѣздного отпуска, хотя он три раза подавал им рапорты о том, что у жены была тяжелая легочная операція и он, слу-

жа в городкѣ “Медвѣдь” Новгородской губерніи, не может даже прїѣзжать в Ленинград навѣщать ее. Дальше шли жалобы на несправедливое отношеніе начальства к мужу и просьба о воздѣйствіи на командованіе части или о переводѣ мужа в другой полк. Под письмом стояла подпись — Вѣра Фигнер.

— Кто это? Знаменитая революціонерка? — спросила я с недоумѣніем.

— Нѣт. Это, очевидно, жена сына Медеи Фигнер, я так думаю, — отвѣтил Михаил Николаевич. — Я сейчас отдам распоряженіе, чтобы выяснили в чем там дѣло, а ты бы поѣхала, навѣстила ее в госпиталь. Передай от моего имени, что всѣ мѣры будут приняты и муж сможет ее навѣщать...

Я поѣхала. Фигнер лежала в небольшой отдѣльной палатѣ. Она спала, когда меня ввела туда сестра. Сильная блѣдность лица дѣлала ее похожей на мертвую. Я испуганно оглянулась на сестру, но та успокаивающе кивнула мнѣ и притронулась рукой к плечу спящей. Та сразу открыла глаза и приподнялась на локтѣ.

Она была некрасива. Из глубоких глазных впадин на меня смотрѣли круглые каріе глаза. Скулы выдавались от худобы еще сильнѣй и теперь на них выступили яркія лихорадочныя пятна. Несмотря на тяжелое состояніе, она видно слѣдила за собой — завитые волосы прикрывали слишком выпуклый лоб, на мѣстѣ очень рѣдких или выщипанных бровей были нарисованы правильные полукруги. Также тщательно были подкрашены губы, но углы рта, гдѣ не было краски, были вялые и синеватаго оттѣнка

Когда Вѣра Сергѣевна узнала по чьему порученію я пришла, из глаз ея обильно хлынули слезы. Мнѣ стоило большого труда ее успокоить. вмѣсто получаса, как я полагала, ѣдучи в госпиталь, мнѣ пришлось пробыть у нея около двух часов. Она не отпустила меня, пока не излила всю душу. Душа ея была опустошена жизнью и смята болѣзнью, — единственно что тогда ею владѣло, это безумная любовь к мужу и дочери и терзала такая же дикая ревность, вряд ли обоснованная, так как она проявлялась даже тогда, когда Фигнер рассказывала мнѣ о своем пасынкѣ Кириллѣ, — сынѣ мужа от перваго брака. Покоробили меня и ея жалобы на свекровь, которая по ея словам “испортила своим отѣздом за границу всю карьеру своего сына”. Но надо было учитывать то, что немного есть на свѣтѣ невѣсток, не видящих в свекрови врага своего счастья.

Вышла я из палаты с тяжелым чувством. Рѣшив поговорить с главным врачом о больной, пошла искать его.

— Ея состояніе не безнадежно, — сказал мнѣ завѣдующій санаторіей, — операція прошла удачно. Теперь все зависит от условій, в которых она будет находиться — ей нужно усиленное питаніе и полный покой, — нервы у больной в отвратительном состояніи.

Когда я разговаривала с врачом, в дверь кабинета постучали и туда вошел капитан-артиллерист с дѣвочкой лѣтъ шести, которую он держал за руку. Я сразу же догадалась, что

это муж Вѣры Сергѣевны и поняла ее ревность. Николай Николаевич Фигнер выглядѣлъ моложе своей жены. Выше средняго роста, подтянутый, с правильными чертами лица и очень живыми карими глазами, — он был красив южной, не русской, красотой. Еще больше сказалась итальянская кровь в его дочери Маринѣ. На ее матовом, правильном личикѣ сіяли огромные, темные, оттѣненные необыкновенно длинными рѣсницами, глаза. Такіе глаза в Россіи рѣдко можно было встрѣтить. Марина привлекла меня к себѣ не только своей исключительной красотой, но и своей живостью и довѣрчивостью. Врач сказал, что он против того, чтобы дѣвочка навѣщала туберкулезную мать — она может заразиться. Фигнеру негдѣ было оставить ребенка. Я предложила, что возьму ее к себѣ, а отец позже заѣдет за ней. Марина довѣрчиво дала мнѣ свою лапку. Когда я привезла ее к себѣ, она вошла в мою квартиру, как будто к родственникам или к старым знакомым. По тому, как дѣвочка разспрашивала о назначеніи многих домашних вещей, которыя ей до сей поры были неизвѣстны, я поняла, что Фигнеры живут в очень тяжелых матеріальных условіях. Когда Николай Николаевич пріѣхал за Мариной, я попросила, чтобы он оставил ее у меня на недѣлю. За это время я очень привязалась к ней и, вмѣсто недѣли, она прожила у меня около мѣсяца.

Вѣру Сергѣевну я навѣстила еще дважды. У меня была жалость к ней, но, каюсь, никакой симпатіи. Мнѣ была чужда ея практичность, сказывавшаяся в каждой мелочи и даже в мечтах о том, что Марина, когда вырастет, пойдет на сцену, будет зарабатывать много денег или найдет себѣ жениха с высоким положеніем.

Скоро Фигнер был переведен с повышеніем в другую часть — на должность помощника командира полка. Жена его выписалась из санаторіи и я почти год никого из них не встрѣчала. Однажды, вернувшись из города, я узнала от Ксеніи, что у меня гостя. Моя “честная вдова” сообщила мнѣ это с поджатыми губами, как бывало всегда, когда гости не приходились ей по сердцу. Посѣтительницей оказался Вѣра Сергѣевна. Она так располнѣла, что я ее вначалѣ не узнала. До моего прихода она разговаривала с Михаилом Николаевичем и я поняла по его лицу, что разговор был для него неприятный. Воспользовавшись моим приходом он очень сухо попрощался с Фигнер и ушел. А гостя вдруг расплакалась... Потом, вытирая глаза, она сообщила мнѣ, что рѣшила воспользоваться случаем и попросить о назначеніи мужа преподавателем в Артиллерійскую академію, так как преподаватели много зарабатывают и ведут осыдлый образ жизни, но Тухачевскій на это сказал ей, что он не дает назначеній по просьбам жен, а назначает людей по их способностям.

Зная Тухачевского, я поняла, как навредила она этой просьбой своему мужу. И, дѣйствительно, когда я на другой день заговорила о Фигнерах — у Тухачевского выпучились от злости глаза.

— Представь себѣ, что Фигнер как раз был в списках кандидатов на преподавателей, но теперь его уже нѣтъ в них, — заявил он.

— Но вѣдь ты назначаешь преподавателем мужа, а не жену, — навѣрно Фигнер также не знал об этом ея ходатайствѣ, как и о первом письмѣ.

Михаила Николаевича, когда он упрется на своем, переломить было невозможно. Фигнер попал на мѣсто преподавателя не в академію, а на Артиллерійскіе курсы усовершенствованія комсостава два или три года спустя. Судьбѣ было угодно, чтобы это мелкое событіе сыграло в послѣдствіи такую большую роль.

В началѣ 1929 года Тухачевскій получил длительную командировку по инспектированію частей Красной арміи и менѣе длительную за границу. Послѣ этого он был переведен в Москву.

Незадолго до его перевода Шура прибѣжала ко мнѣ сіяющая и заявила, что ея беззавѣтная любовь побѣдила Михаила Николаевича и “теперь только смерть может разлучить их”. Я не подала вида, что отношусь к этому скептически, но прошло немного времени и счастливое сіяніе на лицѣ Шуры смѣнило задумчивая тѣнь. Однажды к вечеру Тухачевскій позвонил мнѣ по телефону и попросил:

— Пожалуйста, пойди сейчас к Шурѣ.

Я хотѣла его спросить, в чем дѣло, но трубка была уже повѣшена. Когда я пріѣхала, то из двери ея комнаты просачивался сильный запах эфира. Шура лежала на кровати без сознания. Нюхала ли она эфир или пыталась отравиться им — ни я, ни врач не могли от нея узнать.

Послѣ перевода Тухачевского Шура проговорилась мнѣ, что продает свою комнату. Зная, что одна из моих знакомых остро нуждается в квартирѣ, я спросила сколько она хочет и сказала, что есть покупательница. Шура смутилась и отвѣтила, что она, пожалуй, промѣняет ее на комнату в другом городѣ. Через недѣлю, проходя неподалеку от квартиры Шуры, я рѣшила навѣстить ее. Не доходя до ея дома, я увидѣла ее выходящей из подъѣзда с чемоданом в рукѣ, два других нес за ней одѣтый в военную форму шофер. Из стоявшаго у дома автомобиля высунулся мужчина, который взял чемодан из рук Шуры. Узнав Поскребышева я остолбенѣла, а потом инстинктивно подалась назад и выбрала себѣ прикрытіем магазинную дверь.

Когда автомобиль отѣхал, я зашла в ея квартиру. Сосѣдка сообщила мнѣ, что Шура уѣхала на курорт в Сочи.

— Комнату она оставила за собой, — сказала сосѣдка, — но мнѣ кажется, что она не вернется, так как забрала с собой все, кромѣ мебели.

1929 год был переломным для арміи. Сталин, явившись на засѣданіе Реввоенсовѣта, поднял вопрос о том, что 65 процен-

тов командиров корпусов, дивизій, бригад и полков являются безпартийными и настаивал, что командирами отдѣльных частей должны быть только члены партіи или кандидаты в нее.

Коммунистическій вождь начинал вводить колхозы. Он предвидѣл сопротивленія крестьян, возможность возстаній и ему нужны были командиры, которые, по долгу партийной дисциплины, будут подавлять народные бунты и помогать проводить коллективизацію.

На этом засѣданіи впервые остро столкнулись интересы арміи и партіи. И армейскіе верхи не собирались уступать, терять свое значеніе. Члены Реввоенсовѣта считали, что безпартийные командиры, выходцы из офицерской среды, доказали в боях гражданской войны и десятилѣтней службой в Красной арміи свою преданность республикѣ. Генеральному секретарю партіи было заявлено, что Реввоенсовѣт, утверждая кандидатов на отвѣтственные командные посты, учитывает не только их военныя знанія и способности, но и боевыя заслуги.

— Вы мнѣ разрѣшите высказаться по этому вопросу, как старому партийцу, — поднялся с мѣста командарм Ян Фрицович Фабриціус. — Присутствующим навѣрно извѣстно, что я состою в партіи с 1903 года... И вот, — мнѣ совершенно непонятно, почему товарищ Сталин хочет отбросить Красную армію назад, к періоду военного коммунизма? Какое право мы имѣем незаслуженно обижать боевого, честнаго командира? У нас в Кавказской Краснознаменной арміи есть нѣсколько безпартийных командиров полков — их части, по боевой подготовкѣ, по дисциплинѣ, лучшія в арміи. За что же их снимать? Вѣдь, помимо всего, это будет потерей для арміи...

— У нас сейчас есть отличные кандидаты на должность командиров частей из набора парттысячников, окончившіе военныя Академіи и Курсы усовершенствованія команднаго состава, перебил его Сталин. — Мы их должны продвигать в первую очередь. Во-вторых, партія обязана слѣдить и за политико-моральным состояніем частей арміи, — вам извѣстна, товарищ Фабриціус, пословица: “каков поп — таков и приход”?

— Насчет приходов я, товарищ генсек, не свѣдуш, семинаріи не кончал... Я человек военный и смотрю с точки зрѣнія интересов арміи и Совѣтскаго Союза, — распалившись отвѣтил Фабриціус.

— И я смотрю с точки зрѣнія совѣтскаго государства, а также с точки зрѣнія партіи, членом которой вы, командарм Фабриціус, являетесь. Партіи противен тот “офицерскій дух”, которым теперь заражена армія. Как проводят теперь досуг вышіе и старшіе командиры? За игрой в преферанс, лото, а то в “девятку”... На вечеринках, устраиваемых на дому, с выпивкой, картами, танцами. В военных клубах еженедѣльно бывают танцевальныя вечера, а политкружки очень слабо работают и еще слабѣе посѣщаются... А ухаживанія за дамами, подношеніе им цвѣтов и цѣлованіе рук — это тоже совѣтскій дух?

Послѣднія его слова заставили многих командармов опу-

стить глаза. Большинство из них уже давно переженились на бывших институтках и гимназистках из старых хороших семей. Еще до женитьбы, чтобы угодить родителям невѣсты, они с чувством звучно цѣловали руку будущей тещѣ, и вообще старались подражать в манерах своим безпартійным, вышколенным товарищам. Они цѣнили созданный женами семейный уют и что тѣ учили их не только держать себя в обществѣ, но и правильно говорить. А нѣкоторых жены учили и писать... На языкѣ пролетарских командармов это называлось “домашней академіей”.

Проходил курс такой “академіи”, да еще с очень суровым режимом и Семен Михайлович Буденный. Возвратившись со службы он вытирал свои пушистые усы платком и почтительно прикладывался к породистой, но тяжелой, ручкѣ жены. А потом шел принимать ванну, чтобы от него “не пахло конюшной”...

Но Фабриціус был не из тѣх, кого Сталин мог смутить словами: он возразил, что все это преувеличено.

— Выходит так, товарищи, продолжал Ян Фрицович, теребя свои роскошные, рыжеватые усы. — Командиров будем снимать за то, что они ходят друг к другу в гости, выпивают по парѣ рюмок водки, играют по сотой в преферанс, или по копейкѣ за карту в лото, и цѣлуют руку хозяйкѣ дома... Да вѣдь я сам играю в преферанс, лото, правда, не люблю, бабья игра, пью водку...

— И цѣлуешь ручки? — спросил кто-то из засѣдавших.

— Цѣлую! — не смутился тот. — Во-первых, в этом нѣт ничего предосудительного, — женщинѣ цѣлуют руку, уважая в ней мать... Поэтому незамужним руки цѣловать не принято... Скажите, большой ли грѣх поцѣловать руку женщинѣ, даже дѣвущкѣ, если у той хорошенькая лапка?

Сталин оглядѣл заулыбавшихся командармов и строго сказал:

— Это несерьезный разговор, товарищ Фабриціус.

— Как же несерьезный, товарищ Сталин, когда из-за всего этого вы предлагаете снимать людей с боевым прошлым со строевых должностей? Вѣдь тогда вам надо будет снять меня, его, его и его... Мы вчера весь вечер рѣзались вчетвером в преферанс. Тогда скажите прямо, что вы хотите имѣть не командиров, а каких-то, чорт подери, схимников...

У Фабриціуса было четыре боевых ордена Краснаго Знамени и “почетное оружіе”. При этом горячій и неуступчивый нрав. Он не уживался ни с одним комиссаром... Два раза дошло до крупных скандалов. Один раз заспорив о чем-то с комиссаром, во время купанья в рѣкѣ, Фабриціус заявил, что “утопит его как паршиваго щенка” — комиссар, спасаясь вплавь, поплыл в паникѣ к противоположному берегу и сидѣл там на берегу голый, пока Фабриціус не выкупался и не ушел. Второй раз командарм выгнал комиссара из штаба. Поэтому он не получил военного округа, а был назначен помощником командующаго Кавказской Краснознаменной арміей.

Но и на этом посту Фабриціус доставлял много неприятностей партійным верхушкам. Он считал себя отцом своих командиров и бойцов и не давал их в обиду. Ян Фрицович был очень аккуратен в дѣлах и в выполнении обѣщаннаго. Он не любил пустых красивых слов и не выносил бюрократизма. Поскандалив с кѣм-нибудь из комиссаров или с начальником Особаго Отдѣла, Фабриціус не писал рапортов в центр, — он шел к начальнику авиационной части и говорил:

— “Вот что, друг, дай мне самолет слетать в Москву”.

И “летучій голландец” падал, как снѣг на голову, заправилам Кремля или Лубянки. Когда часовые спрашивали у него пропуск, Фабриціус показывал рукой на свои ордена:

— Ты что, голубчик, не видишь? Какой тебѣ еще нужен пропуск от командарма Фабриціуса? — И спокойно проходил мимо ошалѣвшаго часового.

И никогда не возвращался без результатов домой.

Учтя опасность спора с Фабриціусом, Сталин перешел на “соглашательскій тон”. Клубные танцевальные вечера, умѣренная выпивка и преферанс на дому, были амнистированы... Умышленно оставив вопрос о замѣнѣ безпартійных командиров частей партійными, генеральный секретарь партіи говорил о слабости партійной работы в арміи. О необходимости охвата ею не только команднаго состава, но и семей. Жены командиров должны посѣщать, в обязательном порядкѣ, политкружки и заниматься общественной работой.

Свой план о снятіи со строевых должностей безпартійных Сталин провел через Политбюро и ЦК партіи. Реввоенсовѣт был поставлен перед свершившимся фактом и ему оставалось только проводить в жизнь это негласное постановление. Наблюденіе за выполненіем было возложено на политотдѣлы Арміи и военных округов.

Безпартійных переводили на административныя должности в Главное управленіе Арміи, на штабныя должности и преподавателями в военныя Академіи, Курсы усовершенствованія комсостава и училища. Тогда же началось усиленное вовлеченіе их в партію. Служить в арміи — заниматься любимым дѣлом, было одно, а вступать из-за карьеры в партію — другое. Послѣ проявленнаго Кремлем недовѣрія, большинство почувствовали себя оскорбленными. Тогда подали заявленіе о приѣмѣ в партію только самые неспособные, в надеждѣ, что партбилет может им быстро продвинуться по службѣ.

В числѣ снятых в то время со строевых должностей были: Леонид Александрович Говоров, Александр Михайлович Василевскій, Федор Иванович Толбухин. Это не фавориты партіи, — их выдвинула вперед острая нехватка начсостава в 1938-39 г.г. и сдѣлала маршалами вторая міровая война, во время которой они проявили себя блестящими полководцами...

Очень скоро послѣ выхода этого негласнаго постановленія, в том же 1929 году погиб в авіаціонной катастрофѣ “летучій голландецъ” — Ян Фрицовичъ Фабриціусъ. Я уже не помню, как описывалась эта странная катастрофа в газетах, но тѣло Фабриціуса было найдено в узенькой мелководной рѣчущкѣ и, по мнѣнію прибывшаго на мѣсто катастрофы врача, — он захлебнулся в водѣ. Ходили темные слухи, что командарм был оглушен ударом по головѣ и сброшен с самолета в воду, а далѣе была инсценирована “катастрофа”... Это подтверждали показанія крестьян, видѣвших, что самолет летѣлъ вдоль рѣчки, очень низко... Видимо для пресѣченія этих слухов, в Кавказской арміи был оглашен “акт разслѣдованія катастрофы”, чего обычно не дѣлали.

Михаил Николаевичъ Тухачевскій, как и многіе другіе командующіе округами, энергично отстаивал своих безпартийныхъ командировъ частей. Результатомъ этого было то, что его самого перевели на должность начальника академіи им. Фрунзе.

По существу, пониженія не было. Военныя науки Тухачевскій любил и там он был в своей сферѣ. Но это был отрыв от арміи... Отдаленіе завѣтной мечты... И еще — на его мѣсто командующаго ленинградскимъ округомъ был назначенъ его недругъ — “кабинетный Наполеон”, Борис Михайловичъ Шапошниковъ.

— Я не буду сдавать ему округ, — объявилъ Михаил Николаевичъ, шагая по комнатѣ и перегрызая мундштукъ третьей папиросы... — Завтра я выѣзжаю в Москву, а он пусть принимаетъ дѣла от моего помощника... Да, кстати, — твоя протеже — мадамъ Фигнер, отлично учитываетъ обстановку. Она написала слезное письмо Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнер, чтобы тетушка похлопотала, ради Марины, за своего племянника и устроила бы его преподавателемъ. Там же она нажаловалась на меня, “что я затираю ея мужа”. Вѣра Николаевна написала мнѣ: спрашиваетъ в чемъ дѣло? Судя по письму, онъ знаетъ свою родственницу очень хорошо...

— Что же ты ей отвѣтилъ? — поинтересовалась я.

— Подтвердилъ ей, что ея родственница большая дура и написалъ, что я никогда не назначаю командировъ по просьбамъ ихъ

жен и родственников. Пускай теперь она обратится к Шапошникову...

Я опять откровенно высказала свое мнѣніе, что в отношении Фигнера, Михаил Николаевич не совсѣм прав. У Тухачевского было такое настроеніе, что ссорѣ не трудно было начаться... Ни один из нас не повысил голоса, но неприятных вещей было сказано друг-другу очень много... Чтобы прислуга (или стѣны) случайно не услышала бы и не поняла разговора, мы говорили по-французски.

— У вас в роду какая-то проклятая злая кровь, — дрожа, нервно говорил мнѣ Михаил Николаевич, — и ты еще хуже Лики...

Я замѣтила, что Лика отлично ужилась со вторым мужем и очень счастлива.

— Счастлива?.. — рванул он пояс. — Но только он ей не муж... Да... Да!.. Не муж! Пусть она не забывает, что мы были обвиняемы... Она может имѣть двадцать гражданских разводов, но в глазах церкви и перед лицом Бога, останется на всю жизнь моей женой. Спроси священника "вѣрующая" женщина...

— В глазах церкви — может быть... А Бог правду видит. И мнѣ кажется очень странным, когда коммунист начинает, вдруг, апеллировать к церкви и к Богу.

— Если ты меня хочешь выжить из дома, то могла бы сдѣлать это тактичнѣй... — поднялся он. — Могла бы и подождать пока я уѣду... Вот тебѣ рецепт, который ты просила...

Доставая из внутренняго кармана шинели рецепт, заложенный в орденскую книжку, — он выронил толстый конверт, из него вылетѣл маленькій башмачок, связанный из голубого гаруса... Носочек другого выглядывал из конверта...

Михаил Николаевич вспыхнул румянцем, быстро поднял Иринкин башмачок, зажал его в рукѣ... Посмотрѣл на меня ненавидящим взглядом... Скрипнул зубами... И, вдруг ударил с такой силой ногой, стоявшій на пути мой рабочій столик, что тот отлетѣл к печкѣ и, ударившись о нее, раскололся... Тухачевскій криво усмѣхнулся и быстро вышел.

Хлопнула входная дверь... В коридорѣ слышались топотливые шаги прислуги. Ксенія спрашивала из-за двери, что случилось. Я не могла ни двинуться, ни отвѣтить... По полу раскатились вылетѣвшія из столика катушки... И мнѣ казалось, что по всей комнатѣ разбросаны вязаные голубые башмачки...

Это была одна из самых крупных ссор. Михаил Николаевич уѣхал в Москву не попросившись со мной...

Через три недѣли тяжело заболѣл мой сын. Мужа дома не было, он только накануне уѣхал на Дальній Восток инспектировать какія-то части. Наш старый друг, профессор Бурденко, сказал мнѣ, что у сына не дифтерит, а злокачественный круп. Температура держалась все время выше сорока. С лѣкарствами

в то время было плохо... Бурденко гдѣ-то достал новое заграничное лѣкарство.

— Попробуем это, — сказал он, держа руку на лобикѣ сына, — а если не поможет, то придется завтра дѣлать трахеотомию....

На другой день (хорошо помню, что это была суббота) по полудни, Бурденко пріѣхал с инструментами для операциі... Я смотрѣла на горлышко ребенка и представляла, как его будут рѣзать... Умоляла Бурденко дать еще лѣкарства и впрыснуть камфару...

Профессор, суровый на вид, но страшный добряк, — пробурчал, что “женщины всегда ждут каких-то чудес”, но сдѣлал что я просила.

Потом, сидя с книгой в креслѣ у постельки сына, прислушивался к его тяжелому дыханію и выжидательно поглядывал на меня...

— Николай Нилович, подождите еще полчаса... по-моему ему уже лучше... — молила я.

Николай Нилович крутил носом, щупал пульс, — потом снова усаживался в кресло.

В это время зазвонил телефон.

— Навѣрно это мой ассистент, — сказал поднимаясь профессор, — я сказал, что позвоню ему и до сих пор не позвонил... Все-таки, я скажу ему, чтобы он пріѣхал... скажем, минут через сорок... И плотно закрыл двери.

Говорил он долго. Сын два раза открыл глаза... Во второй раз узнал меня... Я смѣрила еще раз температуру — термометр опять показал 40,8.

— Это был не мой ассистент, — ворчливым голосом сообщил, вернувшись, профессор — Звонил вашему мужу Тухачевскій... Я ему сказал, что ваш муж уѣхал, ребенок болен и что вам не до телефонных разговоров...

— Николай Нилович, для этого вам потребовалось три минуты, а потом вы звонили вашему ассистенту? Да?

— Несносная женщина! Я все время говорил с Тухачевским. И, знаете что... — Николай Нилович склонил голову на бок, — я впервые разговаривал с ним неофициально и он произвел на меня совсѣм другое впечатлѣніе... Оказывается, он сердечный человек...

Я не дала профессору докончить, лицо сына стало покрываться испариной.

— Эгэ... — пробормотал тот, считая пульс... — Кажется начинает дѣйствовать... Дайте-ка шприц... Нѣтъ, не сейчас, а если будет критическое паденіе температуры... Сколько теперь? Тридцать девять и девять десятых? Очень хорошо!..

Через час температура упала до тридцати восьми и шести десятых. Дыханіе стало ровнѣй и легче. Бурденко довольно потирал руки...

— Видите, Николай Нилович, мы, женщины, правы. вѣря в чудеса... — не удержалась я.

Бурденко сдѣлал страшное лицо.

— Вы, кажется, обѣщали мнѣ очень много, если ему станет лучше. Но сейчас я хочу, чтобы вы выполнили только одно обѣщаніе — дали бы мнѣ чаю. А вы думаете я сам не вѣрю в чудеса? Еще как! Поэтому я и ждал... Но все-таки наичудеснѣйшіе результаты дает хирургическое вмѣшательство...

Ксенія, приготовив нѣчто среднее между обѣдом и ужином, поставила на столик и вскипѣвшій самовар, а сама смѣнила нас у постели больного.

— У вашей “честной вдовы” удивительно чистый русский тип, — замѣтил профессор, — и, видимо, она вообще рѣдкій экземпляр в наше время... Сколько лѣтъ она служит у вас?

— Шестой год, — мы так привыкли к ней, что считаем ее своей. Она больше хозяйка в домѣ, чѣм я. Всѣ эти соленья, варенья — ея рук дѣло. И когда я беру прачку для стирки и женщину помогать во время генеральных уборок, Ксенія страшно ворчит.

— Наша прислуга, прослужив три года, бросила нас во время революціи, — сказал Бурденко. — Заявила, что теперь будет “управлять государством”. А была безграмотная и дурица непроходимая!.. А через пять лѣтъ, вдруг приходит, спрашивает не возьмем ли ее обратно... Что, говорю, Марфуша, науправлялась государством, устала от важных дѣл, что в прислуги снова захотѣла?.. Да еще к “кровопійцам”, как ты нас тогда назвала... Словом, погнал я ее... И, представьте себѣ, она нашла куда идти жаловаться на меня... Мнѣ сдѣлали замѣчаніе: “мы, конечно, знаем, что она дура, но только слова “каждая кухарка должна учиться управлять государством” сказал В. И. Ленин. С этими словами вы лучше будьте поосторожнѣй”.

Послѣ чая Николай Нилович позвонил домой и, узнав, что его домашніе собираются в театр, сказал, что тогда он задержится у нас, так как пациенту еще может понадобиться помощь. Повѣсив трубку, он сказал:

— Не волнуйтесь. Когда я говорю о пациентѣ, то больше имѣл в виду вас. Правда. На вас совсѣм нѣтъ лица... Так не годится, сын встанет, а вы сляжете...

Его воркотню прервал звонок.

— Подождите, — я открою. Если гости, то мнѣ будет удобнѣе спровадить их... — сказал профессор и крикнув Ксеніи: — Я уже открываю! — пошел в прихожую.

Услышав голос Михаила Николаевича, я просто не повѣрила ушам. Но это был он. Через минуту он вошел улыбаясь, в сопровожденіи Бурденко, в комнату и обняв меня, расцѣловал в обѣ щеки.

— Я страшно рад! Профессор сказал мнѣ, что ему лучше...

— Да. Да. Конечно лучше... — подтвердил профессор и, обратившись ко мнѣ, добавил: — Закрѣпить двери перед таким гостем, я не мог. Тѣм болѣе, что он прилетѣл на аэропланѣ...

Пока Ксенія подогрѣвала ужин, мы всѣ сидѣли в комнатѣ больного. Сын так вспотѣл, что не только рубашонка, но и простыни были влажными. Когда я достала чистую рубашку, Ми-

хаил Николаевич почти вырвал ее из моих рук! “Ее надо сначала согреть” — он полетел на кухню.

— Теперь можно снимать, — сказал он вернувшись и вытащил из-под френча рубашку. — Дай, я подержу его, пока ты переменяешь простыни... Я заверну его в это одеяло... Но у него есть еще жар... с беспокойством обернулся Михаил Николаевич к профессору.

— Конечно... — спокойно ответил тот. — Никакая бользнь не проходит за три часа.

— Ты меня подольше носи, я тогда тоже буду, как на аэроплане... — попросил Тухачевского сын.

— Пока он у вас на руках, я впрысну ему камфару, — ршил профессор.

Увидев шприц — сын заплакал.

— Будь мужчиной, — приказал ему Тухачевский. — Тебе вовсе не будет больно.

Тот замолчал, но когда игла входила в руку, он дернулся и слезы брызнули из глаз.

— Ай-ай. Нехорошо, — упрекнул его Михаил Николаевич, — я же сказал тебе, чтобы ты был мужчиной.

— Я не смог успеть вырасти в мужчину, но я к завтра успью... — смущенно бормотал сын, — и сразу же задремал у него на руках.

Положив его в постель, мы оставили его на поечение Ксении и вернулись в столовую. Николай Нилович настоял, чтобы я тоже прилегла, хотя бы в столовой, на оттоманке.

Как только моя голова коснулась подушки, я почувствовала смертельную усталость и, не сумев побороть сон, провалилась, как в бездну...

Внезапно проснувшись, я не могла сообразить где я. Занавешанный темным куском материи абажур, оставлял комнату в полумраке... На придвинутых к лампе креслах низко склонились головами друг к другу Бурденко и Тухачевский, на коленях у Михаила Николаевича лежал раскрытый блокнот:

— Запишите вот еще что, — говорил Бурденко, — для переброски полевого лазарета в военное время необходимо иметь для раненых достаточное количество настоящих, специально оборудованных санитарных автомобилей. Скажите, есть ли возможность бронировать санитарные автомобили?

— Должна быть в скором будущем... — отчеканил Тухачевский. — Вы правы — это защитит раненых, хотя бы от осколков... А что вы думаете, насчет больших санитарных аэропланов?..

Я улыбнулась, и снова задремала. Теперь я уже слышала сквозь сон:

— Для укомплектования такого госпиталя понадобится, примерно, следующая штат врачей...

Когда мне удалось стряхнуть с себя сон и подняться, я полюбопытствовала, который час?

— Еще рано, спите... — отмахнулся профессор и продол-

жал “разворачивать”, неизвестно какой по счету, военный госпиталь...

Но я поднялась, взглянула на часы, была половина третьего ночи, вѣрнѣе утра...

— Неужели так поздно? — удивились они в один голос. — Как незамѣтно пролетѣло время...

— Для меня оно прошло с большой пользой, — замѣтил Михаил Николаевич, — я узнал от вас, Николай Нилович, очень много важных и нужных мнѣ вещей. И, вы очень торопитесь домой?

— Да. теперь, собственно говоря, мнѣ торопиться даже невыгодно, — сознался профессор, — трамваи не ходят, — такси трудно поймать...

— Послѣ пяти я вас отвезу домой на машинѣ, — пообѣщавал Тухачевскій. А, пока, хозяйка устроит вам тут прилечь.

— Что вы! — замахал руками профессор, — я совсѣм не устал.

— Только подумайте, как можно ошибаться в человѣкѣ! — добавил профессор, когда Тухачевскій отправился раздобывать ему автомобиль. — Я первый раз встрѣчаю военного с таким широким кругозором... С такой эрудиціей... Скажите, душечка, это дѣйствительно вѣрно, что он в партіи? Тѣсно ему там будет.. — покачал он головой, — тѣсно.

Когда Бурденко уѣхал, солнце уже освѣщало крыши домов. Я взяла в руки лежавшій на столѣ блокнот. Он был испи-сан до послѣдней страницы... План санитарной службы будущей арміи был готов...

Тухачевскій вернулся, приблизительно, через час. Он возвратился пѣшком. Я видѣла в окно, как он шел к дому, переходил улицу. Прямой, надменный, неспѣша подносил руку к козырьку, отвѣчал на привѣтствія... Кто бы мог подумать, что нѣсколько часов назад, он так бережно держал на руках и баюкал ребенка...

Как только Михаил Николаевич вошел в дом, лицо измѣнилось до неузнаваемости.

— Знаешь, мнѣ захотѣлось пройтись, — улыбаясь сказал он, — утро такое чудесное... Я думал ты спишь... Нѣтъ, я тоже не хочу спать, выплюсь в поѣздѣ... А от ванны не откажусь...

Через сорок минут Михаил Николаевич, выбритый и совершенно свѣжій на вид, сидѣл за столом, приглаживая влажные волосы.

— Я заходил к нему, — кивнул он в сторону комнаты сына, — по-моему, он уже молодцом, хотя и сильно ослабѣл... Ксенія поит его сейчас теплым молоком. Он морщится и капризничает. Я напомнил об его обѣщаніи “успѣть вырасти к сегодняшнему дню в мужчину”. Знаешь, что он отвѣтил: — “Я успѣл, а меня поят молоком, как маленькаго”... Каков! А?!

Потом Михаил Николаевич поинтересовался, был ли у нас Шапошников.

— А не хвастался он тебѣ, что он теперь кандидат партіи? Да... Его утвердили кандидатом, еще до назначенія сюда... Представляешь себѣ! Ну, конечно, это только ради карьеры... И, как ты думаешь, кто рекомендовал его в партію? Александр Николаевич Поскребышев... Словом, “кабинетный Наполеон” вошел в партію через черный ход Кремля.

В числѣ других новостей, сообщенных мнѣ Тухачевским, была та, что ему звонила Шура Скоблина и он видѣлся с ней в Москвѣ.

— Шура совсѣм стала “москвичкой”, — рассказывал он, — даже говорит “булошная”... Шикарно одѣта, хотя ея новый стиль мнѣ не очень нравится, вообще в ней есть теперь что-то от кокетки высокаго пошиба...

— С твоей легкой руки, — чуть не сказала я вслух, но вовремя прикусила язык.

— Служит она в каком-то большом Трестѣ, связанном с Внѣшторгом, дѣлает и переводы, которые по ея словам, лучше зсего оплачиваются. Живет в центрѣ, на Спиридоновкѣ. Имѣет двѣ комнаты, одну большую, другую совсѣм крошечную, но есть кухня, ванная, телефон. Квартирка совсѣм отдѣльная. Получить такую в Москвѣ — просто чудо. Шурѣ удалось обмѣнять ее на свою Ленинградскую комнату, возможно, что еще приплатила вдобавок. Жизнью своей она довольна... Но Шура, по-моему, подурнѣла.

— А как у вас теперь отношенія? — поинтересовалась я.

— Отношенія? — Он пожал плечами и оттопырил губу. — Так, ничего, дружескія... Но если ты подразумеваешь близость, то, конечно, таковой нѣт и не будет. Видишь ли, — повернулся он ко мнѣ. — Шура, как ты знаешь, умом не блещет. Мнѣ нетрудно было установить, что “комнатный Наполеон” частенько пріѣзжал к ней из Харькова... Так вот, если он мог поднять мой объѣдок, то я его объѣдки поднимать не стану...

— Фу, как ты груб! — не выдержала я.

— Извините, мадам, институтским языком я разговаривать не умѣю, — воспитывался на конюшнях Его Императорскаго Величества... Ну, хорошо, — протянул он мнѣ руку, — не сердись... Я дѣйствительно позабыл, что говорю с женщиной. Виноват.

— Ну, а как дома? — спросила я, чтобы перевести разговор и вышло невпапад...

— Еще хуже. Михаил Николаевич встал и нервно заходил по комнатѣ. — Хуже, потому, что дома я чувствую себя как усталый путник чувствует себя в номерѣ с клопами... Да, именно так — номер отличный, удобная мягкая кровать, а отдохнуть, заснуть не дают клопы... Так и мнѣ не дают жить постоянные вздохи, жалобы на одиночество, всевозможныя проявленія ревности... Да, поводы есть, но она-то о них не знает... Ревнует именно к друзьям... И, скажи мнѣ, чего ей не хватает?

— Тебя, — отвѣтила, не задумавшись, я. — Вѣдь ты, Ми-

хаил, даже не принадлежишь себѣ и меньше всего ей — ты отдал себя цѣликом арміи. Для дома у тебя не хватает ни времени, ни душевных сил. Ты хочешь получать все, не давая ничего, кромѣ матеріальных благ, а их мало для женскаго счастья...

Михаил Николаевич остановился и с явным интересом смотрѣл на меня.

— Что же ты остановилась? Продолжай...

— Да, я уже все сказала...

— Видишь ли, друг мой, — сказал он садясь рядом. — Ты случайно сказала очень умную вещь, что я принадлежу не себѣ, а арміи. Да. Армію я не промѣняю и на сто умных и красивых жен. Вѣрнѣе, на сто красивѣйших жен, — умная жена, с моей точки зрѣнія — величайшая бѣда... Она — если поставит тебя на колѣни, то уморит... И я не из тѣх, кто раскаляется пополам. Может и хотѣл бы расколоться, да не могу... Потом — не выношу пут. Пусть онѣ будут раззолотыя и наинѣжнѣйшія. Все равно, разорву их... — закончил он раздувая ноздри.

— Зачѣм же ты, зная себя, опять женился?

— Зачѣм... Зачѣм... Захотѣлось жениться, — думал будет иначе... Если разодемся — больше не женюсь... Ну, хватит об этом... Расскажи лучше, как у тебя прошли экзамены, будущей “профессор?”

— Ты думаешь, что тебѣ удастся закончить университет? — снова спросил Михаил Николаевич, когда я рассказала о своих делах. — А что если Николай получит другое назначеніе?

Я отвѣтила, что придется пожить нѣкоторое время врозь. Буду приѣзжать к мужу на каникулы.

— А я рѣшил теперь усѣсться как слѣдует за мою книгу. В академіи больше возможности, разъѣздов теперь не будет и матеріалы, вѣрнѣе, нѣкоторые справки, которых нѣтъ в моем архивѣ, мнѣ там легко найти. Вчернѣ у меня много уже написано, но все же самая трудная работа, надо суммировать, все связать и сдѣлать выводы — впереди... Когда закончу, дам тебѣ просмотрѣть. У меня, как у профессиональнаго военнаго, может быть в нѣкоторых мѣстах “суконный язык”, тогда ты эти мѣста помѣтишь или исправишь, я пришлю черновик, но лучше дѣлай замѣчанія и поправки на отдѣльных листах и потом подколи их к страницѣ, которую надо исправить. Только все это, пожалуйста, между нами. Хорошо?

— Хорошо. Только я боюсь, что ты с моими поправками не согласишься и моя работа будет впустую.

— Со всѣми, навѣрное, нѣтъ... Но пользу ты мнѣ все-таки принесешь, — откровенно сказал он.

Никто из нас не заикнулся о бывшей ссорѣ. Я была очень признательна Михаилу Николаевичу за его приѣзд. Особенно меня трогало его отношеніе к моему сыну... Вообще он был в этот приѣзд на рѣдкость весел и мил.

— Видишь, что значит жить вдалькѣ друг от друга, — сказал он прощаясь. — Ты за весь день ни разу не ужалила

меня и я в первый раз вижу, что ты опечалена моим отъездом. Я даже польщен...

Из Москвы я получила от него открытку. А к моим именинам, приѣхавший из Москвы Внуков привез мнѣ от Михаила Николаевича очень большую посылку.

Когда сняли упаковку, увидѣли чудесный рабочій столик из палисандра, очень старинный. Крышка была покрыта инкрустациями художественной тонкой работы.

Внутри был конверт, в нем записка:

“Поздравляю с именинами. Столик нашел в комиссіонном магазинѣ. Надѣюсь, что тебѣ он понравится. Михаил”.

По возвращеніи из командировки, муж заѣхал в Москву. Там он получил благодарность “за отлично проведенную инспекцію” и... новое назначеніе. В видѣ особой привилегіи, ему предложили самому выбрать из нѣскольких вакансій. Муж выбрал преподавательскую работу и был назначен по своей специальности в Академію, гдѣ он мог совмѣщать и научную работу, которая его влекла.

Если бы эта перемѣна не была связана со снятіем всѣх беспартійных со строевых постов, то муж был бы ею доволен. А тогда, все-таки оставался тяжелый осадок... Но, в общем, это был, пожалуй, самый спокойный період в нашей жизни. Муж преподавал, а вечерами работал у себя в кабинетѣ, — писал свою первую книгу, — военный учебник. Я днем училась, а вечерами тоже писала книгу, но, увы, совѣм не такую умную... Сын, очень рано научившійся читать, глотал запоем дѣтскія книжки, сохранившіяся еще с моего дѣтства. Он часто задавал мнѣ вопросы, на которые я, порой отвѣчала невпопад, или, занятая писаніем, пропускала мимо ушей. Он шел спрашивать отца. Там повторялось тоже самое. Тогда он шел к Ксеніи и жаловался, что папа и мама не могут отвѣтить на самые простые вопросы... Вскорѣ к нам приѣхала навсегда его бабушка, образованная и очень умная и терпѣливая женщина — они сразу полюбили друг друга и он перешел на ея попеченіе.

У Тухачевского дѣла шли не так гладко. В академіи его не особенно любили. Он ворвался туда со своей мятежной натурой, как врывается смерч в застоявшуюся заводь.

— Почему слушатели приходят на занятія вразброд? — спросил он в первый день приѣзда у своего помощника. — Если они старше и высше командиры, то тѣм болѣе им должно быть понятна дисциплина. Здѣсь военное учебное заведеніе, а не привилегированный частный пансіон для дѣвиц.

Новый начальник академіи побывал на занятіях у всѣх преподавателей, по очереди. Присутствовал при проведеніи нѣскольких военных игр. Он не сдѣлал ни одного замѣчанія, но выходил из аудиторій нахмуренным. Тухачевскій отказался

от сопровожденія, когда осматривал академическіе дома. Персонал академіи наблюдал за новым начальством из окон и видѣл, как тот дѣлал какія-то помѣтки в блокнотѣ.

Настоящая паника началась тогда, когда Тухачевскій, войдя рано утром в столовую комсостава, сбросил со столов на пол всѣ несвѣжія скатерти. В кухнѣ он внимательно осмотрѣл крышки котлов и кастрюль, потом приказал главному повару показать свои руки.

— Неудивительно, что на кухнѣ грязь, если вы даже своих рук не содержите в чистотѣ, — сказал он холодным тоном и повернувшись, вышел из кухни.

Послѣ этого люди стали избѣгать попадаться к нему на глаза и начали наводить вездѣ порядок.

Прошло около двух недѣль, а новый начальник не созывал общаго собранія начальствующаго и преподавательскаго состава академіи, не обсуждал с ними замѣченные им недостатки. Он никого не разносил и не поощрял, а сидѣл, почти круглыя сутки, в своем кабинетѣ и писал.

Послѣ этого вышел его первый приказ по академіи, похожій на манифест.

Согласно этому приказу нѣкоторые преподаватели, давно находившіеся на “заштатных должностях” — получили профессорскія кафедры. Тѣ, которых Тухачевскій счел слабыми преподавателями, были переведены на штабныя и административныя должности. В приказѣ указывалось, что в академіи вводится строевая дисциплина и новая программа для всѣх курсов.

Ни одного выговора в приказѣ не было, но благодарностей было три.

1. Зубному врачу — за отличное отношеніе к своей работѣ и безукоризненную чистоту зубоврачебнаго кабинета.

2. Каптенармусу — за порядок и чистоту в каптеркѣ.

3. Сверхсрочнику, младшему командиру — за отличное содержаніе конюшни.

Приказ произвел впечатлѣніе разорвавшейся бомбы.

Довольны были только немногіе. Большинство считало себя или глубоко обиженными или обойденными новым начальником.

Когда преподавателям и слушателям были розданы копіи новой программы и конспекты — тѣ только тяжело вздохнули — требованія Тухачевскаго к преподавательскому составу и слушателям были гораздо большія, чѣм при старом начальствѣ. Единственно, что, пожалуй, мирило их с Тухачевским, то что часы, отведенные для политических занятій, были очень урѣзаны. Но зато надулись преподаватели политических наук, так как их лекціонный заработок уменьшался. Комиссар академіи помчался жаловаться в Политуправленіе Арміи, но оказалось, что Тухачевскій успѣл согласовать программу с Реввоенсовѣтом и Политуправленіем, которое вынуждено было “в цѣлях лучшей боевой подготовки слушателей” — уступить.

Тухачевскій продолжал заниматься нововведеніями и періодически, неожиданно, появлялся в той или иной аудиторіи. Он никогда не дѣлал замѣчаній преподавателям, но порой раздавался его спокойный властный голос.

— Слушатель Сергѣев, вы находитесь на занятіях, стойте прилично, не раскачивайтесь.

Одно такое замѣчаніе сразу подтягивало весь курс.

Но кто относился к Тухачевскому очень благосклонно — это жены начальствующаго и преподавательскаго состава академіи. Онѣ яро отстаивали его во время нападков мужей и считали М. Н. самым обаятельным человѣком на свѣтѣ.

Дамы, сдѣлав Тухачевскаго своим кумиром, не удовлетворялись этим. Каждой хотѣлось, чтобы этот кумир принадлежал только ей. Красавицы, у которых молодость уже прошла, но “грачи еще не улетѣли”, соперничали между собой.

К предстоящему традиціонному академическому балу — дамы готовились, как к генеральному сраженію. Опустошались кошельки мужей, в домѣ устанавливался “режим экономіи”, а у знаменитой портнихи, шившей “по заграничным журналам”, создавалась такая очередь, что та прекратила запись.

— Да ты, Варвара Андреевна, совѣм рехнулась, — выговаривал один из преподавателей своей женѣ, бывшейся в истерикѣ, потому что она опоздала записаться к портнихѣ. — Из-за тряпок устраивать такую трагедію... И, вообще, я замѣчаю, что ты стала вести себя, не по возрасту, легкомысленно... Да, да, матушка, совершенно легкомысленно! Я не слѣпой и замѣчаю, как ты строишь глазки этому щелкоперу Тухачевскому, который ходит павлином.

— Боже мой! — взвела вверх Варвара Андреевна свои заплаканные глаза. Какая дикость! Я поняла бы, если бы это сказал, напримѣр, такой мужик, как Городовиков, но ты, бывший полковник лучшаго полка... И, пожалуйста, не трогай Тухачевскаго! Он тут совершенно ни причем... Если он поухаживает за мной за обѣдом, то в рамках, принятых в обществѣ. Это то, что французы называют «Faire la cour».

— А по-русски — ловить дур. Знаю. Знаю... Сам когда-то ловил...

Были ли у него настоящіе, глубокіе романы? Пожалуй нѣтъ. Я говорю, “пожалуй” потому, что иногда его было очень трудно понять... И, потому, что я знала — самое для него дорогое он скрывал всегда в глубинѣ души, а на словах даже порой высмѣивал...

Знаю одно: увлеченія кончались у него очень быстро. У меня впечатлѣніе, что он чего-то искал в женщинах и не находил.

— Знаешь, а вѣдь в ней что-то есть, — говорил он мнѣ, указывая на не очень красивую женщину. Обычно он начинал

тогда ухаживать, но в большинствѣ случаев флирт кончался быстро и он говорил: — Она оказалась обыкновенной курицей.

Одним из его самых длительных и, мнѣ думается, платонических увлеченій, была Марія Николаевна Х. Блондинка, с темными бровями и удлинненным разрезом сѣро-голубых широко разставленных глаз. У нея был греческій, но немного тяжелый профиль, гладкая прическа и “лебединая шея”... Настоящей красавицей ее нельзя было назвать, но в ней дѣйствительно “что-то было”. Держала она себя очень скромно, была замужем и муж ее обожал. Я ее хорошо не знала, хотя нам и приходилось встрѣчаться в обществѣ.

Тухачевскій не переносил женщин вульгарных и одѣвавшихся без вкуса.

— Когда я встрѣтил ее второй раз, на ней было такое платье, что я чуть не закричал от ужаса и весь мой интерес к ней испарился в ту же минуту, — дѣлился он со мной.

Или:

— Пока она стояла, — казалась привлекательной, но когда пошла, то так вульгарно раскачивала бедрами, что я поспѣшил отвернуться, не смотря ей вслѣд.

Чѣм ярче разгоралась звѣзда Тухачевского, тѣм больше женщин кружилось вокруг него. Тогда у Михаила Николаевича стала проявляться избалованность и, даже, рисовка...

Это я замѣтила, когда он стал замѣстителем Наркома Обороны.

Как-то, будучи у нас, и рассказывая о себѣ, он принял картинную позу и легким постукиваніем пальца о мундштук, небрежно сбивал пепел с папиросы.

Не вынося никакой искусственности, я долго страдала в душѣ, а потом не выдержала, спросила:

— Михаил, а ты не замѣчаешь, что становишься позером?

Он вскочил, как ужаленный. Конечно, мы чуть не разсорились... Но больше, при мнѣ, он не позировал.

Нѣкоторым женщинам, как, напримѣр, Надеждѣ Алексѣевнѣ Пѣшковой, женѣ сына Горькаго, удалось плѣнить Михаила Николаевича, но не надолго.

Разставаясь с ними Тухачевскій говорил:

— Что подѣлаешь... Так уж заведено на нашей планетѣ: мы любим для того, чтобы разлюбить и встрѣчаемся, чтобы разстаться...

Но тѣ, которыя его любили, не хотѣли мириться с этим. Каждая переживала разрыв по-своему, но с большой болью...

Татьяна Сергѣевна Чернолузская — глушила любовь вином и кокаином, опустила чуть ли не до дна... Александру Георгиевну Скоблину разрыв с Тухачевским толкнул в объятія Шапошникова и, еще хуже — Поскребышева. Надежду Алексѣевну Пѣшкову — в объятія Ягоды...

Тухачевскій называл сам себя однолюбом. В жизни он признавал двѣ вещи — силу и гармонию... И его “Синей Пти-

цей” была только армія. И, именно, та идеальная армія, которую он видѣл в мечтах.

Борис Михайлович Шапошников, приняв округ, начал, в первую очередь, смѣщать тѣх, кого назначил Тухачевскій, и замѣнять их “своими людьми”.

Послѣ перваго официальнаго визита, он долго не заходил к нам, а потом вдруг зачастил. У нас он никогда не отзывался плохо о Михаилѣ Николаевичѣ, но часто получалось так, что он говорил о нем просто убійственно. У Шапошникова была вообще манера “многозначительнаго недосказа”. Бывало и так: он поведет разговор, но только до какой-то нужной ему точки, потом свернет в сторону.

Часто, глядя на его раздѣленные пробором, прилизанные волосы, на покатый, сдавленный в висках лоб, я думала, какія скрытыя цѣли таятся в его мозгу? Какія-то цѣли были. Уж слишком он обхаживал меня... Билеты в театры. Книги. Цвѣты... Муж, шутя, поздравил меня с поклонником. Но это было не так. Я увѣренно могу сказать, что Шапошникову я не нравилась, как женщина. На это у нас есть безошибочный инстинкт... Не вѣрилось мнѣ и в то, что он мог находить в моем обществѣ какое-то особенное удовольствіе. Не говоря уже о возрастѣ (Шапошников был в то время старше меня больше чѣм вдвое), но наши натуры, интересы, міровоззрѣніе — были слишком разныя... Даже смѣшно было думать о возможности возникновенія между нами дружбы... Быть связующим звеном между ним и Шурой, я тоже тогда не могла...

Чѣм любезнѣе был со мной Борис Михайлович, тѣм больше, что-то внутреннее, отталкивало меня от него. Я всегда была насторожѣ. А когда он уходил от нас, чувствовала большое облегченіе. Не могла я уважать этого “партіица с чернаго хода” за его расчетливый карьеризм и его отношеніе к Тухачевскому.

Каюсь, также не по себѣ я чувствовала себя во время визитов к нам Фигнеров. Правда, тѣ бывали у нас не так часто потому, что жили в Царском Селѣ.

Шапошников устроил Николая Николаевича помощником начальника кафедры тактики в АККУКС (бывшая артиллерійская офицерская школа), гдѣ кромѣ жалованія Фигнер получал приличную сумму за лекціи.

Вѣра Сергѣевна поправилась и активно занималась “общественной работой” — руководила театральным кружком курсов. Меня очень коробили ея нескончаемыя жалобы на свекровь, которая уѣхала за границу — “не оставив послѣ себя и нитки”. Однако, когда я раз, по настойчивой просьбѣ Фигнеров, заѣхала к ним, то увидѣла прекрасное пианино.

— Купили? — поинтересовалась я.

— Нѣтъ, это оставила моя мать Мариночкѣ, — отвѣтил Николай Николаевич.

Марина к пятнадцати годам стала настоящей красавицей. Вѣра Сергѣевна говорила, что дочь должна найти себѣ только очень обеспеченнаго мужа и с хорошим положеніем. Когда Маринѣ минуло семнадцать — она вдруг начала полнѣть и даже просто расплываться. В сорок первом году, как раз перед войной, я видѣла Марину в фильмѣ — Музыкальная Исторія. Снималась ли она еще потом — не знаю, но знатнаго и состоятельнаго мужа она себѣ нашла — полярнаго героя Папанина...

В этом же году я встрѣтилась, послѣ очень долгаго промежутка, на вокзалѣ с Фигнерами. Вѣра Сергѣевна эвакуировалась в тыл... Николай Николаевич уѣзжал на фронт...

С Шурой Скоблиной я увидѣлась через два года в Москвѣ в Большом театрѣ на бенефисѣ Е. В. Гельцер, танцевавшей в новом балетѣ Глиера — “Красный Мак”.

Попала я в театр неожиданно. Мои родственники сообщили по телефону, что у них есть ложа и пригласили меня. Я немного опоздала, — увертюра была уже сыграна и занавѣс плавно поднимался.

В перерывѣ между двумя картинами, а замѣтила Шуру, сидѣвшую в партерѣ, как раз перед нашей ложей. С нею были двое мужчин, средних лѣтъ. Шура почти не говорила со своими знакомыми. Она все время поворачивала голову, смотрѣла в бинокль на ложу бенуара, напротив нас. Я взглянула туда. В ложѣ сидѣл Алексѣй Николаевич Толстой со своей молодой женой Людмилой Ильинишной, Надежда Алексѣевна Пѣшкова и позади послѣдней Михаил Николаевич. Наклонившись к уху Тимоши, он ей что-то говорил и та улыбалась смущенно и радостно...

— Посмотрите. У Михаила, кажется, начинается новый роман, — сказала я родственницѣ.

— Начинается?! Да об этом уже полгода говорит вся Москва... — отвѣтила та.

Как только погас свѣтъ, Шура порывисто встала и начала пробираться между креслами к выходу. Своим знакомым она сдѣлала знак рукой, чтобы тѣ сидѣли...

— Шура может устроить дикій скандал, — сказала я родственникам. — Попробую ее удержать...

Я перехватила Шуру в коридорѣ. У нея было искаженное страшное лицо. Она даже не удивилась нашей встрѣчѣ. Схватила меня за руки и простонала:

— Он не смѣет... Не смѣет... Я не знаю, что я сдѣлаю...

В нашей аван-ложѣ Шура разрыдалась. Она была совершенно невмѣняема и оставалось только одно — увезти ее домой. И надо было успѣть это сдѣлать до антракта.

В такси она немного успокоилась, сидѣла молча, прижавшись ко мнѣ и только временами ея тѣло сотрясала сильная дрожь...

По первому и по второму дому Реввоенсовѣта, а также по верхам арміи пошли слухи о предстоящих больших перемѣнах... У одних они порождали надежды, у других — вызывали смутныя опасенія.

В эту пору Шапошников сказал мнѣ и мужу, что Тухачевскій, своей невыдержанностью, испортил свою дальнѣйшую карьеру... Толком не пояснил, — сказал что слышал что-то в Москвѣ...

Через недѣлю, Михаил Николаевич не вошел, а ворвался к нам. Он чуть не поломал мнѣ всѣ кости... Даже муж крикнул в его объятях. Расцѣловал он и Ксенію, которая потом поклонилась ему чуть ли не в пояс и степенно сказала: “Спасибо вам за ласку”.

Потом, он посадил сына верхом к себѣ на шею и, нося его по комнатѣ, объявил, что он теперь первый замѣститель Наркома Оборонны.

— Уже об этом есть постановленіе ЦК и Совнаркома. Объявят на-днях. А знаете кто займет мое мѣсто в академіи? “Комнатный Наполеон”... Я усиленно рекомендовал его туда... Наркомом назначен Ворошилов.

— Все пойдет по-новому, — продолжал он уже за столом. Мы с Ворошиловым, Егоровым, Блюхером, Орджоникидзе и другими, вошедшими в Совѣт Оборонны, три недѣли сидѣли, днями и ночами, за планами. Ворошилов, надо сказать, очень дубоват, но у него есть то положительное качество, что он не лѣзет в мудрецы и со всѣм охотно соглашается. И, фактически, вся армія будет на мнѣ... — Он торжествующе обвел нас глазами. — По такому случаю не грѣх выпить и шампанскаго. Правда! Оно в том ящикѣ, который шофер втащил на кухню. Ксенія! Честная вдова! Вытаскивайте из ящика бутылки и давайте их сюда...

— Выпьем за нашу новую армію, — начал свой тост Тухачевскій. — За армію, которая скоро станет самой могучей, монолитной, дисциплинированной и самой совершенной в мірѣ. Она поднимает знамена, которыя (клянусь вам в этом) никогда не склоняются перед врагами. Мощным ударом своего бронированнаго кулака — она отбросит далеко всѣх тѣх, кто попытается посягнуть на Русскую землю.

Итак, друзья, за зорю будущаго нашей арміи! И за тот яркій, солнечный свѣтъ Славы, который осѣнит ее — на страх врагам! Я уже вижу его! Ура!!

Тухачевскій, как и Наполеон, не замѣтил тѣни подстерегающей его смерти.

Неподалеку от Ленинграда в селѣ Колтуши был построен настоящій городок из біологических лабораторій, гдѣ производились опыты условных рефлексов. В этом городкѣ, получившем названіе “Столицы условных рефлексов” весьма тщательно изучалась высшая нервная дѣятельность животных и человѣка. Завѣдовал этим виднѣйшій русскій ученый Иван Петрович Павлов.

И. П. Павлов “консервативен” до мозга костей. Он признает только “науку для науки”. Никакой политики для него не существует... и, никаких партійных установок.

— Все это вздор... — ворчал старый ученый. — Если я заставлю моих животных бѣгать по генеральной линіи партіи, то я не добьюсь от них никаких рефлексов.

Эта, переходившая из уст в уста фраза, дошла “куда слѣдует”, как и другія подобныя изрѣченія знаменитаго ученаго, но Павлова не тронули.

Казалось, что такое наука об условных рефлексах для Совѣтскаго Союза и какое мѣсто она может занять в пятилѣтних планах “индустриализаціи СССР и механизациі сельскаго хозяйства”. Но еще в 1921 году был издан специальный правительственный декрет “о созданіи благоприятных условий для научных работ И. П. Павлова”. На содержаніе Біологическаго городка правительство отпускало крупныя суммы. Павлову доставлялись для опытов, зачастую дорого стоящіе экземпляры животных. Ему выписывали из заграницы необходимую для лабораторій аппаратуру, за которую платилось золотом и иностранной валютой. Ученому безнаказанно сходили всѣ его нападки на власть.

Углубленный в свою работу ученый не задумывался над причиной такой милости. Другіе же напрасно ломали над ней головы... А причина была та, что опытами И. П. Павлова чрез-

вычайно интересовалось такое “гуманитарное” учреждение, как Г.П.У... для достиженія своих будущих, далеко не гуманных цѣлей.

Старому ученому и в голову не приходило, что отвѣтственнѣйшіе работники Г.П.У. переодѣтые в штатское платье, присутствуют на его лекціях и во время производимых им опытов. Что среди его ассистентов есть люди состоящіе на службѣ в ГПУ, которые систематически докладывают туда о всяком малѣйшем открытіи. Надо сказать, что главы из ГПУ, также инкогнито, посѣщали и лекціи профессора Военно-медицинской академіи, психіатра Виктора Петровича Осипова о патефизиологическом направленіи в психологіи и аудиторіи профессоров психіатров Оршанскаго, Смирнова (Москва). Интересовались они и опытами ленинградскаго свѣтила, хирурга С. П. Федорова и др. Словом у чекистов обнаруживалась тяга к наукам.

Всѣ доносы, поступающіе от сексотов на видных ученых, работавших в этой области, с сообщениями об их отрицательном отношеніи к совѣтской системѣ, клались в особый сейф (гдѣ хранились папки с копіями их научных трудов) и не подшивались к дѣлу.

Когда извѣстный гипнотизер приват-доцент В. М. Арнольди был запутан в дѣло “промпартіи” — он не был арестован, а только вызывался в ГПУ, как свидѣтель, в то время как другіе, менѣе причастные, попали в Соловки.

В 1927 году И. П. Павлов закончил большой труд “О работѣ больших полушарій головного мозга”. Павлов показал в ней, от каких факторов зависит высшая нервная дѣятельность, психологическое состояніе человѣка и чѣм могут быть вызваны процессы, происходящіе в высшем отдѣлѣ центральной нервной системы — корѣ головного мозга. Свой труд ученый подтверждал своими опытами условных рефлексов. В этом трудѣ Павлов раскрыл ряд самых сложных явленій происходящих в головном мозгѣ. Он разъяснял процесс сна, гипноза. Охарактеризовал типы нервной системы, воздѣйствіе на нее. И, главное, открыл в мозговых рефлексах, **вторую сигнальную систему.**

Послѣ появленія этих трудов у Дзержинскаго появилась идея о созданіи в нѣдрах ГПУ “особых научных отдѣлов”, — О.Н.О., которые были вскорѣ учреждены при главных управлениях ГПУ — НКВД.

На работу туда приглашались опытные и талантливые врачи. Их вызывали повѣстками в управления ГПУ, а там им предлагали стать штатными врачами ГПУ или работать там по совмѣстительству. Затѣм им давали подписать бумагу “о неразглашеніи государственных тайн” и направляли в новообразованные секретные “особые научные отдѣлы”.

Многіе медицинскіе работники, угадав жуткіе замыслы, отказывались. Нѣкоторые, зная, что их ждет за отказ, покончили с собой. Среди отказавшихся были профессора Злотогоров, Каршун, Гессе, Кричевскій и др. Нѣкоторые вскорѣ бы-

ли под разными предлогами арестованы, осуждены и принуждены были вести ту же работу в специальных тюрьмах-изоляторах.

И в "научных отдѣлах" ГПУ широко развернулась упорная работа врачей. Она сводилась к слѣдующей проблемѣ: чтобы ГПУ могло имѣть стандартные методы, позволяющіе ему получать полное признаніе от самага "матерого шпіона".

Объектами для этих экспериментальных работ являлись не обычные для науки кролики, морскія свинки и др. животные, но болѣе дешевые подопытные экземпляры — политическіе подслѣдственные совѣтских тюрем...

Для этих преступных опытов отбирались люди обоого пола, наиболѣе сильные физически и духовно. "Экспериментальный материал" размѣщался в особых тюремных корпусах, под особой охраной, по отдѣльным камерам, гдѣ и подвергался различным опытам. В Ленинградѣ такой "особый корпус" был при Нижегородской тюрьмѣ, в Москвѣ — в Бутырках (позже переведен в Лефортово). Современем, когда размах работ стал еще шире, при психіатрических лѣчебницах были выдѣлены "особыя палаты".

На "подопытных" перепровѣрялись тѣ опыты, которые производил над животными в своей "столицѣ условных рефлексов" Павлов. К этому добавлялись еще медицинскіе препараты (вводимые в организм путем инъекцій или с пищей) ослабляющіе организм и волю человѣка. Примѣняли психологическія воздѣйствія и силу гипноза.

Первое время опыты с гипнозом проводились особенно интенсивно и разносторонне. Рѣшались проблемы, как одиночнаго гипноза, так и массоваго. Использовали и радиоактивность человѣческаго организма, усиливая ее введеніем соотвѣствующих препаратов.

Но если опыты заочнаго гипноза, а в нѣкоторых случаях и обычнаго, не давали желаемых результатов, то "комплексированные" экспериментальные опыты начали скоро давать страшные плоды. Ослабленный специальными медицинскими снадобьями и специальным психологическим режимом, подопытный воспринимал самыя противоестественныя внушенія, описать которыя не поднимается рука. И сила внушенія порой так входила в головной мозг, что сам профессор иногда не мог освободить от нея подопытнаго и человѣк оставался ненормальным.

Жертвы экспериментов отправлялись в психіатрическія больницы, в специальныя зашифрованныя отдѣленія и находились под специальным наблюденіем. Многіе остались пожизненными обитателями этих лѣчебниц, а слѣдовательно пожизненными, оторванными от семей, арестантами, ибо на их "исторіи болѣзней" была краткая помѣтка: — "подслѣдственный". А кто выздоравливал, тот снова попадал в специальную тюрьму. Потом под разстрѣл, чтобы тайна экспериментов не была бы разглашена.

Генрих Ягода унаслѣдовавшій послѣ смерти Менжинскаго

пост председателя НКВД, создал в серединѣ тридцатых годов секретный отдѣл “Особаго слѣдствія” не имѣющій ничего общаго с обычными слѣдственными отдѣлами и извѣстный только специальным, прикрѣпленным к нему сотрудникам ГПУ-НКВД. Этот отдѣл “вел слѣдствія на научной базѣ”.

Первой отвѣтственной пробой научных методов СООС (Секретный отдѣл особаго слѣдствія) был процесс убійцы Кирова-Николаева.

Весной 1934 года отвѣтственный работник Управления НКВД Ленинградской Области Запорожец, получил срочный вызов в Москву. В Москвѣ, на Лубянкѣ, ему вручили запечатанный конверт из плотной кремоваго цвѣта бумаги, адресованный ему. Вскрыв конверт, Запорожец нашел в нем пропуск в Кремль, на свое имя, подписанный комендантом Кремля комбригом Толкуном. В конвертѣ была еще полоска тонкой бумаги с номером Кремлевскаго телефона, по которому Запорожцу надо было сразу же позвонить.

Сколько времени разговаривал Запорожец с секретарем вождя Поскребышевым и о чем — установить невозможно. Но вечером в тот же день он выѣхал в Ленинград. Судя по тому, что вернувшись в управление, он потребовал чтобы ему принесли дѣла с биографіями наиболѣе интеллигентных и активных партійцев из Смольнаго и Ленсовѣта и просидѣл, изучая их, два дня, можно предположить, что именно в этот пріѣзд в Москву Запорожец получил от Поскребышева секретное и отвѣтственное задание — организовать убійство перваго секретаря Ленинградскаго областного комитета партіи, члена Политбюро и недавно избраннаго секретарем ЦК ВКП(б) — Сергѣя Мироновича Кирова Кострикова.

С М. Киров был озбран на пост секретаря ЦК ВКП(б), дѣйствительно единогласно. Послѣ выборов ему была устроена настоящая овація. Спокойный, веселый и доступный Киров пользовался популярностью не только в партіи, но и у рабочих, которые часто видѣли и разговаривали с ним, когда он по своему обыкновенію, раз в двѣ недѣли, объѣзжал наиболѣе крупные заводы и предпріятія.

Послѣ избранія, Киров стал в партіи вторым послѣ Сталина и первым кандидатом на пост Генеральнаго Секретаря. Это был самый опасный потенциальный соперник для совѣтскаго вождя. Пока Киров был рядом с ним на посту, Сталин спокойным быть не мог. Киров был прямолинеен и не стѣснялся говорить правду в глаза, мало считаясь нравится ли это Сталину. Он больше прислушивался к голосу народа. Он не поддержал Троцкаго потому, что “перманентная революція” была непонятная ему теорія.

Киров на любые вопросы отвѣчал... Ораторскими способностями он не блистал, но умѣл вникнуть в интересующія рабочих мелочи и говорил простым и понятным русским языком. Случись что — за Кировым стало бы большинство из партіи и рабочіе. За Сталиным рѣдкій строй его прихлебателей, а позади пустота... Кирова нужно было убраться...

Просматривая біографіи партійцев, Запорожец обратил внимание на матеріалы в папкѣ относящіяся к четѣ Николаевых. По свѣдѣніям НКВД Николаевы принадлежали к интеллигентной прослойкѣ партіи. Оба отличались красивой внѣшностью и сильной привязанностью друг к другу. В этих же матеріалах Запорожец обнаружил двѣ интересныя для него вещи. Сообщение одного из партійцев, что в Николаевѣ еще слишком сильно сказываются такіе пережитки буржуазной идеологии, как чувство собственника по отношенію к женѣ и ревность. Партіец писал, что послѣ сцены ревности, которую Николаев устроил женѣ, без серьезных на то оснований, — ему пришлось говорить, как старшему товарищу, по этому поводу с Николаевым и тот признался, что страдает болѣзненной ревностью и, в случаѣ измѣны жены, способен убить и ее, и любовника.

Второе было донесеніе о том, что у Николаевой были, до замужества, два длительных романа, скрытые ею от мужа. Последствием перваго романа — был ребенок, умершій скоро послѣ рожденія. В болѣе поздней характеристикѣ говорилось, что “Николаева пользуется очень большим успѣхом у мужчин, что вызывает неприятные конфликты между мужем и женой во многих партійных семьях”.

В тот же вечер Запорожец отправился на концерт тенора Пичковского, который был устроен в Партклубѣ. Там он вочію убѣдился в обаятельности Николаевой, в ея успѣхѣ у сильнаго пола и в том, как болѣзненно реагирует на это ея муж.

Запорожец составил для Поскребышева подробный доклад и предложил свой проект плана дѣйствій. Докладывал он обо всем, конечно, лично и устно. Поскребышев внес в проект свои поправки и дополненія и сказал: “Дѣйствуйте”.

Под страхом, что муж узнает о скрытом прошлом и ребенкѣ, Николаева согласилась “оказывать небольшія услуги” НКВД.

...Когда Киров сидѣл в “правительственной ложѣ” Мариинскаго театра и слушал “Евгенія Онѣгина”, в половинѣ перваго акта в ложу вошла Николаева, скромно сѣла на кресло, стоявшее поодаль от него. Вождь ленинградцев, почувствовал духи, потянул носом и стал искоса приглядываться к сосѣдкѣ.

Запорожец проявил себя хорошим психологом. Киров любил красоту. Его жена, образованная и интеллигентная женщина, бывшая на голову выше уровня своего мужа, видимо была хороша в молодости, но уже увядала. Сергѣя Миновича нельзя причислить к категоріи мужчин, называемых

“бабниками”. И у него просто не было времени думать о женщинах. А тут музыка, которую Киров умѣл чувствовать, запах хороших духов, в полутьмѣ силуэт молодой женщины, красоту которой он разглядѣл в антрактѣ, а со сцены зал заливает полный страсти голос:

Ах, Ольга, я тебя любил!.. Тебѣ единой посвятил...

Взгляды, как-то случайно, встрѣтились. Потянулась какая-то ниточка... Во втором антрактѣ Киров еще раз пристально оглядѣл сосѣдку. Покряхтѣл... Потом, так как молчать, сидя с дамой в одной ложѣ, ему казалось невѣжливым, он спросил, как ей нравится опера. Она отвѣтила, что “очень” и сама помогла продолжить разговор.

С того завязалось знакомство. Запорожец позаботился, чтобы они встрѣчались, как бы “случайно”. Такія встрѣчи происходили на людях, но послѣ них Киров подвозил Николаева к ея дому в своем автомобилѣ. Так продолжалось, пока Сергѣй Миронович не угорѣл окончательно от внезапно вспыхнувшей поздней любви.

Дѣйствовала ли Николаева только по заданію Запорожца, вѣрнѣе довѣреннаго лица послѣдняго, с которым регулярно встрѣчалась на конспиративной квартирѣ и от котораго получала инструкции? Я думаю, что ея поклонник ей настолько импонировал, что она увлеклась им сама. Как ни странно, Киров оказался единственным мужчиной, к которому ее муж не ревновал. ореол вождя, уваженіе к нему и увѣренность в его порядочности, были у партійца Николаева настолько сильны, что не подозрѣвал ни его, ни жену. Потом Николаев начал получать довольно длительныя служебныя командировки, а Киров начал в его отсутствіе заѣзжать к Николаевой. Позже, когда роман зашел далеко, Николаева встрѣчалась с поклонником в квартирѣ своей “тети”, вѣрнѣе в конспиративной квартирѣ НКВД. За это время, с Николаевым завязал пріятельскія отношенія провокатор НКВД в партійных кругах — Каталынов. Сначала он старался отвлечь вниманіе Николаева от жены и Кирова. Но перед финалом задуманной Запорожцем драмы, Каталынов старается постепенно “открыть другу глаза”. На первых порах, при намеках, что Киров ухаживает за его женой, Николаев смѣялся, но постепенно удалось возбудить подозрѣнія, разжечь его ревность. Вдобавок Каталынов старался развѣнчать в глазах Николаева Кирова как и вождя, указывая на его несправедливое отношеніе к нѣкоторым партійцам и на другія слабыя стороны характера.

Нѣсколько раз порывался Николаев поговорить откровенно с женой и даже с Кировым, но Каталынов сумѣл удержать его от этого и довести до мысли убить Кирова и жену.

Тот же друг Каталынов достал Николаеву ціанистый калий, который послѣдній хотѣл имѣть, чтобы покончить с собой послѣ убійства, на случай, если не успѣет застрѣлиться до ареста.

Набивши себѣ яд под ногти перед убійством, наполнивъ им пустыя капсулы, чтобы проглотить, а также мундштук папиросы, Николаев не подозрѣвал, что страшная склянка софержит только имитацию этого яда. Увѣдомленный Каталыновым о днѣ, часѣ и мѣстѣ свиданія, Николаев тайком возвращается, прервав командировку и выслѣживает жену с Кировым.

Убійство из ревности на улицѣ или в конспиративной квартирѣ не входило в планы НКВД — вѣдь ему надо было придать характер “террористическаго акта на политической почвѣ”. Поэтому Каталынову было строго предписано удержать Николаева от попытки сдѣлать это в компрометирующей Кирова обстановкѣ. Может провокатору и не удалось удержать “друга”, но когда Николаев поднимался по лѣстницѣ дома, к квартирѣ, гдѣ происходило свиданіе, то на освѣщенной площадкѣ он замѣтил виднаго работника НКВД, громко бесѣдующаго с дамой, и вынужден был повернуть обратно. Тогда он рѣшил, по совѣту Каталынова, убить Кирова на утро в Смольном.

Утром 1-го декабря 1934 года, подкараулив Кирова у дверей его кабинета, Николаев сказал ему нѣсколько слов, послѣ которых тот пытался укрыться в кабинетѣ, но, видя, что Киров ускользает от него, Николаев выстрѣлил. Утвержденія слѣдствія, что это был “трусливый выстрѣл в затылок”, невѣрны: он зависѣл от положенія обоих соперников.

Николаев пытался бѣжать, чтобы успѣть расправиться с женой, но инсценировка этой драмы НКВД была разыграна точно. На лѣстницѣ ему преградил путь один из “случайно” очутившихся там сотрудников НКВД. Николаев сбил его с ног, но эта заминка рѣшила все: путь на улицу был отрѣзан вошедшими в Смольный посѣтителеми, сверху его настигали сотрудники Ленсовѣта. Но прежде, чѣм его схватили, Николаев успѣл проглотить зажатые в лѣвой рукѣ капсулы с “ядом”.

В кабинетѣ у Медвѣдя, куда был привезен из Смольнаго Николаев, он, не отпираясь, признался, что обдуманно убил Кирова:

— Я убил змѣю, похитившую у меня честь и все самое дорогое в жизни. Знаю, что меня за это ждет, и готов к смерти.

Во время допроса Николаев (стараясь дѣлать это незаметно, как будто высасывал кровь из пораненной руки) пытался высосать из-под ногтя “яд”, потом старался перенести его на глазное яблоко. Повидимому, тогда он убѣдился, что Каталынов подвел его с цианистым калием. Его выразительные синіе глаза вспыхнули на мгновеніе гнѣвом и губы скорбно сжались.

Не желая подробно допрашивать Николаева в кругу непосвященных в дѣло лиц, Запорожец, под предлогом, что Николаев еще не оправился от нанесенных ему при поимкѣ по-

боев, приказал отвести его в камеру для особых преступников и вызвать к нему врачей.

Через нѣсколько часов Николаев был перевезен в особый корпус Нижегородской тюрьмы. Вслѣд за ним пріѣхал туда Запорожец со своим помощником, посвященным в суть дѣла Николаева. В портфель у помощника был объемистый, составленный заранее, проект протоколов обвиненія.

Послѣ всего пережитого за послѣднее время и принятых в камерѣ “успокоительных” и “подкрѣпляющих” лѣкарств, организм его был подготовлен к дальнѣйшему “научному методу слѣдствія”, которым занялись профессора Осипов и Арнольди.

Результаты проведенных ранѣ экспериментальных опытов были блестящи: через нѣкоторое время Николаев покорно повторял прочитанное ему по параграфам обвиненіе в совершеніи террористическаго акта по заданію политической оппозиціонной организаціи и называл указанные в протоколѣ имена главарей ея и многих рядовых членов. В большинствѣ это были старые партійцы “Ленинской гвардіи” и друзья убитаго.

Послѣ нѣскольких репетицій, Николаев был снова препровожден в “Большой дом”, гдѣ его ожидал законный синклит старших слѣдователей, во главѣ с прокурором по особо важным дѣлам Шпигелем.

Несмотря на отличные результаты секретнаго научнаго слѣдствія, Запорожец не был спокоен. В сосѣдном кабинетѣ были посажены, на всякій случай, Осипов с ассистентом и Арнольди. Николаев был спокоен, но очень блѣден, и его движенія были нѣсколько автоматичны, все же он не производил впечатлѣнія человѣка, находящагося в трансѣ; его блѣдность и флегматичность могли быть и результатом подавленнаго состоянія духа убійцы.

Допрос прошел гладко, на всѣ вопросы подслѣдственный отвѣчал внушенными ему фразами, и в концѣ твердой рукой расписался на каждой страницѣ данных им показаній.

Когда, послѣ допроса, Николаева увели в камеру, Запорожец вытер платком с лица выступившія на нем крупныя капли пота.

К ночи в НКВД все было готово для арестов “соучастников” Николаева. Но Медвѣдь медлил. В час ночи в Ленинград специальным поѣздом прибыл Сталин — “попрощаться с Кировым”. На вокзалѣ его встрѣтили Медвѣдь, Запорожец и Ковалев. Послѣ часовой бесѣды с глазу на глаз с Вождем, Медвѣдь отдал приказ начать аресты. “Черные вороны”, выскочив из ворот, разѣхались в разныя стороны.

В ту ночь было арестовано свыше двадцати “главарей”. Одних поднимали неодѣтыми с постелей, другіе были арестованы сразу послѣ смѣны почетнаго караула у гроба Кирова. Они сажались в машины НКВД с непросохшими еще послѣ прощанія со своими соратником рѣсницами.

Когда им в НКВД предъявили обвиненія, у всѣх был вид,

как будто на их головы неожиданно обрушился потолок. Многие возмущенно отрицали “этот сумасшедший бред”, другие смѣялись, но все называли слѣдователей сумасшедшими. Тогда вводили Николаева и начиналась “очная ставка”. После нея, арестованным стало казаться, что они сами сошли с ума. Никому из них не приходило в то время в голову, что через нѣкоторое время они так же механически спокойно будут бросать чудовищно-ложныя обвиненія в глаза своим многолѣтним друзьям и, ударяя себя в грудь кулаками, каяться в совершенных преступлениях на открытом судѣ, роя этим себя и своим близким могилы...

Благодаря выстрѣлу Николаева, НКВД удалось переарестовать и частично загнать на тот свѣт всѣх тѣх, кто мозодили ему глаза, не давая никакого повода для ареста. Стоило только десятку “главных обвиняемых” пройти “особое слѣдствие”, как за каждым из них потянулись сотни других, за тѣми третьи и т. д. Остальных уже допрашивали обычные слѣдователи, ибо все улики были налицо. Им предъявляли показанія “главарей”, что такіе-то были нами завербованы тогда-то и выполняли по заданію организации слѣдующее... От мелкой сошки слѣдователи требовали не “научным” путем рукоприкладства и проч. сознаться и выдать своих единомышленников. Сознавался человек или нѣт, но этого было достаточно, чтобы эшелоны за эшелонами, набитые даровыми рабами, покатили на сѣвер в концлагеря, расположенные в мѣстах совѣтских новостроек...

Свыше 30-ти тысяч таких рабов дал Совѣтам за процесс Николаева один Ленинград, не считал Москвы и других городов СССР.

Вскорѣ Сталин с удовлетвореніем слушал доклад Наркома внутренних дѣл, что “колыбель революции” — город Ленина” чист от тѣх, кто подготовлял и дѣлал революцію.

Во избѣжаніе подозрѣнія (а может для устранения главного сообщника-свидѣтеля) был смѣщен Медвѣдь — “за отсутствие бдительности и халатность, приведшіе к убійству Кирова” и вмѣстѣ с ним нѣсколько “стрѣлочников” из НКВД.

Послѣ процесса Николаева, совѣтское правительство наградило ленинградскаго профессора — психіатра Осипова, “за выдающіяся заслуги в области науки”, орденом Ленина и денежной преміей в нѣсколько десятков тысяч рублей. Также не были обойдены милостью Кремля и приват-доцент Арнольди, проф. Оршанскій, д-р Рейтц и другіе, получившіе награды, соотвѣтствующія их “трудам”. На этом же поприщѣ заработал и, позже, орден Ленина и московскій профессор И. Ф. Смирнов, и приват-доцент П. П. Грушникій, и все тѣ, кто приспособил науку для работ НКВД. Вѣдь развитіе и усовершенствованіе этих страшнѣйших методов порабощенія людскаго мозга и уничтоженія людей было необходимо Сталину для достиженія господства над міром.

Послѣ блестящихъ результатовъ “Особаго секретнаго слѣдствія”, показавшаго себя во время процесса Николаева и “иже с нимъ” уничтоженныхъ, Сталинъ рѣшилъ начать подготовку къ уничтоженію “отцовъ большевицкой революціи”, ибо опасался, что среди нихъ могутъ найтись соперники претендующіе на коммунистическій престолъ.

Но уничтоженію ветерановъ революціи могла помѣшать Красная армія, верхушка которой состояла в то время на 75 процентовъ изъ бывшихъ “краскомовъ” и красныхъ партизанъ, соратниковъ Ленина, Троцкаго, Свердлова, Зиновьева, Бухарина, Каменева и т. д. Остальной руководящій составъ совѣтскихъ вооруженныхъ силъ былъ изъ бывшихъ царскихъ офицеровъ, которые, в большинствѣ, по наивности своей, полагали, что “служатъ народу”

Поэтому Сталину нужно было предварительно “изъять” все руководство арміи — обезглавить ее, оставивъ изъ числа пролетарскихъ генераловъ самыхъ тупыхъ и покорныхъ партій, а изъ царскихъ — самыхъ корыстолюбивыхъ.

Кто упорно пишетъ и говоритъ о “заговорѣ Тухачевскаго”, тотъ повторяетъ созданную в НКВД легенду.

Михаилъ Николаевичъ Тухачевскій ошибочно считалъ, что его заслуги передъ революціей и авторитетъ в армейской средѣ — являются “гарантіей неприкосновенности” и открыто боролся за права красной арміи, за ея независимость отъ партіи, возстававшая противъ попытокъ Сталина обратитъ совѣтскія вооруженныя силы в подобіе Гитлеровскихъ СС, и противъ института комиссаровъ в структурѣ арміи. Будучи самъ членомъ партіи, Тухачевскій настаивалъ, что “двойное руководство” связываетъ инициативу команднаго состава, особенно командировъ частей, мѣшаетъ правильной постановкѣ дѣла, а слѣдовательно развитію и усовершенствованію военнаго дѣла.

В своемъ выступленіи на открытомъ, расширенномъ засѣданіи Политбюро осенью 1933 года онъ сказалъ:

— “Армейская дисциплина должна быть основнымъ факторомъ для команднаго, начальствующаго и рядоваго состава, только тогда создадутся надежныя, боеспособныя армейскія кадры, изживутся всѣ существующіе недочеты и широко развернется работа штабной, строевой и учебной частей, повысится авторитетъ комсостава и его боевая подготовка. Права краснаго командира, зафиксированныя в воинскихъ уставахъ, должны стоять высоко и охраняться закономъ. Какъ можно установить дисциплину в арміи, когда зачастую командиръ части говоритъ “да”, а комиссаръ “нѣтъ”, и наоборотъ. Когда часто, в большинствѣ из-за мелочей они спорятъ в присутствіи штабныхъ или строевыхъ командировъ и комиссаръ называетъ командира части “вредителемъ”. Пусть это будетъ даже сгоряча, но какъ это подрываетъ авторитетъ командира части”.

И в то время Тухачевскому удалось добиться того, что было введено единоначаліе: должность комиссара была снижена до “помощника командира по политической части” — комиссаръ уже являлся вторымъ лицомъ в части. Тухачевскій от-

стоял и старый армейский девиз: “услужу трудовому народу”, вместо желаемого Сталиным — “Служу советской родине и коммунистической партии”. И третье, особенно важное для армии, — он настоял, чтобы правительство издало постановление, в силу которого арест командира (начиная со старшего начсостава) по политическому или по уголовному делу мог быть произведен только с ведома Наркома Оборона. Это сильно урезало права Особого Отдела НКВД в армии, ибо ордер на арест старшего и высшего комсостава, не подписанный Наркомом Оборона, считался недействительным. Это постановление окончило свое существование вместе с его инициатором — Тухачевским: вслед за арестом маршала оно было аннулировано.

Конечно идея заместителя Наркома Оборона о поднятии авторитета красной армии нашла широкий отклик не только у всей армейской верхушки, но и у всего командного состава. На стороне Михаила Николаевича были и многие члены правительства: Куйбышев, Киров, Орджоникидзе, И. Межлаук, Калинин и, в частных разговорах Молотов и Ворошилов, оба они всегда были очень осторожны в официальных выступлениях.

Тухачевский, получив в том же 1933 году разрешение на реорганизацию армии, сразу же загорелся и начал проводить ее в самых широких масштабах. Вплоть до новых боевых уставов для всех родов войск, он внедрял в нее все новое, полезное, что он видел во время своих поездок в Англию, Францию, Германию и Италию.

Он произвел дислокацию красной армии по округам. Округов было девять:

1. Московский (МВО) — Командующим войсками этого округа был назначен Корк, помощник Косич, начальник политического управления — Векличев.
2. Ленинградский (ЛВО) — Командующий — Бёлов. Помощник Гарькавый. Нач. Пуокра — Славин.
3. Белорусский (БВО) — Командующий Уборевич, пом. Жильцов. Нач. Пуокра Смирнов.
4. Украинский (УВО) — Ком. Якир.
5. Приволжский (ПРВО) — Командующий Дыбенко.
6. Северо-Кавказский (СКВО) — Ком. Примаков.
7. Средне-Азиатский (САВО) — Ком. Гайлит.

Весь центральный и южный Кавказ занимала Кавказская Красно-знаменная армия (ККА), командовал ею Левандовский. Состав, если не ошибаюсь, 8 дивизий.

Особая Краснознаменная Дальне-Восточная Армия (Штаб в г. Хабаровск) занимала весь Дальний Восток. Командовал ею Блюхер, помощником у него был Федько. Начальник Политического Отдела Армии — Аронштамм. Армия состояла из 11 стрелковых дивизий и 3-х кавалерийских бригад и дивизии Артиллерии Особого Назначения, кроме того, там же была расположена арт. бригада ТАОН, но не в полном составе.

Был реорганизован и Главный штаб — Штабу РККА были даны функции Генерального Штаба и он имѣл отдѣлы:

1. Оперативный.
2. Развѣдовательный.
3. Мобилизационный.
4. Отдѣл военных сообщений.

Во главѣ его стал А. И. Егоров, а его замѣстителем были назначены В. И. Левичев и Петин.

В штаб РККА входило также и Управление по механизации и моторизации Кр. армии.

Из него выдѣлилось в самостоятельное учреждение Главное Управление РККА. В его вѣдѣнии были отдѣлы кадров кр. армии и прохожденіе службы. Возглавлял Главное Управление С. С. Каменев.

Управление военных инспекцій возглавил Муклевич, авиации — Алкснис.

Инспектором артиллерии был назначен Н. М. Роговскій, кавалерии — Буденный. Бронетанковых сил — Халепскій.

Особое вниманіе Тухачевскій удѣлял артиллерии и авиации. Он считал, что будущее принадлежит этим двум родам войск. Сильно он заботился и о вѣдѣреніи парашютизма в армейскую практику. Кромѣ специальных парашютных дивизій, — если не ошибаюсь в то время трех, тренировки с парашютами интенсивно проводил и ОСОАВИАХИМ — подсобная арміи военная организация под предсѣдательством Эйдемана.

Через год с небольшим Михаил Николаевич Тухачевскій демонстрировал успѣхи реорганизации Красной Арміи на больших показательных маневрах под Киевом. На маневры были приглашены всѣ иностранные военные атташе. Там впервые был показан парашютный десант стрѣлковаго полка численностью в 1.200 чел. На парашютах спустилось и 150 пулеметчиков. Но наибольший фурор произвел спуск на парашютах трех артиллерійских батарей (18 орудій).

Я уже не помню присутствовал ли на маневрах германскій военный атташе. Но помню, что Тухачевскій часто говорил, что германскій Генеральный Штаб очень интересуется постановкой парашютнаго дѣла в Красной Арміи. Итальянскаго военнаго атташе генерала Граціони мнѣ пришлось видѣть нѣсколько раз. Помню и французскаго атташе. Мнѣ тогда казалось очень странным, что фамилія французскаго генерала была нѣмецкая — Швейцкут. Чехословацкій же — ген. Луза был по моему очень непріятный, самовлюбленный и довольно безтактный человек. Михаил Николаевич очень хорошо отзывался об англійском атташе ген. Вайвелл.

— Это стопроцентный джентльмэн, — говорил он. — Большой военный специалист и весьма пріятный, остроумный человек. Мнѣ перед ним очень не хочется оскандалиться.

Не знаю, кто вѣдал приглашеніями иностранных наблюдателей на маневры, но в отдаленіи от наблюдательнаго пункта, гдѣ стояли всѣ приглашенные, в безопасном мѣстѣ остановилась закрытая легковая машина и из нея вышло трое, — два

из них были в сѣрых штатских костюмах. Тухачевскій замѣтил эту группу через бинокль уже когда маневры кончались. Послал порученца узнать, кто это. Тот вернулся нѣсколько смущенный и доложил зам. наркому, что там стоит сам Балицкій (нач. НКВД Украины) и с ним какіе-то штатскіе, по видимому иностранцы. Причем Балицкій просил Тухачевского подойти, когда тот сможет.

— Передайте товарищу Балицкому, что я занят, если ему так уж нужно, то он сам может подойти, — замѣтил Тухачевскій.

Через нѣкоторое время порученец вернулся, передал Тухачевскому конверт с запиской. Балицкій писал:

“Со мной маршал фон-Бломберг, который здѣсь инкогнито. Записку уничтожьте”.

Тухачевскій закурил губу, оправил пояс. Подождав нѣкоторое время, он, неспѣша, направился в сторону, гдѣ стояли под деревом Балицкій и фон-Бломберг.

Маршал сдѣлал два шага навстрѣчу Тухачевскому и воскликнул:

— Поздравляю вас! То, что я видѣл, было великолѣпно! Вы достигли потрясающих результатов.

— Да, господин маршал, “пятнадцатый год” уже больше никогда не повторится, — отвѣтил Тухачевскій.

Фон-Бломберг оторопѣл. Но Тухачевскій не дал ему времени рѣшить, был ли такой отвѣт намѣренной дерзостью, он превратился в самага любезнаго дипломата, выразил надежду, что маршал не откажется посѣтить его в Москвѣ, — сразу же предложил день и час встрѣчи. Потом расхвалил тип новаго нѣмецкаго танка и через пятнадцать минут распрошался, извинившись перед гостем.

— К сожалѣнію, господин маршал, я обязан присутствовать на разборѣ... Но пріѣзд фон-Бломберга польстил самолюбію Михаила Николаевича куда больше, чѣм льстивые дифирамбы чехословацкаго атташе ген. Лужа, который симпатіи Тухачевского не завоевал.

Возвратившись в Москву, Тухачевскій, у себя дома, говорил пріѣхавшему с ним командарму Уборевичу:

— Лужа разсыпается мелким бѣсом, но он не только симпатизирует нѣмцам, но и тѣсно связан с нѣмецкой развѣдкой. Я больше чѣм увѣрен в этом... То, что показали маневры — для него неприятный сюрприз... Между прочим, нѣмцы очень интересуются парашютизмом. Думаю — это основная причина пріѣзда фон-Бломберга. Райхс-канцлер Гитлер вооружает Германію бѣшеным темпом... Скоро его “полиція” превратится в мощную армію. Но все-таки ей будет далеко до нашей. Еще два-три года и наша будет первой в мірѣ. Нѣмцам нас не обогнать и фон-Бломберг это хорошо понял на маневрах... То, что он доложит по пріѣздѣ — очень поднимет наш престиж. Нѣмцы уважают только силу...

В тот же день у А. Н. Егорова был большой обѣд в честь блестяще прошедших маневров. Сначала предполагалось, что

обѣд и прием устроит Ворошилов. Но Сталин вдруг заявил, что маневры не такой уж важный повод, чтобы сам Нарком Обороны устраивал прием. По его мнѣнію Ворошилов должен был заниматься фон-Бломбергом... Маршала, пріѣхавшаго инкогнито, конечно, приглашать на такой обѣд нельзя, но надо ему показать, что он является настолько почетным гостем, что все время Наркома Обороны удѣлено ему, — таково было категорическое рѣшеніе диктатора.

Послѣ долгих преній было рѣшено, что прием устроит Егоров, как начальник Главнаго штаба. Тухачевскій был задѣт тѣм, что Сталин намѣренно умалил значение и успѣх маневров. И тѣм, что его ходатайство о представленіи Уборевича, командовавшаго маневрами, к внѣочередной наградѣ — ордену Краснаго знамени, было принято Сталиным прохладно. Ворошилов, уже пообѣщавшій раньше орден, тоже заколебался и предложил наградить Уборевича не Красным Знаменем, а Красной Звѣздой.

Тогда пріѣхавшій на маневры и присутствовавшій на совѣщаніи Блюхер обратился к Эйдеману:

— Можешь ты, товарищ Эйдеман, наградить Уборевича за блестяще выполненное заданіе значком ГТО, хотя бы первой степени? (ГТО — Осоавіохимовскій значок “Готов к труду и оборонѣ”, выдавался всѣм послѣ сдачи минимальных спортивных норм). Или и за эту награду надо сначала проголосовать?

Эйдеман от неожиданности и растерянности замигал глазами и залился краской. Борода Гамарника заплясала от смѣха. Каменев старался спрятать усмѣшку в усах. Буденный сдѣлал свирѣпое лицо и нервно задергал свой пушистый ус... Егоров, ломая спички, зажигал папиросу.

Лицо Сталина скрылось на мгновеніе в клубѣ дыма, потом появилось опять. Спокойное, с чуть прищуренным на Блюхера глазом.

— Неумѣстныя шутки, товарищ Блюхер, — ровным голосом замѣтил диктатор. — Партія и Наркоман Обороны умѣют цѣнить товарищей, которые отлично выполняют правительственные и оборонныя заданія. Никто не собирался ставить на голосованіе вопрос о награжденіи командарма Уборевича. Он заслужил орден Краснаго Знамени. Больше вопросов нѣтъ? Тогда я считаю наше совѣщаніе оконченным.

Но прежде, чѣм Сталин успѣл покинуть комнату, Блюхер громко и непринужденно сказал Ворошилову:

— Ты не обижайся, Клемент Ефремович, — ты же видимо тоже пошутил, предлагая для Уборевича Красную Звѣзду, я отвѣтил на шутку — шуткой.

Сталин обернулся, метнул острый взгляд на Блюхера, но затѣм на лицѣ диктатора появилась улыбка. Усы сопровождающаго его Буденнаго моментально взлетѣли вверх, губы растянулись, показав прокуренные зубы. Как по командѣ заулыбалось большинство присутствовавших на совѣщаніи. Внѣшне инцидент был исчерпан.

Но у Тухачевского остался от этого скверный осадок. Он замѣтно нервничал, собираясь ѣхать на торжественный прием к Егорову. На приемъ произошел другой неприятный инцидент: присутствовавший там ген. Лужа, подвыпив, начал разговор о недостатках кадетских корпусов и юнкерских училищ в царское время. Критика его неумна и весьма безтактна, так как почти всѣ бывшіе на приемѣ высшіе совѣтскіе командиры были воспитанниками этих военных учебных заведений. Егоров, как хозяин, старался перевести и смягчить этот разговор, но Тухачевскій не выдержал. Он сначала довольно вѣжливо указал чехословацкому атташе на его безтактность, рѣзко перевел разговор, а когда встали из-за стола и Лужа снова начал ругать Каменеву корпуса, то Михаил Николаевич подошел, попросил обоих собесѣдников пойти с ним в сосѣдную комнату и там так отчитал чехословацкаго генерала, что С. С. Каменев испугался, что произойдут дипломатическія осложненія и приложил всѣ старанія, чтобы замѣять этот неприятный разговор. Официальных послѣдствій не было, но Лужа через нѣсколько дней уѣхал домой в отпуск. Тухачевскій предполагал, что тот не вернется. Лужа все-таки вернулся через мѣсяц-полтора. С тѣх пор, под виѣшней безукоризненной вѣжливостью росла обоюдная вражда. Тухачевскій не раз ущемлял под благовидными предлогами права чехословацкаго атташе, старался не допускать “нѣмецкаго шпика”, как он называл за глаза ген. Лужа туда, куда, напримѣр, итальянскій атташе ген. Граціани имѣл постоянный доступ.

В этот період времени Тухачевскій одержал в верхах партіи крупную побѣду: — его проект о восстановленіи в арміи офицерских чинов, послѣ долгих и, порой, ожесточенных дебатов был принят, хотя и с небольшими поправками. Напримѣр, были забракованы чины прапорщика и поручика, их замѣнили лейтенантом и старшим лейтенантом. Долго спорили о чинѣ майора, котораго, наконец, втиснули между капитаном и подполковником... Чѣм выше, тѣм все шло глаже, вплоть до того, что Сталин на чье-то шутовское замѣчаніе, “а будут ли еще у нас и маршалы?” — отвѣтил, — “а почему бы им не быть?...” И обратившись к Ворошилову сказал: — Добавь, Клемент Ефремович, там на листѣ высшее званіе — маршала.

— Сказав “а” надо сказать и “б”, замѣтил С. С. Каменев, — у нас еще остался “фельдмаршал”...

— Его поставь под вопросом, — приказал Ворошилову диктатор. Утвержденіе этого званія мы обсудим позже.

О всѣх этих дебатах и настойчивом вмѣшательствѣ Сталина в военные дѣла, Михаил Николаевич рассказывал в юмористических тонах, но зачастую и с нескрываемою горечью. Особенно, когда что-либо копировалось с того, что дѣлалось у нѣмцев.

— Мнѣ совершенно непонятно германофильство нашего товарища Джугашвили, — говорил он подчеркивая настоящую фамилію Сталина. — Сначала я думала, что у “Іосифа Джугашвили” только показной интерес к Германіи, с цѣлью пока-

зять “свою образованность”... Но теперь я вижу, что он скрытый, но фанатичный поклонник Гитлера... Я не шучу... Это такая ненависть, от которой только один шаг до любви... Стоит только Гитлеру сдѣлать шаг к Сталину... и наш вождь бросится с раскрытыми объятіями к фашисткому. Вчера, когда мы говорили, частным порядком, то Сталин оправдал репрессіи Гитлера против евреев; сказав, что Гитлер убирает со своего пути то, что мѣшает ему идти к своей цѣли и, с точки зрѣнія своей идеи, Гитлер прав. Успѣхи Гитлера слишком imponируют Іосифу Виссаріоновичу и, если внимательно приглядѣться, то он многое копирует у фюрера. Немалую роль, по-моему, играет и зависть к ореолу нѣмецкаго вождя. У Гитлера такой ореол в народѣ есть — у Виссаріоновича только “дугый”... О личности фюрера много пишут в западной прессѣ, а о Джугашвили-Сталинѣ писать нечего... Как ни говорите и “чином” Гитлер выше, — все-таки был ефрейтором, а наш даже солдатом не был... Стремленія перваго лѣзть в полководцы, оправданы — “плох тот капрал, который не мечтает стать генералом”, а вот когда бывший семинарист хочет показать, что он, по меньшей степени, — Мольтке — это смѣшно, а при нынѣшнем положеніи вещей и очень грустно... И еще печальнѣе то, что находятся люди, которые, вмѣсто того, чтобы осадить его, дѣлают в это время восторженныя фізіономіи, смотрят ему в рот, как будто ожидают геніальных мыслей...

Зол был Тухачевскій на Сталина еще за одну вещь: — маршал настаивал, что все связанное с реорганизаціей Красной арміи должно, до окончанія реорганизаціи, оставаться военной тайной. Но как только были утверждены военные чины, атташе получили свѣдѣнія о коренном измѣненіи арміи и восстановленіи офицерских чинов. Первым узнал об этом ген. Лужа. Он в тот же день выѣхал в срочном порядкѣ “по семейным обстоятельствам” домой. Германская военная миссія начала интенсивно искать подробных свѣдѣній о происходящем в арміи. Доклады о “происках” нѣмцев поступили в развѣдывательное управленіе Главнаго штаба и Полит. управленіе арміи. В результатѣ проведеннаго секретнаго разслѣдованія выяснилось, что свѣдѣнія были получены иностранными дипломатами от самого Сталина, который в полуофициальной бесѣдѣ с чешскими представителями похвастался, что проводимая **под его руководством** реорганизація Красной арміи “не только поставит совѣтскія вооруженныя силы на один уровень с европейскими, но и превзойдет послѣдній”. К этому было добавлено, что возстанавливаются офицерскіе и генеральскіе чины.

Узнав об этом Михаил Николаевич поднял настоящій скандал. Он полетѣл к В. В. Куйбышеву, занимавшему в то время пост председателя Госплана СССР и замѣстителя председателя Совѣта Народных Комиссаров СССР, и замѣсти-

теля Совѣта Труда и Оборона. Куйбышев был кромѣ того и членом Политбюро. Выслушав Тухачевского, Куйбышев позвонил Г. К. Орджоникидзе, который был тоже членом Политбюро и зам. председателя Совнаркома. Григорій Константинович узнав о поступкѣ Сталина, кротко сказал — “Ишак”, Он согласился с мнѣніем Куйбышева, что вопрос о нетактичном поведеніи Сталина, о вмѣшательствѣ Генеральнаго Секретаря партіи в государственныя дѣла, без достаточной компетенціи во многих отраслях, как на примѣр военной, да и научной тоже, надо поставить на закрытом засѣданіи Политбюро. Валерьян Владимірович Куйбышев взял на себя подбор всѣх фактов, которые должны были быть поставлены “на вид” Сталину. Тухачевскій попросил Куйбышева и Орджоникидзе также ускорить постановленіе ЦК и Сонаркома о вводѣ новых воинских званій, так как он считал, что лучше объявить теперь о них официально, дабы пресѣчь разные слухи, которые будут пущены за рубежом.

Разговор Тухачевского с Куйбышевым и Орджоникидзе произошел в серединѣ сентября 1934 года. В концѣ того же мѣсяца на закрытом засѣданіи Политбюро Сталину пришлось не только выслушать много неприятных вещей, но и почувствовать шаткость своего положенія. Если бы Молотов и Енукидзе не воздержались при голосованіи и не выступил бы с примирительной рѣчью незлобивый и недалекій Калинин, — не быть бы Сталину диктатором..

Весьма возможно, что это засѣданіе ускорило ход дальнѣйших событій. Сталин мог рѣшить, что не стоит подвергать себя подобной опасности в будущем и начал вести свою политическую игру “ва банк”.

Через мѣсяц послѣ злополучнаго засѣданія член Центральнаго Комитета ВКП(б) и председатель ОГПУ — Вячеслав Рудольфович Менжинскій, погиб в своем служебном кабинетѣ на Лубянкѣ от ножа, всаженнаго ему кѣм-то в спину... Убійца не был найден.. Нужно отмѣтить, что Менжинскій до 1923 года не являлся работником Чеки, а был Народным Комиссаром финансов. Он был связан личными дружескими отношеніями с Чичериным, Рыковым, Иоффе, Куйбышевым, Межлауками, Караханом, Луначарским и Бухариным. Надо полагать, что за 11 лѣт работы в ГПУ, сначала замѣстителем Дзержинскаго, а послѣ смерти послѣдняго председателем этого вездѣсущаго учрежденія, — Менжинскій имѣл у себя в руках немало компрометирующаго матеріала о Сталинѣ, — о том, как он пробил себѣ дорогу к посту Генеральнаго Секретаря партіи, о личной жизни и о методах борьбы партійнаго вождя со своими политическими противниками... Вполнѣ достаточно было, чтобы Менжинскій согласился передать часть этого матеріала в руки противников Сталина и разоблаченіе произошло бы на двадцать лѣт раньше... Сталин это предвидѣл и предупредил.

На мѣсто Менжинскаго был назначен менѣе образованный, но болѣе безпринципный и ловкій Ягода. Ягода, как выдвигенец, не был ни соратником, ни другом тѣх, кого Сталин намѣревался отправить на тот свѣтъ.

1 декабря 1935 года совершилось подготовленное НКВД убійство С. М. Кирова, одного из наиболѣе популярных в партіи членов Политбюро. Само убійство, а главное, послѣдовавшіе сразу послѣ него аресты людей, хорошо извѣстных ветеранов революціи, которых сразу же объявили заговорщиками и троцкистами, вызвало волненіе и возмущеніе среди нѣкоторых членов Политбюро. В. В. Куйбышев открыто заявил, что подоплека убійства и методы веденія слѣдствія — вызывают сомнѣнія. Он потребовал созданія специальной слѣдственной комиссіи от ЦК партіи, которая имѣла бы право вети параллельное слѣдствіе, с допросами арестованнаго убійцы Кирова — Николаева и других арестованных. Это предложеніе было внесено на засѣданіи Политбюро в концѣ декабря, а через мѣсяц 25-го января 1935 года Куйбышев скоростижно скончался. Утром работал, а к вечеру принял прописанное Кремлевским врачом лѣкарство и через полчаса умер. Официально было объявлено, что он умер от тромбоза. И уже через долгій промежуток времени, во время процесса Бухарина, “вдруг выяснилось на слѣдствіи”, что Куйбышев был отравлен, но вину, конечно, свалили на “Зиновьево-Бухаринское охвостье”.

Через два года, как раз перед разгромом арміи, 18 февраля 1937 года, был убран с пути Сталина Г. К. Орджоникидзе, член Политбюро, Военнаго Совѣта СССР и друг Красной арміи.

Михаил Николаевич не был в Москвѣ, когда скончался Куйбышев. Узнал он об этом только из газет. Для него это был очень тяжкій удар... Настолько тяжелый, что Михаил Николаевич бросил дѣла и уѣхал на мѣсяц на Черноморское побережье — “дабы никого не видѣть”...

Вернулся он через двѣ недѣли, — мѣсяца он не мог там

высидѣть, когда его армія нуждалась во многих нововведеніях. К его возвращенію атмосфера в Москвѣ, да и по всему Союзу стала еще напряженнѣй. Растерянность и страх, охватившіе массы совѣтских людей послѣ убійства Кирова и массовых разстрѣлов, проникли и в высшія сферы. В Политбюро произошла перегруппировка, причем большинство стало открыто держаться Сталина. Его престиж возрос до того, что имя генеральнаго секретаря печаталось в газетах не иначе как с прилагательным — “великій и мудрый”... Его личный секретарь А. Н. Поскребышев стал величать его, за глаза, “хозяином”.

Я помню, как вскорѣ послѣ возвращенія Тухачевского из Сочи, позвонил Поскребышев и сообщил, что “хозяин” хочет видѣть М. Н. и будет ожидать его в Кремлѣ к 6-ти часам вечера.

— Какой хозяин? — возмутился Тухачевскій. — Значит, выходит, что мы его холоуи? Для меня он является Генсеком Партіи, но в холоухах я быть не намѣрен...

Поскребышев стал оправдываться, что это только шутилиое названіе, но больше никогда в разговорѣ с Тухачевским не называл Сталина “хозяином”. Он только весьма любезно сообщал, — “Юсиф Виссаріонович хочет побесѣдовать с вами”...

Сталин, несмотря на внѣшнее доброжелательное отношеніе к Тухачевскому, продолжал весьма подозрительно относиться к проводимым в арміи реформам. Он видѣл и чувствовал: если реорганизація Красной арміи произойдет в желаемых Тухачевским масштабах, то она станет настолько дисциплинированной, монолитной к централизованной в смыслѣ подчиненія, что вся эта сила может не только быстро дать отпор внѣшнему врагу, но и стать опасной для коммунистической партіи.

Давая на все принципиальное согласіе, Сталин дѣлал одновременно все, чтобы затормозить реорганизацію, оторвать Тухачевского от непосредственнаго контроля над проводимыми мѣропріятіями и участія в этих работах. Зам. наркома Оборона то посылался Политбюро за границу для представительства, то он получал от Ворошилова новыя командировки в Германію, Италію, Англію, Францію и другія страны. Так же срывались с назначенных работ и тѣ высшіе и старшіе командиры, которые работали над новыми военными уставами для всѣх родов совѣтских войск. Они получали непосредственно от Наркома Оборона назначенія возглавлять всякія военныя комисіи, большей частью за границей, или отправлялись туда как военные атташе. Всѣ эти назначенія, а также внѣплановые маневры, краткосрочные сборы для высшаго комсостава, производились путем сталинскаго нажима на Ворошилова для того, чтобы путать реорганизаціонные планы военных учреждений и частей. Происходившія по этому поводу стычки между Ворошиловым и Тухачевским использовались клеветами Сталина, чтобы нашептать Наркому обороны, что его первый

замѣститель страдает “бонапартизмом” и мѣтит не только стать Наркомом обороны, но и военным вождем. На послѣднее часто намекали в разговорах с Ворошиловым и военные атташе Германіи и Чехословакии. Недалекій и осторожный Ворошилов пугался и, отдаляясь от Тухачевского, становился ближе к Сталину.

Таким образом задержалось на год введеніе чинов в армию. ЦК и Совнарком утвердили это мѣропріятіе только в срединѣ сентября 1935 года, а опубликовано постановление было 22 сентября. Но чины были утверждены только до полковника (генеральскіе были введены через пять лѣт, в 1940 г.). Кромѣ новых офицерских чинов в тот же день был объявлен и список первых совѣтских маршалов — Ворошилова, Блюхера, Буденнаго и Егорова... Тухачевского среди них не было...

Михаил Николаевич знал заранее, что он числился в списках маршалов. Он знал, что список, получив еще год назад, одобреніе Политбюро, уже был накануне проведен приказом по Наркомату Обороны... Знал об этом и второй замѣститель Ворошилова — Локтіонов. Послѣдній позвонил редактору “Правды”, гдѣ был опубликован неполный список, но зам. редактора отвѣтил, что в полученной газетой копіи постановленія правительства — фамиліи Тухачевского нѣт.

Ворошилов, тоже немало смущенный этим, позвонил Гамарнику. Гамарник отвѣтил, что сам поражен и наводит справки. Пока шло выясненіе, самолюбіе Михаила Николаевича сильно было ущемлено: Буденный — “бездарный вахмистр” — маршал, в то время, когда он — Тухачевскій, замѣститель Наркома Обороны и фактическій руководитель и преобразователь Красной армии — только командарм 1-го ранга...

Я уже не помню — появилось ли через день или два сообщеніе в газетѣ, что “званіе маршала Совѣтскаго Союза дано пяти командармам и пятым из них является Замѣститель Наркома Обороны М. Н. Тухачевскій”, но только знаю, что до этого Тухачевскій провел бессонную ночь, шагал до утра взад-вперед по своему кабинету и, если присаживался за письменный стол, то не надолго, чтобы минут через пятнадцать-двадцать, встать и продолжать шагать... На людях же он казался невозмутимым. Все это стоило ему очень дорого. Об этом, краснорѣчивѣе слов, говорили его вдруг засеребрившіеся виски...

— Съдой бобер цѣнится дороже, — невесело пошутил он, когда взглянул в зеркало, но все же преждѣ чѣм ѣхать в Наркомат, заѣхал в парикмахерскую и подстригся повыше, чтобы срѣзать предательскіе сѣдые волосы.

С той ночи Михаил Николаевич очень измѣнился внутренне... Я увѣрена, что до него дошли слухи о том, что фамилія его в списокѣ маршалов была вычеркнута жирной линіей синяго карандаша... Что этот карандаш принадлежал Сталину... И что такая же исторія произошла и раньше во время отбора кандидатов на пост Наркома Обороны и его замѣстителей... Все это были только слухи, основанные на том, что

Сталин потребовал, в послѣдній момент, список маршалов Совѣтскаго Союза. Михаил Николаевич стал меньше спать, меньше и нерегулярно ѣсть, но стал больше пить... Коньяк и черный кофе стали его необходимым “пособіем” при ночных работах. И единственной его мыслью и заботой было поскорѣй реорганизовать и добиться совершенства арміи. С этим он спѣшил так, как будто бы предчувствовал, что судьба отсчитала ему не много лѣт жизни...

Такой же работы он требовал и от своих ближайших помощников и тѣх, кому поручал выполнить какую-нибудь задачу. Ему ничего не стоило поднять ночным телефонным звонком с постели любого командира, если это нужно было для дѣла.

— Спали? — спрашивал он в четыре часа утра начальника артиллеріи РККА Н. М. Роговскаго. — Извините, Николай Михайлович, что рано разбудил, но мнѣ пришла в голову мысль устроить большой артиллерійскій пробѣг — Ленинград—Псков и обратно. Именно пробѣг, чтобы испытать крѣпость орудій и механической тяги. Вы помните случай с поломкой орудія в Тоцких лагерях? Я боюсь, что при установках обязательнаго выполнения годового плана на заводах больше смотря на количество продукціи, чѣм на качество металла из котораго эти орудія дѣлаются... Приѣзжайте сейчас ко мнѣ — мы разработаем план пробѣга и рѣшим кому это поручить...

Артиллерійскій пробѣг состоялся через два мѣсяца. Командующій им, опытный старый артиллерист, выработал маршрут, по которому орудія шли не по шоссе Ленинград—Псков, а по проселочным дорогам. В результатѣ был большой скандал — большинство орудій, не доѣхав до Пскова поломались, у механизированной артиллеріи послетали и порвались гусеницы, а у конной — колеса, ибо при разслѣдованіи оказались в металлѣ раковины. Я видѣла альбом со снимками всѣх аварий этого пробѣга, — все заснятое выглядѣло очень печально.

Поднялась тревога. Тухачевскій лично объѣхал орудійные заводы, — показывал им снимки и потребовал приостановить производство орудій, пока не будет произведен качественный анализ металла. Попытку ЦК партіи — свернуть все на “вредительство и саботаж” он отверг самым категорическим образом.

— Только еще не хватало, чтобы переарестовали послѣдних опытных инженеров, — сказал он. — НКВД заинтересовано в количествѣ процессов, а я — пушек и, главное, хороших пушек... Почему, чорт подери, их могли дѣлать до революціи? Потому, что у инженеров был опыт, заинтересованность и их никто не гнал с планом... Всѣ планы и возможности надо пересмотрѣть, иначе придется заказывать орудія за границей.

Эти слова Тухачевскаго позже вошли в протокол обвиненія, которые были предъявлены маршалу на процессѣ...

Послѣ личнаго доклада Тухачевским Сталину о результатах его обследованія военных заводов, отношеніе диктатора к маршалу вдруг рѣзко измѣнилось. Возможно, что Сталин оцѣнив военныя способности, организаторскій талант и энергію Тухачевского, а также и успѣхи маршала на военно-дипломатическом поприщѣ, рѣшил приблизить его к себѣ. И тѣ слухи о фаворѣ Тухачевского не лишены правды. Но дружескаго симбіоза не получилось. При всей вѣжливости и воспитанности Тухачевского, в бесѣдах на военныя темы у него невольно проскальзывало чувство собственного превосходства, и, главное, невѣріе в то, что из Сталина может выйти военный геній, а этого самолюбивый и привыкшій к поклоненію диктатор не мог перенести... И Сталин очень скоро понял, что хоть маршал и является очень цѣнным, как военачальник и военный представитель, но подчинить его не удастся. Что привитые корпусом, военным училищем и гвардіей воинскія традиціи доминируют в Тухачевском над партійными установками. Что Тухачевскій так же властолюбив и самолюбив, как и сам он и к тому же настолько увѣрен в себѣ, что идет открыто к своей цѣли. Тѣм не менѣе Тухачевскій продолжал получать приглашенія к Сталину, чаще чѣм даже Ворошилов. У партійнаго вождя была опредѣленная слабость к родовитым людям. Может быть он, окружая себя такими людьми как граф А. Н. Толстой, Тухачевскій и граф. А. А. Игнатьев, думал повисить свой престиж в глазах иностранцев...

Но очень скоро произошло событіе, окончательно рѣшившее участь маршала: в Испаніи началась гражданская война. Искра которую совѣты долго и упорно раздували начинала давать пламя и коммунизму надо было, чтобы пламя охватило всю страну... Посылки в Испанію тайных агентов, вооруженія и официальных наблюдателей показались совѣтскому вождю недостаточными, — ему нетерпѣлось захватить Испанію и показать себя на “міровой аренѣ”. Для этого надо было послать туда совѣтскія войска. Ворошилов, привыкшій безоговорочно подчиняться генеральной линіи партіи, проголосовал за “мудрое рѣшеніе вождя и учителя”.

Заявленіе же Тухачевского, что он не видит никакой надобности посылать войска в Испанію, что, наоборот, это будет чревато неприятными послѣдствіями в будущем, да и совѣтская армія еще вовсе не так богата квалифицированными кадрами, чтобы можно было без ущерба для нея посылать туда лучших летчиков, артиллеристов и танкистов... — произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Михаил Николаевич был не из таких, кто обращает вниманіе на то, какое впечатлѣніе произвели его слова. Обращаясь прямо к Сталину, он продолжал:

— Нам, Иосиф Виссаріонович, еще по существу хвастаться нечѣм. Наша армія, в общей массѣ, пока еще не такая, чтобы ее можно было показывать Западу. У нас есть очень большія достижения, но наряду с этим и большіе недостатки, которые сразу бросятся в глаза западным военным и снизят наш пре-

стиж. Пропаганда, — это одно, а с действительностью тоже надо считаться...

— Так что же вы дѣлали всѣ эти годы, если не смогли поднять армию на нужный уровень? — грубо спросил диктатор.

— Из трех лѣт, запланированных на реорганизацию наших вооруженных сил, минимум полтора ушли на второстепенные и даже третьестепенные дѣла не по винѣ руководства армии, — возразил маршал, — и вам, товарищ Сталин, это известно больше, чѣм кому другому. Второе: наша армия непрерывно растет численно, и для такого роста у нас остро нехватает командного состава, особенно старшаго и высшаго. Из-за этого у нас слишком быстро идут повышенія, и во главѣ отдѣльных частей оказываются хотя и способные люди, но недостаточно опытные. Во всех армиях военные кадры проходят военное воспитаніе и науки с дѣтства, а у нас больше 40 процентов старших командиров не имѣют даже законченнаго общаго средняго образованія. Как они ни тянутся сами, и как их ни тьяни, а пробѣлы остаются пробѣлами. Для самообразованія и, плюс усовершенствованія военных знаній, — нужен большой срок...

— В гражданскую войну у нас 75 процентов старших и высших командиров не имѣли ни средняго, ни военного образованія, а побѣдили образованную кадровую царскую армию, состоявшую из офицерских частей, — с усмѣшкой замѣтил диктатор.

— Простите, это не совсѣм вѣрно, — снова возразил Тухачевскій. — В гражданскую войну, помимо того, что во главѣ большинства дивизій и армій стояли старые военные спеціалисты со стажем и даже академическим образованіем, при выдвинувшихся военачальниках-самородках, были опытные начальники штабов, опять-таки в большинствѣ генштабисты. И нельзя нам всю жизнь базироваться только на опытѣ гражданской войны, — кататься в каретѣ прошлаго, когда кареты уже сданы в тиль-сырье и вся Европа ѣздит в автомобилях послѣдней марки. Военная стратегія, военная мысль не должна отставать от эпохи. Опыт гражданской войны хорош, но если мы будем воевать, примѣняя ту же стратегію в будущей войнѣ со внѣшним врагом, то будем быстро разбиты на голову...

— Что же вы предлагаете конкретно, товарищ зам. нарком? — холодно перебил диктатор.

— Я думаю, товарищ Сталин, что повторяться и толочь в ступѣ воду не стоит. Конкретно я все изложил в сорока шести параграфах моего проекта, но из них, пока, утверждены только шестнадцать.

— И шестнадцать вы сумѣли уже провести без утвержденія, — ядовито замѣтил вождь. — Остаются, примѣрно, четырнадцать параграфов. В одном из них вы предлагали еще возстановить и старую царскую армейскую форму с погонями?

— Да, предлагал и предлагаю, — спокойно подтвердил Тухачевскій. — Форма удобная и красивая. И форма обязывает командира держаться соотвѣтственно. “Честь мундира” — это не пустыя слова... Надѣньте на нашего командира форму

полковника, и он уже не пойдет в своем мундирѣ в сомнительную пивную и не выйдет оттуда пошатываясь.

— И мундир с золотым погоном?

— Можно сдѣлать его без погона, — вмѣшался Калинин. — Мнѣ думается, что товарищ Тухачевскій прав. Мундир, вѣрнѣе, форму, надо ввести...

— Нѣтъ, Михаил Иванович, мундир должен быть с погонами, — возразил маршал. — Скажите, товарищи, почему мы так боимся погон? Во всѣх арміях міра, в той же Германіи, с которой мы так часто берем примѣр (Я не выдержал, чтобы не кольнуть Джугашвили", — сознался потом, передавая весь разговор дома, Тухачевскій), всѣ военные носят погоны, опредѣляющіе их званіе. Почему, если совѣтскій ком. полка называется теперь полковником, это всѣм кажется естественным, а форма, полагающаяся полковнику, чѣм-то страшным?

— Я считаю, — замѣтил вмѣсто отвѣта диктатор, — что вопрос о формѣ не является столь важным для безотлагательнаго обсуждения. Это мы можем обсудить потом. Сейчас у нас, товарищи, есть куда болѣе важное дѣло — это помощь нашим испанским братьям... И меня просто поражает, как товарищ Тухачевскій, коммунист, мог возражать против оказанія им помощи?

— Я ни в коем случаѣ не возражал против оказанія помощи испанским революціонерам, — поднялся маршал. — Вполнѣ согласен, что им надо помочь вооруженіем, медикаментами и пр. Но я, как военный, учитываю, что посылка наших войск туда вызовет немедленную реакцію со стороны Германіи и Италіи, которыя пошлют на помощь Франко свои силы. При таком положеніи, помимо того, что война эта может затянуться на годы и будет стоить нам больших жертв, существующіе еще в нашей арміи недостатки неминуемо вскроются перед глазами наших настоящих и будущих врагов. Это — первое. Второе, что реорганизація арміи затянется на болѣе продолжительное время и армія, теряя лучших командиров на испанской землѣ, будет не крѣпнуть, а ослабѣвать. Я считаю, что если нужно будет помочь испанским борцам людьми, то у нас много есть партійцев, которые поѣдут туда в качествѣ добровольцев. И среди них найдутся и командиры запаса, как опытные, так и такіе, которым полезно будет приобрѣсти боевой опыт. Я полагаю, что запись добровольцев найдет широкій отклик среди совѣтскаго народа.

Большинство согласилось с маршалом. Но Буденный, замѣтив недовольно подергивающійся ус вождя, начал настаивать, что в Испанію надо посылать квалифицированных военных.

— Что ж, Семен Михайлович, тогда отправляйся со своими корпусами туда, — бросил ему Тухачевскій, — кавалеріи все равно будет нечего дѣлать в будущей войнѣ. Да и в Испаніи тебѣ придется ее "спѣшить"....

— Если партія и совѣтское правительство дадут мнѣ приказ — я буду счастлив выполнить его, — напыщенно отвѣтил "маршал от кавалеріи" и, пошевелив усами, добавил: — а ваши

демагогическіе выпады, расчет роли кавалеріи в будущем, вы, маршал Тухачевскій, лучше прекратите. Не забывайте, что моя конница — Краснознаменная... покрытая неувядаемой боевой славой...

Сталин строго взглянул на Тухачевского и, милостиво улыбнувшись, кивнул головой Буденному. Затѣм обратился к Ворошилову:

— Я думаю, Клемент Ефремович, что наше совѣщаніе надо считать закрытым... Объяви об этом...

Я хорошо помню, что это было 24 іюля 1936 года (по старому стилю 11 іюля и Ольгин День). В этот же вечер у Тухачевских собралась компанія его сослуживцев: А. И. Егоров, Петин, Локтіонов, Алкснис, Роговскій и Федько. Позже пріѣхали Менженинов и Левичев. Всѣ, кромѣ послѣдних, пріѣхали с женами. Тухачевскій сіял — он чувствовал себя побѣдителем. За ужином разговор, конечно, коснулся минувшаго совѣщанія. Всѣ были согласны с Михаилом Николаевичем, что посылка частей в Испанію — это “авантюра хозяина” и порицали слабобольнаго Клима Ворошилова. Алкснис выразил опасеніе, что Сталин не сдаст так быстро своих позицій и будет еще настаивать на своем.

— Поскребышев уже вчера звонил мнѣ, просил приготовить список летчиков, которых я могу рекомендовать для выполнения отвѣтственнаго правительственнаго задания, — сообщил начальник авіаціи. — Откровенно говоря, я имѣл на засѣданіи этот список при себѣ, но послѣ выступленія Михаила Николаевича я о нем рѣшил умолчать. Не думаю, чтобы Сталин позабыл о нем, навѣрное, Поскребышев позвонит мнѣ завтра...

— Скажите, что вы передали его мнѣ, по командѣ, — посоветовал Тухачевскій. — Меня всегда возмущает то, что Сталин читает цѣлыя лекціи о партійной дисциплинѣ, мнит себя военным человѣком, а сам всегда норовит достать свѣдѣнія через голову прямого начальства, — желчно добавил маршал.

— Считает себя полновластным хозяином... замѣтил Петин.

— Хозяином! — Тухачевскій одернул пояс, и глаза его блеснули. — Хозяином партіи? Но пусть он не забывает, что по партійному уставу всѣ мы равноправны и не только мы можем отстаивать наше мнѣніе, но и он обязан считаться даже с мнѣніем рядового члена партіи. А армія — это особая статья. В концѣ то концов, кто, как не мы завоевали революцію? Должен он считаться с нами?

— Должен-то должен... — подал свой голос Федько, — но я замѣчаю, что Іосиф Виссаріонович стал теперь смотрѣть на нас, как хозяйка на гостей, которые могут утащить серебряныя ложки....

— Хватит об этом, — предложил Егоров, замѣтив, что Михаил Николаевич нервно потянул воротник, как будто тот его душил... — Скучная это тема! Не правда ли? — обратился он к сидѣвшей рядом с ним Зинаидѣ Павловнѣ Роговской. Та, казавшаяся совсѣм хрупкой и крошечной, по сравненію с ним и сидящим по другую сторону ея мужем, подняла на Егорова

смѣшливые темно-синіе глаза и утвердительно закивала головой.

И, только наладился непринужденный и веселый общій разговор, надрывно зазвонил телефон. Тухачевскій снял трубку, потом, повернулся к столу:

— Это тебя, товарищ Алкснис...

Тот подошел, выслушал, потом отвѣтил: “хорошо, товарищ Поскребышев, передайте товарищу Сталину, что я сейчас выѣзжаю”. — Видите, — обратился он, положив трубку, к сидящим за столом, — я же вам говорил, что Сталин не успокоится. Так я скажу, что список у вас... сказал он, прощаясь с Тухачевским.

Через полчаса к Тухачевскому позвонил Ворошилов. Он просил прислать ему спѣшно, с нарочным, оставленный Алкснисом список.

Через недѣлю послѣ произошедшаго на совѣщаніи конфликта Сталин показал Ворошилову нѣмецкій военный журнал, гдѣ одна статья была отчеркнута синим карандашом. К этой же страницѣ был прикрѣплен листок тонкой бумаги, на котором был напечатан русскій перевод статьи.

В этой статьѣ какой-то нѣмецкій военный наблюдатель подробно описывал проводимую Тухачевским реорганизацию арміи, сообщал насколько она будет увеличена, сколько будет новых артиллерійских и танковых бригад, и дивизій и дѣлал вывод, что совѣтская армія может стать самой сильной в мірѣ. Затѣм он характеризовал Тухачевского, как самага талантливаго и самага честолюбиваго изо всѣх совѣтских маршалов, останавливался на нѣкотором сходствѣ его карьеры с карьерой генерала Бонапарта и намекал, что в мірѣ может появиться второй Наполеон.

“Уже сейчас звѣзда молодого маршала Тухачевского сияет очень ярко на скучном и сѣром совѣтском небосклонѣ, — писал он в концѣ обзора, — престиж Красной арміи все время растет и не затмят ли в недалеком будущем красноармейскія звѣзды — звѣзд кремлевских?”

Вождь не только охотно согласился оставить Ворошилову на нѣсколько дней этот журнал, но и намекнул, что его слѣдовало показать Гамарнику и высшим сотрудникам Наркомата Обороны... Но никто из послѣдних не придавал статьѣ значенія — “мало ли что выдумывают и пишут там — заграницей..” — Так сказал и глава Политическаго Управленія — Гамарник. Ворошилов проговорился, что Сталин сказал иначе: — “Нѣт дыма, без огня”...

Во время совѣщанія 24 іюля, Сталину стало ясно, что ему не легко будет осуществлять свои тайные планы, которые он вынашивал и лелѣял в душѣ, ибо любой из них неминуемо вызовет еще большую оппозицію в верхах Красной арміи.

Как и всѣ тираны, Сталин обладал дикой волей и был чу-

довищно злопамятен. Послѣ удачнаго убійства Менжинскаго, Кирова, Куйбышева, имѣя в своем распоряженіи аппарат НКВД с “научными методами особаго секретнаго слѣдствія”, он не мог остановиться на полпути. Всѣ, кто перечили ему и становились на его пути к единовластію — должны были быть ликвидированы.

Но коммунистическій диктатор отлично учитывал, что обвинять в уклонѣх “антипартиійной преступной дѣятельности” теоретиков марксизма, арестовывать их, вымогать от них признанія в несовершенных преступленіях и отправлять их потом на тот свѣтъ, — ему было легко только потому, что за этими людьми не стояли народныя массы. Что окончательно замороженному третьей пятилѣткой, перманентными голодовками и вѣчным террором совѣтскому народу было уже совершенно безразлично, кто слетит из коммунистических вождей и кто сядет на его мѣсто. Хрѣн рѣдьки не слаще...

Еще свободнѣе вождь мог убирать и разстрѣливать не угодивших ему высших работников НКВД... Темная дѣятельность НКВД цѣликом лишала его сотрудииков всякаго внѣслужебнаго контакта с людьми всѣх слоев совѣтскаго общества. Они были герметически изолированы. За НКВД “стояли” только лютая народная ненависть да десятки миллионон скелетов россіян, сгинувших в застѣнках этого учрежденія.

Но демобилизовать и ликвидировать “обвѣяннаго боевой революціонной славой” краснаго маршала или командарма было, в то время, слишком опасно: военная верхушка, да и вся среда, была спаяна любовью к военному дѣлу, куда крѣпче, чѣм хронически болѣвшіе вождизмом и конкурировавшіе друг с другом члены ЦК партіи и Политбюро. У каждаго командарма были боевые, видѣвшіе не раз смерть в глаза, друзья-соратники и за ними стояли вооруженныя красноармейскія массы, — и не только одни штыки и пушки, но и народ. Совѣтская пропаганда преувеличенно кричавшая об опасности нападенія со стороны внѣшних врагов, — вызывала в совѣтских людях преувеличенную любовь к арміи. Армія считалась Народной. Если военнотружашій, командир или красноармеец, получал официальную благодарность — его отвѣтом по уставу было: “Служу трудовому народу!”

С арміей у совѣтских людей был контакт. Совѣтскіе средніе командиры были выходцами из народа. И если коммунистическому диктатору удалось создать из старшаго и высшаго начсостава привилегированную и довольно замкнутую касту, то народ все же мог видѣть не только на Первомайских и Октябрьских парадах, но и в театрах, в кино, а иногда и на гуляньях в парках “легендарных героев” — красных командармов. Ворошилов и Тухачевскій имѣли “свои” салон-вагоны и (не бронированные) автомобили, — другіе командармы имѣли только автомобили, а ѣздили по желѣзным дорогам в обычных спальных вагонах. К встрѣченному на улицѣ командарму, колхозник мог безбоязненно подойти, попросить указать ему дорогу и даже совѣта, куда ему обратиться. Командармы нерѣд-

ко присутствовали в качестве гостей на торжественных собраниях в заводских клубах и они были куда болѣе популярны, чѣм партійные вожди.

Если бы в тѣ времена, высшіе военные круги смогли организовать настоящую легальную оппозицію Сталину, то народ поддержал бы их. Увы, командармы были хорошими военными, но плохими политиками. Они были слишком заняты своим дѣлом и, когда отстаивали интересы арміи, то рубили с плеча и считали, что это в порядкѣ вещей, что это вполне отвѣчает принципам “партійной демократіи”.

Но Сталин думал иначе. Он хотѣл, чтобы совѣтскіе маршалы и командармы считались бы в первую очередь, с интересами партіи. А главное, он желал, чтобы они признали его, как военного генія. Возвеличенный доярками и ткачихами в “любимаго и мудраго учителя”, вождь жаждал большаго... Чтобы восхваленія шли в превосходной степени, и ему бы славословили не только неграмотные доярки и подхалимы из партіи, но и имѣющіе имена ученые, писатели, артисты, маршалы, адмиралы и командармы. Затѣм — обожествленія... Обожествленіе могло скрыть его малую культурность, ввести его наряду с “великими людьми” в міровую исторію.

Диктатор уже успѣл согнуть, сломать и уничтожить многих своих идеологических и потенциальных противников. Военные же круги продолжали оставаться строптивыми, не хотѣли терять собственного достоинства и своих прав. И это тогда, когда тайный идол Сталина — Гитлер третировал, как хотѣл старых заслуженных германских маршалов, — кричал и топал на них ногами, смѣшал и замѣнял их тѣми, кто его слушался... А он, Сталин, вождь многомилліоннаго народа и фактической глава совѣтскаго государства, не только не может прогнать, по своему усмотрѣнію, неугоднаго, дерзкаго маршала, но должен терпѣть униженіе, когда маршалы говорят ему в глаза, что он профан в военной стратегіи... Такого положенія он больше не мог переносить.

Свой дьявольскій и опасный план молніеноснаго уничтоженія всей верхушки Красной арміи, диктатор вынашивал в себѣ и разрабатывал в глубокой тайнѣ. И никому из совѣтских маршалов не могло придти на ум, что над их головами уже занесен острый совѣтскій серп.

Двуличный вождь не только не показывал своего недовольства маршалам и другим высшим командирам, а, наоборот, дѣлал вид, что идет им навстрѣчу. Он сообщил Ворошилову, что хочет пересмотрѣть проект Тухачевскаго и утвердить нѣкоторые спорные параграфы. И дѣйствительно, через нѣсколько дней были утверждены слѣдующіе пункты: учрежденіе закрытых средних военных учебных заведеній (кадетских корпусов), которые должны были открыться в Москвѣ, Ленинградѣ, Кіевѣ и Ростовѣ. А также в Ленинградѣ должно было открыться специальное морское училище для дѣтей, которые в будущем станут моряками.

Второе: — было дано согласіе на введеніе в арміи старой

русской формы с погонами, лампасами и генеральскими шинелями на красной подкладкѣ. Амрія должна была получить эту форму, как только она будет готова — не позже начала 1938 года.

Третье: — была утверждена новая шкала значительно повышающая жалованіе, как строевым командирам, так и преподавателям военных школ и Академій. И, наконец, была учреждена нагрудная медаль за двадцать лѣт безпорочной службы в Красной арміи.

Правда, Тухачевскій полагал, что прослужившій двадцать лѣт в арміи командир, заслуживает золотой медали, но Сталин рѣшил, что достаточно, если эта медаль будет отчеканена из чистаго серебра.

— Конечно, серебро — это бѣдно, — соглашался с Тухачевским Ворошилов, но вѣдь Іосиф Виссаріонович хочет доставить большую радость, только при возможно меньших расходах для государства.

— Тогда пускай он застрѣлится — буркнул Тухачевскій. — Расход будет не большой — пуля стоит шесть копеек, а уж радость будет огромная...

Ворошилов замахал на маршала руками и два дня ходил перепуганный, — не услышал ли еще кто-нибудь... Но Сталину об этом не донес.

Медаль — “Двадцать лѣт в РККА” совѣтскіе командиры получили скоро. Прибавку тоже. Но учреждение “кадетских школ” было затянуто на два с лишним года. Введеніе формы произошло только во время второй міровой войны, и, якобы по инициативѣ “великаго генералиссимуса”.

В то время когда маршал Тухачевскій был делегирован совѣтским правительством на похороны короля Георга Пятаго, в специальном секторѣ НКВД уже шла интенсивная подготовка к его уничтоженію. Сталин усиленно заботился, чтобы матеріалы обвиненія против верхушки арміи были уничтожающими и обоснованными. Поэтому видные сотрудники личной развѣдки диктатора были отправлены в Германію и другія страны, гдѣ бывал Тухачевскій в поисках компрометирующаго маршала матеріала. Я не знаю, какая связь существовала между однотипными учреждениями ГПУ и Гестапо, и дѣйствительно ли сталинским посланцам удалось там раздобыть уличающій матеріал? Хотя Гимлер мог охотно согласиться на фабрикацію таких документов, так как уничтоженіе Тухачевского, открытаго врага Германіи, могло быть только выгодно Третьему Рейху... Но я знаю другой факт: военачальникам, арестованным вмѣстѣ с ним, основным пунктом обвиненія была принадлежность к РОВС-у, который совѣтскими слѣдственными органами расшифровывался как Россійскій Офицерскій Военный Союз.

Насколько я могла понять из того запутаннаго слѣдственнаго матеріала, который слѣдователи в теченіе моего сидѣнія в тюрьмѣ “по дѣлу мужа” частично давали мнѣ читать и требовали, чтобы я подписалась под ним, то М. Н. Тухачевскій обви-

нялся в том, что он являлся “правой рукой генерала Миллера” и возглавлял подпольную организацию РОВС-а в Красной армии. А всё остальные съвшие с ним маршалы, командармы, комкоры, комдивы, комбриги, полковники и т. д. были начальниками отдѣлов РОВС-а групп и звеньев. Характерно было то, что в НКВД причислили к Россійскому Офицерскому Военному Союзу и тѣх командармов и высших военных, которые никогда не были офицерами царской армии.

Когда я говорила слѣдователям, что первый раз слышу о существованіи генерала Миллера (что было правдой), и никогда его не видѣла — мнѣ пояснили, что Миллер глава заграничного центра, организованного на средства иностранных развѣдок, и является агентом Германіи, Америки, Японіи, Англии и чуть не всѣх иностранных держав. Что он является звеном между иностранными развѣдками и Тухачевским и другими “заговорщиками”. Кромѣ Миллера я слышала еще от слѣдователя имя ген. Абрамова и в протоколах фигурировал еще бѣлый ген. Х. который давал показанія против Тухачевского, Путны, мужа и других, но фамилію этого генерала слѣдователи не расшифровывали.

Все что говорилось в протоколах о ген. Миллерѣ и Абрамовѣ — было голословно. Никаких бумаг, подписанных этими двумя генералами, я не видѣла. Не видѣли и сослуживцы мужа, вышедшіе впоследствии на свободу. Но у двух совѣтских генералов была очная ставка в 1938 году, в ноябрѣ или декабрѣ, с генералом Х. слѣдователь обращаясь к “Иксу” называл его “генерал” или “свидѣтель”. Этот генерал был немного выше средняго роста, свѣтлый шатен или даже блондин. Он был худощавый и имѣл хорошую выправку. Других особых примѣт у него не было. Давал он показанія видимо без давленія и держался очень спокойно и увѣренно.

В основном от меня требовали подписанія тѣх протоколов, в которых утверждалось, что многія конспиративныя собранія заговорщиков, с обсужденіем планов вооруженнаго возстанія, в “цѣлях сверженія совѣтскаго строя” происходили у нас в домѣ. Причем, там указывалось, что на этих собраніях присутствовали нѣкоторые комкоры и комдивы, которые вообще у нас никогда в домѣ не были. Разговоры, которые при мнѣ никогда не происходили... Очная ставка с двумя совѣтскими генералами, которые давали фантастическія, клеветническія показанія, не поднимая головы и не глядя мнѣ в лицо, еще яснѣе показала, что все слѣдствіе по дѣлу Тухачевского, моего мужа и других обвиняемых — только инсценировка.

Перед тѣм, как меня перевели из одиночной камеры в общую, с меня взяли подписку, что я “никогда не произнесу в камерѣ, или гдѣ-либо, слово РОВС, а если нарушу подписку, то буду разстрѣляна без суда и слѣдствія”.

Такую же подписку с меня взяли и послѣ объявленія мнѣ приговора, перед отправкой в пересыльную тюрьму. И, объявлявшій мнѣ приговор, высокой чин НКВД, устно добавил, что я должна вообще позабыть на всю жизнь это слово.

По возвращеніи из Англій, Михаил Николаевич нѣсколько раз имѣл случай бесѣдовать со Сталиным, который был с ним любезнѣй, чѣм обычно. Настроеніе маршала было прекрасное: выпускки командиров из военных училищ и слушателей академій обѣщали быть значительно лучшими, чѣм в предыдущіе годы. Армія должна была получить новый контингент болѣе культурных и знающих лейтенантов и старших офицеров разных родов войск, отлично окончивших академической курс. Окончив неотложныя дѣла в Москвѣ, Тухачевскій начал объѣзд военных училищ и частей других военных округов, провѣряя, что было сдѣлано в его отсутствіе. Телеграмму, срочно вызывающую его назад, в Москву, маршал получил будучи в Бѣлорусском военном округѣ.

Смѣщеніе Тухачевского с поста перваго замѣстителя Наркома Обороны и назначеніе на должность командующаго Приволжским военным округом, — ошеломило не только сотрудников Наркома Обороны и Главнаго Штаба, но и всю армію. Тухачевскій принял это, как пощечину. Сразу осунувшійся, непрерывно теребя “душащій его” воротник гимнастерки, он сидѣл и писал письма, — Ворошилову, в ЦК партіи и Сталину, требуя полной отставки и демобилизаціи.

Он писал, рвал написанное и снова писал. Отправив письма сказал:

— Возможно, погорячившись, я написал лишнее, но это ничего... они еще не раз вспомнят меня...

Вмѣсто отставки он получил от Ворошилова предписаніе, — немедленно выѣхать по мѣсту назначенія. Сталин молчал... Лучше всѣх отнесся к опальному маршалу Гамарник. Глава Политическаго Управления Арміи, не кривя душой, сообщил Тухачевскому, что у него есть копія постановленія ЦК партіи относительно снятія Тухачевского с поста Зам. Наркома.

— Кто-то под тебя, Михаил Николаевич, сильно подкапывался послѣднее время, — сказал он. Но, между нами говоря, я считаю, что всѣ обвиненія ерундовыя... Зазнайство, вельможничество и бытовое разложеніе, конечно... Бабы тебя сильно подвели, — эта... твоя блондинка Шурочка... И “веселая вдова” — Тимоша Пѣшкова...

— Со Скоблиной я уже нѣсколько лѣт тому назад порвал, — отвѣтил Тухачевскій, — а за Надеждой Алексѣвной больше ухаживал Ягода, чѣм я.

— А ты со Скоблиной не видѣлся, когда вернулся из Англій, не привозил ей подарков? — поинтересовался начальник Политуправленія.

— Не видѣлся и никаких подарков не привозил. Она мнѣ нѣсколько раз звонила по телефону, но я отвѣчал, что очень занят.

— И лучше не встрѣчайся с ней больше... И с Ягодой не соперничай... А в остальном положишься на меня. Обѣщаю тебѣ, что постараюсь это все распутать и увѣрен — ты не долго будешь любоваться Волгой, — вернем тебя в Москву

Михаил Николаевич вернулся от Гамарника нѣсколько успокоенным, но возмущаться не переставал.

— Когда у нас хотят съѣсть человѣка, то каких только гадостей ему не припишут, — говорил он шагая по комнатѣ. Разложеніе... три раза был женат. Ухаживаю за женщинами... Вот наш мышинный жеребчик — Михаил Иванович Калинин, отбил Татьяну Бах от Авербаха и третій год содержит ее в роскоши, и ЦК партіи покрывает всѣ “Бах-Бахи” всесоюзнаго старосты....

В тот же день Шура нѣсколько раз звонила Тухачевскому, говорила, что ей совершенно необходимо поговорить с ним “по очень, очень важному дѣлу”, но Тухачевскій сам к телефону не подходил и просил сказать ей и тѣм, с кѣм не хотѣл разговаривать, что его нѣт.

— Натворила, дуреха, из ревности дѣлов, а теперь лѣзет с раскаяніем.... — сказал он о ней.

Перед отъѣздом Тухачевскій был у Ворошилова. Тот принял его не один: в кабинетѣ наркома “случайно” оказался начальник Особого Отдѣла Московскаго Военнаго Округа.

— Когда я благодарил Клемента Ефремовича за “оказанное мнѣ довѣріе” — он был бѣлый, как стѣна, и совсѣм растерянный. Я собирал всѣ силы, чтобы не сорваться, но все же, уходя, оставил их с очень кислыми лицами, — рассказывал маршал дома.

“Мертвые срама не имут”, и потому я могу отмѣтить тот факт, что наиболѣе дружески, открыто выражая свое недоумѣніе, отнеслись к Тухачевскому его соратники, имѣвшіе пролетарское происхожденіе. Развѣдка Сталина несомнѣнно слѣдила за всѣми, кто пріѣзжал к опальному маршалу, и докладывала диктатору. Не пополнялись ли тогда списки предназначенных к уничтоженію?

Но были и такіе, которые сразу отшатнулись от Михаила Николаевича. Одно дѣло дружить с зам. наркома, а так как дальнѣйшая судьба маршала была неопредѣленной, то лучше было поостеречься. Так недвусмысленно сказал Эйдемани, когда Егоров предложил тому поѣхать к Тухачевскому.

— Знаете, лучше воздержимся от этого... Политбюро знает, что дѣлает. Без уважительных причин Тухачевскаго бы не сняли...

Эйедман, конечно, не предполагал, что меньше чѣм через мѣсяц он будет сидѣть на одной скамьѣ подсудимых с Тухачевским.

Шапошников, когда его муж спросил, что тот думает об отставкѣ Тухачевскаго, пожал плечами, потом отвѣтил умышленно громко, чтобы было слышно стоявшим рядом Буденному, Федько и Локтионову:

— Маршал Тухачевскій во многих случаях проявлял манію величія, а маніаки на высоком посту могут быть вредны.

Буденный повернулся, ухватил эти слова и сразу же стал приводить доказательства “зазнайства” Михаила Николаевича.

Через нѣкоторое время он взглянул на часы и заторопился, гордо сообщив, что его ждет Юсиф Виссаріонович.

Я не сомнѣваюсь, что он передал Сталину слова Шапошникова. Может они и рѣшили судьбу послѣдняго?

И еще мнѣ припомнилась одна, кажущаяся теперь странной, деталь. Во время самых тяжелых переживаній Михаила Николаевича, Ворошилов говорил с его женой, когда маршала не было дома. Нарком прямо сказал, что он боится, как бы отставка не толкнула Тухачевского на самоубійство. Просил ее слѣдить за маршалом и не давать падать духом. И даже посоветовал спрятать, на ночь, подальше револьвер и охотничье ружье. Незадолго до отъѣзда маршала на вокзал такую же неожиданную заботу проявил и Ягода, заѣхавшій за бывшей у Тухачевских Н. А. Пѣшковой. Когда жена маршала сказала, что теперь она засунула револьвер обратно в кобуру, глава НКВД покачал головой, задумался, потом вдруг предложил:

— А знаете что, — давайте, во избѣжаніе грѣха, вынем из револьвера заряженную обойму и вставим пустую... В купе он будет один — мало ли что, вдруг, придет в голову...

Много пережившей и перепуганной женщинѣ показалось, что это блестящая мысль. Ягода провѣрил, нѣтъ ли патрона в стволѣ, вынул пули из обоймы, быстро засунул ее в револьвер и, застегнув кобуру, положил пояс с револьвером на старое мѣсто.

Тухачевскій одѣваясь, чтобы ѣхать на вокзал, надѣл пояс, не провѣрив оружія. Кто, кромѣ самых отвѣтственных работников НКВД знает точно, гдѣ и когда был арестован Тухачевскій? Можно ли вѣрить словам шофера из штаба Бѣлорусскаго военного округа, будто бы бывшего свидѣтелем его ареста. Со слов шофера, Тухачевскій, благополучно пріѣхавшій на мѣсто назначенія, через два дня поѣхал на автомобилѣ в Тоцкіе лагеря, по пути его догнал на автомобилѣ начальник Особаго Отдѣла округа и сообщил, что маршала срочно вызывают в Москву. Он предложил маршалу пересѣсть в его автомобиль, чтобы штабной, — в нем еще ѣхал начарт округа, — мог ѣхать в лагерь и сообщить, что командующій не прибудет, т. к. вызван в Наркомат Обороны. При этом шофер добавил, что когда он объѣзжал машину Особаго Отдѣла, чтобы ѣхать дальше, то он, и начарт, успѣли замѣтить, что с маршала чекисты снимали “сбрую с револьвером”. Позже, болѣе авторитетные люди говорили мнѣ, что по их свѣдѣніям, Тухачевскій до новаго мѣста службы не доѣхал.

Выѣхал он из Москвы, вѣрнѣе из дома, 28 мая. И не разрядил ли Ягода его пистолет с той цѣлью, чтобы Михаил Николаевич не использовал его при арестѣ? Арестовать его в купе поѣзда (для него было забронировано отдѣльное купе) энкаведистам было легче и удобнѣе всего. Так был арестован позже, вызванный в Москву маршал Блюхер. Правда, жена получила от Тухачевского телеграмму, что он доѣхал благополучно, но эту телеграмму могло послать и НКВД, чтобы скрыть исчезновеніе маршала, до официального сообщенія об его арестѣ.

Если мнѣ не измѣняетъ память, в газетах сообщеніе об арестѣ “заговорщиков” Тухачевского, Корка, Эйдемана, Примакова, Путны, Якира, Уборовича и Фельдмана было напечатано 6-го іюня. Фактически это было сдѣлано раньше.

На другой день послѣ отъѣзда Михаила Николаевича из Москвы, — Шура Скоблина прибѣжала к нам в два часа ночи. Она была в изступленіи. Рвала на себѣ волосы, кричала, что безумно любит Михаила Николаевича и... что работая в НКВД, из ревности, сдѣлала много пакостей маршалу. Тогда я впервые узнала, что у Шуры есть заграницей дядя. Из ея сбивчивой рѣчи я могла понять только одно, что с дядей Шура завела связь, связь пагубную для Тухачевского. Шура хватала меня за руки, тащила идти к Сталину спасать Михаила Николаевича... Потом к Ворошилову, сказать ему о каких-то ложных письмах. Потом билась головой о стѣнку и кричала: “Проклятая я!! Проклятая”.

Мы сговорились к Сталину не ходить, а поговорить на утро с Гамарником, членом Военнаго Совѣта. Несмотря на мои уговоры Шура рѣшила идти домой. Проводив ее, я подошла к окну, посмотрѣть не сильно ли она шатается и дойдет ли... Не прошла она и пятидесяти шагов, как из стоявшаго у тротуара автомобиля выскочили два человѣка. Шура вскрикнула, но один зажал ей рот. Ее втащили в машину. Все это произошло в один момент...

Тухачевскій был смѣщен в маѣ 1937 года, а в іюнѣ того же года Особое засѣданіе военнаго трибунала, под предсѣдательством Ульриха, творило “суд скорый и справедливый” над Тухачевским, Уборовичем, Примаковым, Корком, Якиром, Путной и Эйдеманом...

В числѣ судебных засѣдателей от Наркомата Оборонны и Реввоенсовѣта были: маршалы Ворошилов, Блюхер, Егоров и Буденный и командрам перваго ранга Б. М. Шапошников... Отсутствовал, намѣченный быть членом суда — начальник политическаго управленія РККА и замѣститель Ворошилова по политической части — Ян Гамарник.

Гамарник оказался одним из немногих, у которых хватило мужества поступить честно. Вот что рассказывал один видный сотрудник Политуправленія, выскочившій из разгрома живым, но просидѣвшій больше года в тюрьмѣ.

Наканунѣ объявленія о раскрытіи “заговора Тухачевскаго”, вечером, послѣ совѣщанія, Гамарник задержал меня для рѣшенія нѣкоторых текущих дѣл. Не успѣли мы закончить работу, как в кабинет вошел замѣститель Ягоды, по арміи — Фирин. Отказавшись сѣсть (очень спѣшил), он положил на стол перед начальником политуправленія какую-то бумагу. Гамарник взял ее. Прочитал. Потом откинулся на спинку кресла и нѣсколько секунд молча смотрѣл на особиста. По ужасной блѣдности, покрывшей его лицо — я понял, что произошло что-то страшное...

— Я не могу повѣрить этому... прорѣзал тишину измѣнившійся, ставшій металлическим, голос Гамарника.

— Приходится вѣрять... — пожал плечами Фирин. — Поговорим послѣ. Пока подпишите, — я очень тороплюсь...

— Я не подпишу, — отчеканил Гамарник.

— То есть, как не подпишите?! — изумился тот и даже сѣл. — Клемент Ефремович подписал...

— Его дѣло, — сухо отрѣзал Гамарник. — Повторяю — я не подпишу!

— Я должен немедленно доложить о вашем отказѣ Наркому, — вставая, официально строгим тоном заявил замѣститель Ягоды.

— Можете. Но своего слова я не измѣню.

— Хорошо! — угрожающе сказал тот и, взяв бумагу со стола, вышел не попрощавшись.

Нѣкоторое время длилось молчаніе, которое я не рѣшался нарушить. Потом Гамарник начал звонить Ягодѣ. Из отрывистых фраз я не мог уловить сути дѣла.

— Хорошо... пріѣзжай, жду... — закончил он разговор и, повернувшись ко мнѣ, сказал:

— Сейчас я должен говорить с наркомом. Вы просмотрите эти бумаги у себя. Когда я освобожусь, мы рѣшим, что сдѣлать по этим вопросам.

Через нѣсколько минут я услышал быстрые шаги по коридору. По тому, что прошедшій вошел в кабинет нач. политуправленія без стука, я догадался, что это Ягода. Через плотную стѣну не мог слышать слов, но шум спора, когда возвышались голоса, доносился ко мнѣ. Ягода пробыл там около получаса. Но по захлопнутой им с силой послѣ ухода двери, я понял, что Гамарник остался вѣрен себѣ.

Когда по зову начальства я вернулся в кабинет, то был поражен, как осунулся, постарѣл Гамарник за эти полчаса-час.

— Заканчивайте работу сами, — сказал мнѣ комиссар. — Потом посмотрѣл на меня, добавил тѣм же металлическим голосом, каким говорил с Фириним, а может быть и с Ягодой...

— Тухачевскій, Эйедман, Примаков, Уборевич, Корг, Якир, Путна и Фельдман обвиняются в заговорѣ против правительства с цѣлью произвести военный переворот. Это совершенно невѣроятно... Я в это не вѣрю. И отказался подписать без доказательства вины приказ об их демобилизаціи из арміи и арестѣ. Да... да... все это так... Завтра вы узнаете об этом официально... Кстати, есть новая директива ЦК и Совнаркома — приказ: каждый военнотрудовой, подлежащій аресту, должен быть предварительно демобилизован из арміи, хотя бы за час до его ареста... — Лицо комиссара искривилось. Он хотѣл еще что-то добавить, но потом только махнул мнѣ рукой — “идите”.

Закончив работу, я уже собирался уходить, когда услышал в кабинетѣ нач. Политуправленія треск, похожій на выстрѣл. Бросился туда. Гамарник лежал грудью на столѣ и из-под его бороды стекала на пол кровь... Вбѣжавшій одновременно со мной Славин, приподнял его голову — в вискѣ была рана — Гамарник был мертв.... На столѣ, придавленные снятыми ор-

денами, лежали письма, — одно — Политбюро, другое — Сталину.

Не успѣли мы со Славиним придти в себя, зазвонил телефон: — кто-то спросил Гамарника. Я спросил, кто говорит? Узнав, что секретарь Сталина — Поскребышев, — сообщил ему, что с начальником Политуправленія произошел “несчастный случай”. “Какой? — довольно равнодушным тоном спросил тот. — Застрѣлился? Этого можно было ожидать... Товарищ Фирин уже выѣхал к вам”...

Дѣйствительно, Фирин входил в это время в дверь. Спѣшив, приостановился на порогѣ. Потом выглянул в коридор, сдѣлал кому-то знак. Не прошло и минуты, в кабинетъ начали хозяйничать сотрудники особых отдѣлов. Один звонил, приказывал подать носилы, другой осматривал стол, остальные шкаф с бумагами, ящики стола и прочее. Фирин засовывая себѣ в портфель ордена Гамарника и оставленные им письма, сказал Славину и мнѣ:

— Вы сами, товарищи, понимаете, что разглашать этого, — он кивнул подбородком на лежавшаго уже на полу Гамарника, у котораго один из его помощников осматривал содержимое карманов, а другой дѣловито острым ножичком, срѣчал знаки отличія с воротника и комиссарскую звѣзду с рукава, — никак нельзя. Гамарник был замѣшан в тягчайших преступленіях, и у меня есть ордер на его арест. Не удивляйтесь — мерзавцы могут хорошо маскироваться и пролѣзть всюду. Нужна бдительность и бдительность... Он предчувствовал, что будет разоблачен и поспѣшил улизнуть от правосудія... .

“Все это, конечно, было не так, — мрачно закончил рассказчик, — Гамарник застрѣлился именно потому, что не хотѣл участвовать в преступленіях...”

Дьявольски хитро обдуманый суд над Тухачевским и его сора́тниками был построен на контрастах. Одна часть подсудимых — Тухачевский, Примаков, Якир и Фельдман категорически не признавали себя виновными, — другая, признаваясь во всем, “уличала” остальных. НКВД хорошо знало характер маршала Тухачевского, учло, что оскорбленный до глубины души смѣщеніем с поста зам. Наркома Обороны, он еще больше был оскорблен, озлоблен арестом и возмущен приписываемыми ему преступлениями, а поэтому будет вести себя на судѣ вызывающе, как это полагается “красному Бонапарту”. Не было смысла примѣнять “научные методы слѣдствія” к горячему, прямому Якиру, а также к Примакову и Корку, которые будут поддерживать Тухачевского и Якира. Зато были отлично обработаны Эйдеман, Уборевич, Фельдман и Путна.

“Вид у Эйдемана, Уборевича, Путны и Фельдмана был очень странный”, — рассказывал один из присутствовавших на судѣ, — внешне они выглядѣли не плохо, но была какая-то странная апатичность и в голосѣ, и в движеніях, и это ненатуральное хладнокровіе, с каким они признавали всѣ обвиненія, топили себя и других. Противоположностью им являлись Тухачевский, Якир, Примаков и Корк, которые вначалѣ казались ошеломленными, сбитыми с толку поведеніем других подсудимых, а потом озлобились, стали черезчур рѣзки и грубы. Ульрих часто обрывал их и угрожал выводом из зала.

— Кто кого судит? — оборвал он Тухачевского. — Не забывайте, что вы — подсудимый. Трибунал не интересуется, что вы думаете об Уборевичѣ и Путнѣ, нас интересуют ваши преступления перед партией и совѣтским народом, в которых уличают вас ваши же единомышленники и друзья.

— Да они ненормальные! — крикнул со своего мѣста Якир. — Мы не знаем, что вы с ними сдѣлали...

— Подсудимый Эйдеман, — спрашивает прокурор. — Вы себя чувствуете нездоровым или ненормальным?

— Нѣтъ, я здоров и чувствую себя вполне хорошо, — отвѣчает тот, глядя на прокурора пустым, спокойным взглядом.

— Вы дадите показанія без давленія с чьей-либо стороны?

— Да.

— А вы, Уборевич?

— Я тоже здоров.

— Вы, Путна?

Путна поднимает блѣдное лицо и смотрит, как будто не понимая вопроса. Прокурор раздѣльно повторяет ему.

— Я здоров, — говорит тот флегматично, — Признаю себя виновным без давленія со стороны слѣдователя и трибунала.

Тухачевскій и Якир переглядываются. Примаков пожимает плечами...

Странное и очень непріятное впечатлѣніе произвел не только на меня, но и на других присутствовавших на судѣ, случай с Дыбенко. Вызванный в качествѣ свидѣтеля “красавец Дыбенко” был явно не такой, каким мы привыкли его видѣть. У меня мелькнула даже мысль, не начал ли он снова нюхать кокаин, что он одно время дѣлал. Потом рѣшил, что может быть, он сильно кутнул накануне и потому “не в себѣ”.

Дыбенко давал очень важныя показанія против Тухачевского и Примакова.

— Дыбенко! А ты помнишь третье августа? — крикнул ему с мѣста Корк.

На вопрос суда, что означает третье августа, Корк пояснил, что в этот день Примаков спас жизнь Дыбенко.

— Это не относится к дѣлу. — Оборвал председатель. — Продолжайте, свидѣтель.

Но Дыбенко “споткнулся”: он задумался и наморщив лоб повторял: — “третье августа... третье августа...”

— Товарищ Дыбенко, — вмѣшался прокурор, — если вы чувствуете себя нездоровым, трибунал опросит вас позже. Теперь вы можете идти отдохнуть.

Свидѣтель, опустив голову, направился к дверям. Но через нѣсколько минут в коридорѣ послышался шум голосов, тяжелое шарканье ног и, волоча за собой нѣскольких дежурных особистов, ввалился в зал Дыбенко. Лицо у него было такое, какое бывало в боях: взгляд стал живым и горѣд отвагой.

— Товарищи!!! — крикнул он, обращаясь к Тухачевскому и другим подсудимым. — Не вѣрьте им! Не вѣрьте тому, что говорил....

В этот момент, общими усилиями, Дыбенко выставили из зала. Дверь захлопнулась, — фраза осталась оборванной на половинѣ. Но в коридорѣ еще продолжалась возня. Голос Дыбенко продолжал взывать “Товарищи! Братишки!”, а потѣм выкрикнул длинное циничное ругательство...

Председатель, чтобы замаять инцидент, объявил двадцатиминутный перерыв, не дав Тухачевскому слова.

В перерывѣ, взволнованный Ворошилов старался выяснитъ, гдѣ Дыбенко.

— Он в порядкѣ, — сказал улыбаясь Фирин. — Ничего страшнаго... Может, подвыпил, а потом разнервничался... Все это слѣды гражданской войны... Многих контузій... С ним сейчас врач, — пусть Дыбенко успокоится, отдохнет.

Послѣ перерыва, очень блѣдный, но подтянутый, Дыбенко-

появился снова на свидѣтельском мѣстѣ

— Вы, кажется, что-то хотѣли сообщить дополнительно суду, товарищ Дыбенко? — обратился к нему Ульрих.

— Да. Прошу извинить меня, но я разнервничался потому, что меня глубоко возмутило заpiresательство подсудимых.

— Значит, вы хотѣли предупредить трибунал, — вмѣшался прокурор. — Этим можно объяснить ваш возглас — “не вѣрьте им”?

Дыбенко вертит головой, будто отгоняет назойливую муху, потом вяло произносит:

— Да, это так.

Задав ему два, три вопроса, касающіеся его боевого прошлого и контузій, Ульрих отпускает Дыбенко.

К концу суда Тухачевскій, Якир, Примаков и Корк сдали. Чувствовалось, что они поняли всю безысходность своего положенія и тщетность попыток опровергнуть обвиненія. “Нас ничѣм уже не удивишь, мы поняли все, — только кончайте поскорѣ комедію, — говорил весь их вид. Но все же они не признали себя виновными в заговорѣ, шпіонажѣ и других приписываемых им преступленіях. И их послѣднія выступленія были очень неприятными для всего состава суда.

— За свои сдѣланные в жизни ошибки, за то, что я повѣрил совѣтской власти и партіи и честно служил им, — я расплачусь своей головой, — сказал в своем послѣднем словѣ Тухачевскій. Просить снисхожденія я не стану, потому что ни один здравомыслящій человек не может уважать суд, основывающійся на фальшивках, годных только для детективных романов третьяго сорта. Вы считаете себя судьями, — а я вам говорю, что вы, а не мы, преступники. И рано или поздно, вы получите за свою подлость возмездіе судьбы. Вы всѣ вспомните меня, когда будете сидѣть на вот этой скамьѣ подсудимых или стоя у стѣнки, гдѣ завтра буду стоять я...

Тухачевскаго прервали и с большим трудом заставили замолчать... Но на заключительный вопрос суда о послѣднем желаніи подсудимаго, — маршал отвѣтил:

— Я хочу, чтобы вы передали Юсифу Джугашвили — Сталину, что он, а не я, враг народа и красной арміи, что он преступник, каких еще свѣт не видал...

— Уведите этого оголтѣлаго изверга, прихвостня капитализма!!! — истерическим голосом крикнул Ульрих.

Послѣ окончанія инсценировки НКВД “Правда” сообщила: “Судебный процесс Тухачевскаго, Эйдемана, Уборевича, Корка, Фельдмана, Путни и Якира выяснил, что эти враги народа, изверги, шпіоны, капиталистическіе прихлебатели, выполняющіе волю своих хозяев-иностраннх буржуазных развѣдок, ставили своей цѣлью подрыв обороны страны, облегченіе иностранной интервенціи, подготовку пораженія Красной арміи, разрушеніе совѣтскаго государства, расчлененіе СССР, уничтоженіе завоеваній рабочих и колхозников, возстановленіе капиталистическаго рабства в СССР. Совѣтскій суд приговорил этих извергов, шпіонов, буржуазных прихлебателей и врагов совѣт-

скаго народа к разстрѣлу. НКВД привел приговор в исполне-
ніе” (газ. “Правда”, іюнь 1937 г.).

Для большинства участников суда, предсмертное пророчество маршала Тухачевского оправдалось очень быстро. Первым исчез нарком внутренних дѣл СССР — Генрих Ягода. Он слишком много знал, какими способами Сталин отправил на тот свѣтъ неугодных ему людей: — обстоятельства смерти Менжинского и Куйбышева, а также подготную процессов Николаева и Тухачевского. “Мавр сдѣлал свое дѣло — мавр может уйти...” Арестовывал Ягоду Поскребышев вмѣстѣ с довѣренным чекистом С. Кругловым. Поскребышев имѣл мандат, лично подписанный Сталиным, на изытіе из служебнаго сейфа Ягоды всѣх документов для “провѣрки преступной дѣятельности” послѣдняго самим вождем. Вслѣд за Ягодой был арестован Фирин и нарком внутренних дѣл Украины Балицкий. Потом исчезли другіе “мавры” из НКВД и Наркомата Юстиціи — сам нарком юст — Николай Крыленко (он же первый революціонный главнокомандующій Красной арміей), а за ним и предсѣдательствовавшій на процессѣ Тухачевского — Ульрих.

На пост наркома внутренних дѣл Сталин назначил “свѣжаго”, не работавшаго до того в органах ЧК-НКВД человѣка — Николая Ивановича Ежова.

Ежову было в то время около 35 лѣт. Он отличался маленьким ростом и большой энергіей. Работая на партійно-административной должности в Кремлѣ, Ежов был связан и с личным секретарем Сталина. Он пользовался таким расположеніем вождя, что его тогда за глаза называли “пріемным сыном хозяина”. Поэтому, сразу, как только Ежов был назначен на мѣсто Ягоды, льстецы из ЦК партіи стали его величать “желѣзным наркомом”.

Слѣдствие по “дѣлу Тухачевского” было организовано еще при Ягодѣ с благословенія Сталина так, что от него потянулись “нити” к другим высшим командирам, якобы причастным к заговору. Еще не успѣли разстрѣлять маршала Тухачевского и его несчастных соратников, как были схвачены: замѣститель Ворошилова — Локтіонов, замѣстители начальника Главнаго Штаба — Петин и Левичев. На мѣсто арестованнаго командующаго Ленинградским военным округом — Бѣлова, был назначен Дыбенко, отдыхавшій болѣе месяца в подмосковной санаторіи после процесса Тухачевского. На посту командующаго ЛВО Дыбенко пробыл недолго, — он был снят и назначен директором рыбнаго треста в Мурманск. Но не доѣхав до мѣста назначения исчез в нѣдрах НКВД. Одновременно с Бѣловым были арестованы и командующіе другими военными округами: командарм Каширин (Сѣверо-Кавказскій округ), командарм Куйбышев (Закавказскій военный округ), командарм Левандовскій (Приморскій военный округ), комкор Горностаев, комкор Чайковскій, командарм Сѣдякин, командарм Алкнис, комкоры Лонгва, Калмыков, Пашковскій и нач. бронетанковых сил Халепскій.

О них в совѣтской прессѣ ни в партійной, ни в военной не писалось. О причисленіи их к заговору Тухачевского сообщали комиссары на закрытых собраніях команднаго состава частей.

Совѣтскіе командиры с ужасом и трепетом внимали таким сообщеніям, которыя обязательно сопровождались этикетами:

— ...Измѣнник родины, — германскій и японскій шпіон...

— ...Враг народа — англійской и американской развѣдки...

— ...Охвостье предателя Тухачевского, — агент польской и французской развѣдки...

НКВД старалось добиться — кто же был “связан” с послѣдующими арестованными. Под всевозможными пытками, нѣкоторые из них не выдерживали и “признавались”, а, слѣдовательно, тянули за собой своих ближайших сотрудников и друзей. Признавшіеся и не признавшіеся командармы, комкоры и комдивы не подлежали гласному суду военного трибунала, для них были созданы специальныя “тройки НКВД”, которыя выносили им приговоры: “к разстрѣлу”.

Ежов, получившій в свои руки матеріалы слѣдствія по дѣлу Тухачевского “с полным признаніем вины” Эйдемана, Путны, Фельдмана и Уборевича, а также “признанія” нѣкоторых уже разстрѣлянных командармов, — потребовал от своих подчиненных “вырвать с корнями всю сорную траву” — ликвидировать всѣх, кто хоть чѣм-нибудь был связан с “врагами народа”.

Причисленіе Гамарника к заговорщикам вызвало чистку и аресты высшаго политсостава. Сѣвшій на мѣсто Гамарника бывший редактор “Правды” Лев Мехлис не пытался отстаивать тѣх, кто работал с Гамарником. Вслѣд за командующими округами были арестованы почти всѣ начальники политических отдѣлов и комиссары корпусов, “работавших с врагами народа”. Первым исчез замѣститель Гамарника член ЦК Булин, вмѣстѣ со своим другом, армейским комиссаром Ланда. За ними армейскій комиссар Радіонов, начальник Московскаго Дома Красной арміи. Потом пошли другіе: комиссар Артакадеміи Ганин, корпусный командир Вейнерович, дивизионный комиссар Зиновьев, — всѣх их не припомнишь...

“Железный нарком” Ежов дал на страницах “Правды” торжественную клятву вождю и партіи, что “выжжет каленым желѣзом” всѣ остатки контрреволюціи. Во всѣх военных учрежденіях и частях прошла третья и самая сильная волна арестов. Исчез присутствовавшій на судѣ над Тухачевским знаменитый маршал Блюхер. Начальника Главнаго Штаба, маршала А. И. Егорова, пріѣхавшіе арестовывать его энкаведисты взяли только мертвым. В отместку они разстрѣляли его жену и сына. Затѣм был арестован замѣститель Егорова — командарм Менжинов, начальник артиллеріи РККА, комкор Н. М. Роговскій и его первые замѣстители комдивы В. А. Городисскій и Л. П. Андріяшев. Начальник артиллерійской академіи комкор Трузна и ряд лучших преподавателей Артакадеміи. В танковой академіи был объявлен “врагом народа” нач. штаба академіи Рудинскій и также многіе профессора. Не миновали такой же

участи и начальник военных вузов — Славин и комдив Клычко, начальник Гражданского военного флота комкор Ткачев, нач. авиации Осоавиапхима комдив Уралов и его старый соратник, нач. Центрального аэродрома комдив Дейч, комкор Рокоссовский и комдив Стельмах.

Сильно пострадал и флот: вслѣд за двумя начальниками военно-морских сил Муклевичем и Орловым, были разстрѣляны командующіе: Тихоокеанским флотом — Викторов, и Балтийским — Сивков. Исчезли и многіе капитаны 1-го и 2-го рангов.

Послѣ Блюхера командующим ОКДВА был назначен протеже Ворошилова — Федько, тоже скоро исчезнувший без вѣсти. А Левандовскаго замѣнил Штерн.

Штерн был одним из самых молодых совѣтских военачальников. Он родился в 1900 году и, будучи студентом, вступил во время гражданской войны в Красную армию. В 1920 году он бы комиссаром полка. Послѣ окончанія гражданской войны он рѣшил переквалифицироваться в строевого командира. Он окончил военные курсы, а затѣм курсы усовершенствованія. Прокомандовав кавалерійским полком, Штерн выдержал экзамен в Академію им. Фрунзе и, по отзывам Шапошникова, был одним из самых даровитых слушателей. Послѣ академіи он командовал кавалерійским корпусом, стоявшим в Бѣлорусси.

Григорія Михайловича Штерна Тухачевскій почему-то никогда не любил, хотя и отзывался о нем, как о способном комкорѣ. Это казалось странным, так как Штерн принадлежал к категоріи пытливых и упорных людей, каких маршал всегда цѣнил. Но я знаю, что когда еще в самом началѣ тридцатых годов обсуждались кандидатуры Г. М. Штера и К. К. Рокоссовскаго, — Тухачевскій отстаивал послѣдняго. Он считал Константина Константиновича одним из самых талантливых, волевых и дисциплинированных командиров.

В тѣ времена Рокоссовскій, стройный, всегда подтянутый, прекрасно воспитанный, лучший танцор на балах, лихой наѣздник, остроумный собесѣдник, — выдѣлялся из среды слушателей академіи им. Фрунзе. Отличался он и во время проведенія и разборов игр. Тогда он считал себя русским. И таких "поляков", как он, в армии было немало: А. А. Верцинскій, преподаватель Артиллерійской академіи Кирилло-Губецкій (позже был военным атташе во Франціи под фамиліей Кириллова), Кноп-Прушинскій, Таранович, Подвысоцкій, Запольскій и другіе. Не только их отцы, но дѣды, а то и прадѣды служили офицерами в русской армии и воспитывали своих дѣтей в русских кадетских корпусах.

Послѣ окончанія Академіи Рокоссовскій мог попасть в Генеральный Штаб, но Тухачевскій хотѣл имѣть его в строю. Маршал любил выдержанных и тактичных командиров частей, имѣвших личную инициативу.

У Штерна не было такта и сквозила самовлюбленность. Оставалась еще и закваска комиссара времен гражданской

войны. Он считал, что ему должны доверять, как никому. Будучи командиром корпуса, он проявил чрезмерную бдительность по отношению к командному составу — “впутывался в склочные дела”.

Во время событий 1937-38 г. г. бдительность Штерна нашла широкое применение. У него была прекрасная репутация в Политуправлении РККА и огромные связи в Особых Отделах армии и в самом НКВД. В обвинениях, предъявленных на суд Тухачевскому, фигурировала и фамилия Штерна, как “одного из лучших высших командиров, которого маршал, по контрреволюционным мотивам, старался не выдвигать... Следовательно, Штерн успел еще раньше пожаловаться... По наветам того же Штерна сел в тюрьму Рокоссовской. Нынешний “советско-польский” маршал получил тогда, по приговору Особого Совещания, пятнадцать лет ссылки в концлагеря. Другой, комдив, посаженный тоже Штерном, но выпущенный из тюрьмы через два года, сидевший в одной камере с Рокоссовским, рассказывал, как издевались следователи над последним, принуждая подписать протокол обвинения. Могло ли прийти в голову пытавшим и ссылавшим Рокоссовского, что “враг народа” станет через несколько лет героем Второй мировой войны, маршалом Советского Союза и марионеточным маршалом Польши?

Задумав уничтожить неугодных ему маршалов и командиров, Сталин накрутил до отказа пружину аппарата НКВД, и остановить карательную машину было, при советской системе, невозможно. Получив директивы из центра “очистить армию”, “выжечь каленым железом врагов народа” и “вырвать всю сорную траву с корнями”, начальники Особых Отделов НКВД военных округов и частей старательно эту инструкцию выполняли. Вышние и старшие командиры, служившие когда-либо под непосредственным начальством Тухачевского или кого-либо из разстрелянных с ним, или арестованных позже маршалов и командармов, — забирались пачками. Но каждому начальнику Особого Отдела и каждому следователю хотелось еще отличиться перед Москвой, обнаружить “крупного шпиона”. От страшного командного состава пытками вымогались показания, что они получали “контрреволюционные задания” свыше, и не только от тех, кто уже были разстреляны и арестованы, но и от находящегося на свободе командарма комкора или комдива. Не выдержав пыток, некоторые подследственные такие показания подписывали... Материалы эти немедленно препровождались в Москву, и вышние командиры, только что назначенные на места исчезнувших “врагов народа”, объявлялись “прихвостнями Тухачевского” — попадали в застенки Лубянки, Бутырок или “Крестов”.

Бывали и конфузы: иногда сотрудники Особых Отделов на периферии, нацелившись на “крупного бобра”, попадали в тех высших командиров, которые сами состояли секретными сотрудниками НКВД. В обвинительных протоколах “начальни-

ками групп РОВСА” назывались и тѣ, которые никогда не были арестованы, напимѣр, — комкор Сафронов, Кулик, комдивы Кожевников, Шуваликов... Они разгуливали на свободѣ, в то время как “члены их группы” получали, как “минимум”, пять лѣт концлагерей.

Мнѣ рассказывали, что сильно выпившій комдив Шуваликов слезно жаловался своим двум собутыльникам: “Подумайте, какой мерзавец полковник Д. Я девятнадцать лѣт работаю в НКВД, а он показывает, что я “враг народа”!

К концу 1938 года порѣдѣніе руководящаго и команднаго состава в верхах и в частях арміи стало настолько катастрофичным, что Сталин дал негласный приказ временно пріостановить слѣдствія по дѣлам высшаго и старшаго начальствующаго команднаго состава. НКВД стало разгружать тюрьмы, — высылать в слѣшном порядкѣ тѣх, кому успѣли вынести приговор до сталинскаго распоряженія.

Очистив от потенциально опаснаго руководства Красную армію и флот и поставив во главѣ их своих ставленников, диктатор рѣшил не медля покончить со всѣми соратниками Ленина и с устарѣвшими для его политической линіи ветеранами партіи и революціи.

В мартѣ 1938 года был инсценирован в Москвѣ новый процесс: Бухарина, Крестинскаго, Чернова, Раковскаго и др. Этот процесс был подготовлен почти цѣликом “на базѣ особаго секретнаго слѣдствія”. К нему был ловко приплетен и бывший Нарком Внутренних дѣл — Генрих Ягода, который прочувствовал сам, послѣ ареста, все научное и не научное “искусство” своих бывших подчиненных, добывать необходимыя Сталину “признания”...

Об этом процессѣ много уже писали за границей, поэтому я ограничусь только перечисленіем наиболѣе важных государственных и партійных дѣятелей, исчезнувших в 1938 году: замѣститель предсѣдателя Совнаркома СССР и член Политбюро — Ян Рутзук, второй замѣститель — Чубарь и третій замѣститель предсовнаркома и предсѣдатель Госплана СССР В. И. Межлаук; нарком юстиціи СССР — Крыленко, наркомы просвѣщенія — Бубнов (СССР) и Затонскій (УССР), предсѣдатель комиссіи партійнаго контроля ЦК партіи — И. И. Межлаук; секретарь ЦК СССР — Акулов, наркомы: воднаго транспорта Шумяцкій и путей сообщенія — Рухимович; наркомы земледѣлія — Эйхе (СССР) и Шлихтер (УССР); предсѣдатель Совнаркома УССР Любченко застрѣлился во время ареста); член Политбюро и секретарь ЦК УССР Коссіор и его замѣститель, кандидат в Политбюро, Постышев. И, наконец, наркомы внутренних дѣл УССР — Балицкій и Успенскій.

В это время газета “Правда” писала в передовой статьѣ: “Судебные процессы показали, что эти подонки чловѣческаго рода состояли в заговорѣ против, Ленина, против партіи, с первых дней Октябрьской революціи: выдача государст-

венных тайн и снабженіе иностранных развѣдок, злодѣйскія убійства Кирова, Менжинскаго, Куйбышева, Горькаго — всѣ эти злодѣянія проводились на протяженіи десятков лѣт по заданіям иностранных развѣдок”.

(“Правда”, 4-е апрѣля 1938 г.).

Непревзойденный кремлевскій цинизм ярче сказался в рѣчи наркома внутренних дѣл Ежова, опубликованной во всѣх совѣтских газетах:

“В мірѣ нѣтъ ни одного государства, гдѣ органы государственной безопасности были бы так тѣсно связаны с народом, так отражали бы интересы этого народа, стояли бы на стражѣ завоеваній народа. В капиталистическом мірѣ органы развѣдки являются наиболѣе ненавистной частью государственнаго аппарата для широких масс трудящагося населенія, поскольку они стоят на стражѣ интересов господствующей кучки капиталистов. У нас, наоборот, органы совѣтской развѣдки, органы государственной безопасности стоят на стражѣ интересов совѣтскаго народа. Поэтому они пользуются заслуженным уваженіем, заслуженной любовью совѣтскаго народа”.

(“Правда”, 24 ноября 1938 года).

Но вскорѣ, неожиданно для всѣх, исчез и сам “желѣзный нарком” Ежов, оставив навсегда в памяти російских народов жуткій восемнадцатимѣсячный разгул совѣтской инквизиціи, названный подсовѣтскими людьми “ежовщиной”.

Официально никто никогда не обмолвился, что Ежов “враг народа”. О его судьбѣ догадывались по исчезновеніи имени “желѣзнаго наркома” со страниц совѣтской прессы, да потому, что портреты Ежова, “украшавшіе” стѣны клубов и учреждений, были сняты.

В СССР есть два рода слухов. Одни проникают в народ, и за распространеніе таковых жестоко карают. Другіе распространяются и вѣдряются в народ сверху — они не опровергаются и не караются... Как отзвук частной бесѣды одного из членов правительства с одним “избранником народа”, депутатом Верховнаго Совѣта, в народ был пущен слух, что “Ежов перегнул”, и за это его устранили. Но еще раньше в народ проник слух, что, не выдержав порученной ему Сталиным работы, “желѣзный нарком” сошел с ума.

Конечно, немудрено и рехнуться, отправляя ежедневно, в теченіе почти двух лѣт, сотни, а то, пожалуй, и тысячи ни в чем не повинных людей на разстрѣлы и на вѣрную смерть, в концлагери. Особенно, если среди них попадались не только добрые знакомые, но и друзья... Только — всѣ знают, что когда “справедливый меч уважаемой и любимой совѣтской развѣдки” сносил головы тѣх, кто мог помѣшать Сталину, то коварный дикатор подкладывал под этот меч и тѣх, кто при помощи преступленій помог ему быстро подняться по ступенькам из трупов членов партіи к вершинѣ коммунистической власти. При загадочных обстоятельствах скоропостижно скончался Феликс Дзержинскій, Менжинскаго убили свои же люди из НКВД. Ягода убрал, оказавши Сталину большую услугу,

Медвѣдя и Запорожца... Ежов — Ягоду. Ежова — Берію... А Берію — Сѣров. Кажется, заодно новый сатрап из МВД прикончил и Круглова, знавшаго черезчур много о послѣдних минутах жизни “мудраго, великаго и обожаемаго вождя народов”... Впослѣдствіи, кто-нибудь, уберет и Ивана Сѣрова...

Ото всей “ленинской гвардіи” остались, только для вида, четыре вывѣски: преждевременно состарившіяся и потерявшія всякую рѣшительность Калинин, осторожный, никогда не возражающій вождю Молотов, преданный глава арміи, “легендарный Клим Ворошилов” и безвредный, бывшій кандидат в католикосскіе священники Анастас Микоян, да Каганович*).

Тогда всѣ восхваленія Сталина провозглашались в превосходной степени и к ним прибавилось: “мудрѣйшій творец конституціи”, “любимѣйшій отец, друг и вождь народов”, “прозорливѣйшій политическій дѣятель нашей эпохи” и “геніальнѣйшій теоретик и практик марксизма-ленинизма, а также “непревзойденный ученый во всѣх отраслях наук”. Сталинскіе портреты, бюсты, статуи писались, ваялись и отливались из бронзы в несчетном количествѣ и “вводились в быт”, как обязательное украшеніе всѣх частных домов, клубов, совѣтских государственных учреждений и городских площадей.

Его усы и трубка стали извѣстны всему свѣту, как гитлеровская “Мейн Камф”, зонтик Чемберлена, сигара Черчиля.

Тогда Сталин рѣшил, что настало время для осуществленія его завѣтной мечты: показаться западному міру “во весь рост” и об-руку со своим тайным кумиром — Гитлером. Молотов был командирован в Германію для выясненія ситуации и для заключенія совѣтско-германскаго договора о дружбѣ...

Все это дѣлалось в глубокой тайнѣ, не только от народа, но и от большинства членов ЦК партіи и даже Политбюро. Вернувшись из Германіи, Молотов явился прямо с вокзала на квартиру вождя и пробыл там около трех часов.

Когда на приуроченном к этому событію пленумѣ Политбюро Молотов объявил о пактѣ дружбы между коммунистическим СССР и націонал-соціалистическим Третьим Рейхом, — многіе были сильно шокированы. Ворошилов был этим так потрясен, что в нем проснулся боевой дух, — он очень рѣзко высказался против и еще посмѣл добавить, что “когда Молотов вернулся послѣ правительственной командировки из Германіи, то он был обязан в первую очередь доложить о результатах поѣздки на экстренном собраніи Политбюро, а потом уже вести частные разговоры”. Наркома обороны очень энергично поддержал в этом Жданов. Сказалась старая закваска и в Калининѣ — возстал и он, заявив, что пакт с Гитлером — непродуманный, опрометчивый шаг, который уронит престиж Политбюро в СССР и за рубежом...

Диктатор, отлично отдававшій себѣ отчет, что такой пакт будет ударом для правовѣрных партійцев, смекнул, что самым

*) Событія послѣдних дней показали, что и Молотов и Каганович и «новички» Маленков и Шепилов, — тоже могут быть легко сняты или ликвидированы.

лучшим способом самозащиты явится нападение... Он напал на послѣдній пункт обвиненія Ворошилова, сказал, что Молотов именно и пришел к нему, к первому, по поводу срочнаго созыва пленума Политбюро, и что обсужденіе такого вопроса с Генеральным Секретарем партіи никак нельзя назвать “частной бесѣдой”... Что Жданов позволил себѣ поддержать “необоснованный выпад” наркома обороны только потому, что работая на отвѣтственном, довѣренном ему партіей высоком посту, видимо, позабыл об уставѣ партіи и ея дисциплинѣ... Увильнувшій от основного вопроса вождь был поддержан своим ставленником и... вышел сухим из воды. Большинство проголосовало за одобреніе пакта “имѣющаго большое значеніе для безопасности СССР”.

Но критику пакта и “частной бесѣды” Сталин Ворошилову не простил. Пятаго мая 1940 года Ворошилов был смѣщен с поста наркома обороны и долгое время обрѣтался на задворках Кремля. На его мѣсто Сталин назначил Тимошенко.

С. К. Тимошенко никогда не блистал способностями военного стратега. Во время гражданской войны он командовал 6-й дивизіей в 1-ой конной арміи Буденнаго. Эта дивизія была сильно разбита, кажется под Аксаем, из-за упрямства Тимошенко, не желавшего слушать совѣтов своего начальника штаба. Тимошенко — полководец той же формациі, что и Буденный, — не довѣрял военным специалистам из бывших офицеров. О нем говорили, что его ненависть к золотым погонам затемняла его разум... В концѣ концов она стоила жизни чуть ли не всей дивизіи, остатки которой спѣшно пополняли и переименовали ее в 4-ую.

Слабые успѣхи проявил комдив Тимошенко и на академических курсах. В то время один из преподавателей тактики говорил:

— Мои два Семена (Тимошенко — тезки Буденнаго) дѣлают из меня Симеона-Мученика..

Семен Буденный, пользовавшійся всегда благосклонностью Сталина, тянул своего друга — Семена Тимошенко. Но послѣдній пошел по-настоящему “в гору” послѣ разгрома верхушки арміи. Во время совѣтско-финской войны Тимошенко командовал Сѣверо-Западным фронтом. За его ошибки в этой войнѣ поплатились жизнями другіе...

Тимошенко получил маршальскую звѣзду и званіе героя Совѣтскаго Союза, а мѣсяц спустя послѣ окончанія финской кампаніи, 7-го мая, стал наркомом обороны.

Послѣ исчезновенія Ежова и замѣны его Беріей разгул террора стал уменьшаться. Пущенный в народ слух, что “Ежов перегнул”, подтвердило официальное сообщеніе НКВД о том, что приговоры “особых совѣщаній троек НКВД” могут подлежать пересмотру. На имя Калинина и Ворошилова посыпались сотни тысяч прошеній с просьбами о пересмотрѣ дѣл, отущѣлѣвших жен, родителей и дѣтей высланных или еще сидящих в тюрьмах. И если одному из нѣскольких сотен таких про-

шений, по особой просьбѣ Калинина или Ворошилова, НКВД “давало ход” и начинало пересматривать дѣло, то на языкѣ совѣтских граждан это называлось — “выиграть на трамвайный билет”.

Никто из разстрѣлянных командармов или высших командиров не был посмертно реабилитирован. Но небольшое число высшего начсостава было освобождено из тюрем “за прекращеніем дѣла”. Большинство выпущенных принадлежало к политическому составу. Из строевиков таких счастливых были только десятки... Среди них: начальник артиллеріи ОКДВА — комкор Г. Д. Стельмах, комдив Курганскій, комбриг Чернов... Всѣ выпущенные напоминали только тѣни прежних энергичных, волевых командиров. Стельмаха возстановили в арміи и отправили на курорт лѣчиться. Курганскаго возстановили тоже, но он уже оказался неспособным по состоянію здоровья к службѣ в арміи — дали ему чин генерал-майора и уволили в отставку с мундиром и пенсіей. Чернов умер через мѣсяц послѣ освобожденія. Комбриг Яковлев, прожив недѣлю на свободѣ, сошел с ума... Так же печально кончил и комдив Васильев...

В то время уже почти никто из старших и высших командиров, служивших в арміи, не вѣрил в то, что заговор Тухачевского существовал. Открыто об этом, конечно, не говорили — слишком было опасно... Но, вспомянув, в частном разговорѣ, кого-нибудь из разстрѣлянных во время “ежовщины”, добавляли со вздохом: “Попал под колеса исторіи”...

Я случайно встрѣтила в Сибири одного совѣтскаго генерала. Он был членом партіи, занимал высокій пост и никогда не подвергался репрессіям. Генерал знал, что мой муж разстрѣлян и что я сидѣла в тюрьмѣ. Он не спрашивал меня ни о чем. Он слышал, что происходило на процессѣ Тухачевского, и знал, какими способами добивались энкаведисты признаній у его подчиненных, вышедших потом из тюрем. Генерал говорил о разгромѣ верхушки арміи с большой горечью. Как люто он ненавидѣл Сталина и НКВД!.. Когда он говорил о них, мнѣ было страшно от его слов... Казалось, что их могут подслушать деревья или кто притаившійся за ними... хотя кругом не было видно ни души. Этот генерал жив и понынѣ... Он герой второй міровой войны.

“Мір тѣсен”... Особенно — совѣтскій “мір”. Были у меня еще встрѣчи с нѣкоторыми уцѣлѣвшими подчиненными мужа. Я была в таком положеніи, что у них не было причин опасаться меня... Одни говорили со мной болѣе откровенно, другіе, по укоренившейся в СССР привычкѣ к осторожности, мене откровенно, а больше интересовались тѣм, как производится “правосудіе”, но общее мнѣніе сходилось к тому, что никакого заговора в совѣтских условіях вообще быть не могло.

— “Сегодня он, а завтра я”, — сказал мнѣ один большой военачальник, от которого я меньше всего могла ожидать таких слов. — Раньше говорили: “все мы ходим под Богом”, а теперь можно сказать: “все мы под Сталиным”, кто знает, что еще случится...

Этот разговор произошел уже в началѣ второй мировой войны, когда люди стояли лицом к смерти и откровеннѣй высказывали свои мысли.

За сравнительно недолгое мое пребываніе на “волѣ”, особенно когда я вынужденно кочевала по просторам Сибири, я узнала многіе факты, доказывавшіе инсценировку процесса и полную невинность погибших. Чѣм больше я узнавала, тѣм крѣпче утверждалось в моем мозгу “*idée fixe*” собрать подробный уличающій Сталина и НКВД матеріал с юридически обоснованными фактами и с достаточным количеством свидѣтельских показаній.

Под влияніем этой идеи, я работала, как заправскій судебный слѣдователь, добросовѣстно свѣряя и перепроверя добытыя свѣдѣнія. Записывать что-либо на бумагѣ и хранить до поры до времени в совѣтских условіях, да еще при моем положеніи, было совершенно невозможно. Поэтому я затверживала даты событій, а главное, имена свидѣтелей, ночами, в постели.

К сожалѣнію, пока, чтобы не подвести людей, оставшихся в живых и находящихся в СССР, я должна умолчать о многих важных фактах и свидѣтелях и ограничиться этими записками.

Но об одной, очень важной для меня встрѣчѣ, давшей мнѣ возможность не только проверить то, что я уже знала, но и узнать многія неизвѣстныя подробности, я хочу написать. Встрѣча эта произошла за год до начала совѣтско-германской войны.

Я сидѣла на скамейкѣ в глухом мѣстѣ большого парка, когда кто-то сѣл рядом со мной. Мельком оглядѣв военную форму сѣвшаго, знаки отличія и звѣзду, нашитую на рукавѣ, я хотѣла уже подняться, но он вдруг спросил:

— Вы не узнаете меня?

Всмотрѣвшись, я узнала. Собирала все свое небольшое мужество и приготовлялась к самому худшему... Это был энкаведист, занимавшій очень большой пост в Особом Отдѣлѣ Красной арміи. Он отлично знал Тухачевского, моего мужа и меня... Такая встрѣча не предвѣщала мнѣ добраго... Правда, мой муж, знавшій его со времени гражданской войны, когда тот был начальником Особого Отдѣла при части, всегда отзывался о нем, как о самом гуманном и порядочном из всѣх особистов. Но послѣ тюрьмы мнѣ трудно было вѣрить в гуманность сотрудников НКВД.

Не узнать его было немудрено, он обратился в скелет, обтянутый кожей. Глаза ввалились, потускнѣли...

“Устал выносить приговоры”, враждебно подумала я, а вслух сказала:

— Вы сильно измѣнились за это время.

— Немудрено, я только восемь дней тому назад вышел из заключенія. Просидѣл два года и три мѣсяца.

— Так и вы, Брут? — на сердцѣ у меня отлегло..

Рывком он обернул ворот гимнастерки. Шея была покрыта пятнами разной величины, напоминавшими слѣды ожогов.

— Я двадцать лѣт работал в слѣдственных органах арміи,

— он указал на юбилейную медаль на груди, — повѣрьте мнѣ, что никогда и ни к кому из подслѣдственных я не примѣнял и доли тѣх мѣр, которыя они примѣнили ко мнѣ. Поэтому меня и обвинили в отсутствіи классоваго чутья, бдительности и даже укрывательства государственных преступников... Вы помните моего сослуживца Ковалева? Александра Антоновича?

— Кажется, да. Он прихрамывал?

— Да. Был, когда-то, ранен в ногу... Так вот... Ковалев пользовался большим довѣріем Поскребышева. Тот поручил ему даже охрану Сталина, когда вождь пріѣзжал в Ленинград, послѣ убійства Кирова. Имѣл Александр Антонович и большое причастіе к слѣдствію Николаева... Как-то он пріѣзжает ко мнѣ, спрашивает у меня, какой я имѣю матеріал о Тухачевском. Это было, примѣрно, еще за год, полтора до процесса... Кое-какой матеріал у меня был... Он имѣлся у нас на всѣх... И на вашего мужа, и даже на вас... Но все это было, так сказать, больше біографическаго характера. Ковалев просмотрѣл, кое-что взял, и говорит: “все это пустяки”... даже неудобно пришивать к дѣлу. Я согласился с ним. Потом, мѣсяцев через семь, вызвал меня к себѣ нарком. У него сидѣл Поскребышев.

Есть у вас матеріал, касающійся маршала Тухачевского? — спрашивает нарком. Я сказал, что передал, что имѣл Ковалеву.

— А больше ничего нѣтъ? — Отвѣтил, что ничего.

— Неважно работают ваши сотрудники, — замѣтил Поскребышев. — А у нас есть побольше...

Когда меня арестовали, в сентябрѣ 1937 года, то поставили в вину “полное отсутствіе наблюденія” и “укрывательство врагов народа”....

— А РОВС вам тоже приписывали? — сорвалось у меня.

Он схватил меня за локоть так, что я думала — треснет кость. Глаза вспыхнули, и он стал прежним чекистом.

— Вы сумашедшая!! Вы же должны знать, что произнося это слово — рискуете головой!

— Но почему это слово окружено такой тайной? Вѣдь когда людей обвиняли в “троцкизмѣ”, в “промпратіи”, то об этом можно было говорить...

Он провел желтой рукой по лицу. Я замѣтила, что мизинец и безымянный палец изуродованы и скрючены.

— Это, дѣйствительно, государственная тайна, — глухо произнес он, — я сам не знаю всего...

Приступ надрывнаго кашля сотряс все его тѣло.

— Да, — отвѣчая на мой взгляд, сказал он. — Здоровье отняли... Но хуже всего то, что в заключеніи я потерял окончательную вѣру в то, за что я всю жизнь боролся... Так как вы сами знаете, что такое... тюрьма, то я вам скажу: — когда мы, старые партизаны-коммунисты сидѣли в Бутырках, мы крыли послѣдними словами власть, которая...

Плечи у него вдруг задрожали и.... запрыгал подбородок, а на гимнастерку упала слеза.

— Простите. Нервы ни к черту, — сказал он вытирая глаза. Лучше я пойду...

На той же скамейкѣ, мы встрѣтились и на другой день.

— Я сидѣл и думал, придете ли вы? — сказал он, поднимаясь навстрѣчу. — Но вѣдь, когда корабли потонув, вмѣстѣ опускаются на дно моря, то нѣтъ разницы от какого берега они отплыли, не правда ли?

Разница была. Один “потонувший корабль”, судя по формѣ со знаками отличія, уже был поднят со дна и “стоял в ремонтѣ”. Эта форма не позволяла мнѣ забыть, каковы энкаведисты “в дѣйствиі”...

Он как будто прочитал мои мысли, — невесело усмѣхнулся.

— Может вы сейчас думали, что я от вас хочу? Того же, что и вы от меня... Вы ничего не хотите, но в душѣ ожидаете многого.... Вам говорить со мной откровенно, — трудно... тяжело... Начну я. Мнѣ это легче, потому, что я знаю с кѣм говорю. По долгу своей службы я наблюдал за вами в теченіе многих лѣт. Короче говоря — с вашего замужества. Мнѣ извѣстны ваше социальное происхожденіе, ваш характер, привычки и ваши друзья. А через нѣкоторых из тѣх, которых вы считали друзьями, и многія ваши мысли. Я знал, что вы пишете для печати и то, что вы писали “для души”. Когда вы стали “чрезмѣрно” увлекаться сатирой, я счел нужным предупредить вашего мужа, что у вас острое перо, но игра со слишком острыми предметами бывает опасна.... Вы помните это? Нѣтъ, — это произведеніе я прочитав, уничтожил. Если бы я этого не сдѣлал, то оно фигурировало бы как косвенная или прямая улика ваших анти-совѣтских настроеній в протоколах, предъявленных вам обвиненій... Уничтожил потому, что, по существу, там контрреволюціи, по моему мнѣнію, не было. Вы были очень молоды... И я не хотѣл, чтобы это повредило вам в будущем, а особенно, вашему мужу, котораго я считал отличным, цѣнным военачальником...

— Читали? Или считаете и теперь?

— Этого вопроса я от вас ожидал давно. Вы проявили большую выдержку.. Считаю и теперь. Удовлетворены? Считаю потому, что у нас, в СССР, а особенно в арміи, с 1927 года никогда не было настоящих контрреволюціонных заговоров. Скажу больше — когда нужно было создать организацію, то мы заговорщиков импортировали. Да. Ввозили из-за границы... Об этом я сам узнал от моего пріятеля, стараго чекиста, с которым просидѣл три мѣсяца в одной камерѣ. Рѣже бывали случаи, когда к нам засылали из-за границы людей, их ловили на границѣ, или позже выдавали, из страха, тѣ же люди, к которым у тѣх были явочные адреса. Может есть единичные случаи, что переброшенный сумѣл приспособиться, осѣсть у нас, но создать организацію он не сможет, а “один в полѣ не воин”. Правда, был случай, когда, помните, в 1928 году была в Ленинградѣ брошена в партклуб бомба. Революція от этого не по-

страдала, партійцы — только два, остальные были безпартійные учителя.. Зато был предлог основательно почистить город, Среди гражданского населенія, конечно, есть еще много людей, недолюбливающих в душѣ совѣтскую власть, но работают они честно. А всѣ эти фашистскія организаціи, “промпартіи” и прочее, — он махнул рукой.

— По моим свѣдѣніям, в арміи прямых и ярко выраженных антисовѣтских настроеній среди комсостава не было. Были такіе случаи в красноармейской средѣ. Но вот теперь, когда в СССР трудно найти такую семью, гдѣ один бы из членов семьи не был бы репрессирован, антисовѣтскія и антипартійныя настроенія будут расти вездѣ, в арміи тоже, и сейчас почва для созданія организаціи — великолѣпная. Что вы так испугано на меня смотрите? Думаете — я хочу вам предложить это сдѣлать? Да, если бы мы с вами и надумали создать организацію, то она, вѣрьте моему опыту, просуществовала бы только до тѣх пор, пока в ней не появился бы третій заговорщик. А вмѣстѣ с ними была бы переарестована половина страны... Это так же вѣрно, как то, что написанная вами сатира была у меня в руках на второй день послѣ того, как она вышла у вас из-под пера. С нея была снята копія, а подлинник был положен обратно на ваш стол, под книги, до того, как вы вернулись из театра...

— Но кто это сдѣлал?— спросила я.— Неужели прислуга?

— Нѣт. Ваша “чстная вдова” была, дѣйствительно, предана вашей семьѣ и... насколько мнѣ помнится... наш уполномоченный установил, что она к тому же еще совсѣм малограмотная. Эту вещь нам передала очень милая интеллигентная дама, которой мы дали возможность окончить, на наш счет, курсы кройки и шитья. Потом она ходила шить по домам... Шила хорошо, со вкусом. Вы, кажется, были ею очень довольны? Сколько лѣт она шила вам? Лѣт пять-шесть? И скольким знакомым вы рекомендовали ее?

— Нина Викентьевна!? Быть не может!... — поразилась я.

— Как видите, — может. Она считалась у нас лучшей секретной сотрудницей. Ея смерть от зараженія крови — что-то порола, порѣзала себѣ палец и не обратила на это вниманія — была большой утратой. Проработала она в наших органах одиннадцать с лишним лѣт...

— Я не собираюсь заниматься хвастовством, — продолжал он закурив папиросу, — но сама структура ОГПУ и НКВД исключает возможность появленія в нашей странѣ развѣтвленной крупной контрреволюціонной организаціи. Такой организаціи не могло быть ни у Троцкаго, ни у Зиновьева, ни у Бухарина. Вам, как журналисткѣ, да еще с тюремным опытом, понять это не трудно. Наши люди были среди троцкистов и самые близкіе сотрудники Троцкаго — Георгій Андiаишин, Виктор Эльстон (остальные, названные им фамиліи, я забыла, кажется, был еще Сершик), были освѣдомителями ГПУ. А вы знаете, сколько партійцев было обвинено в троцкизмѣ, арестовано, сослано и отправлено на тот свѣт? — У него вдруг затряслись руки и опять

заколотало в груди. — Среди них было много моих старых товарищей, даже друзей...

— Но тогда я был убежденным коммунистом, вѣрил в то, что они пошли по ложному антипартийному пути. В 1925 году я допускал, что могла существовать и большая подпольная организация... Первый раз я усумнился, когда арестовали Бакаева. Я очень хорошо знал его и жену. Бакаев был образованный человек, хороший, отзывчивый товарищ. Под стать ему была его жена — очень красивая, умница. Тоже член партии. Я и Бакаев познакомились с ней на собрании партактива. Вмѣстѣ стали ухаживать за ней... Побѣдил Бакаев, а я остался другом... Мнѣ рассказывали, что когда арестовывали Бакаева, она защищала его, как тигрица. Ее арестовали в связи с убійством Кирова по дѣлу Николаева... От Ковалева я узнал, что и ее разстрѣляли...

Он замолчал, сжимая руки, чтобы унять их дрожаніе. Потом снова закурил, подумал, затѣм спросил:

— А вы знаете, почему Николаев убил Кирова, и кто спровоцировал его на это?

Когда я сказала все, что слышала об этом в тюрьмѣ и на волѣ, он покачал головой — это было не совсѣм так. Я вам расскажу... Теперь, — он слегка улыбнулся, — мы приблизились к тому, чего (как я вам сказал в началѣ) вы от меня “ожидали”. Может быть даже подсознательно. У меня все-таки остался двадцатилѣтній опыт и нюх слѣдовагеля... Не думайте, что слѣдователи НКВД только и умѣют выбивать зубы, ломать руки, ребра и тому подобное... Это теперь прыгнули с трамплина, только не вперед, а назад — к примитиву Чеки, к методам Ксенофонтова и Саенки... При Дзержинском и Менжинском слѣдователи по политическим дѣлам называли подслѣдственных на “вы”, не марали себя рукоприкладством и соблюдали законность... Хотя, в отношеніи рукоприкладства и теперь были “аристократы” своего дѣла. Напримѣр, Начальник Ленинградскаго НКВД — Литвин: он, чтобы “не марать рук” — бил по лицу подслѣдственного... галошей...

— Но я отвлекся в сторону. Я хотѣл сказать, что у вас опасный склад ума. Для самой себя... Только это и привело вас сегодня сюда... Не правда ли?

Я должна была согласиться, что это так.

— Перед вами, впереди, еще долгая жизнь, — предупредил он меня, — для того, чтобы жить и работать “под солнцем сталинской конституціи”, а, особенно, писать. Вам надо не только вычеркнуть из анкет всю вашу жизнь до замужества и до выхода из заключенія — но совершенно позабыть кѣм вы были, вырвать все из сердца, похоронить навѣки в душѣ... А вы хотите нагружать себя еще большим опасным грузом. Допустим, что даже вам удастся, как мы говорим, распутать всѣ нити, возстановить перед собой полную и ясную картину того, что произошло... А дальше? Воскресить мертвых все равно нельзя, да если бы и было можно, — вам никогда не дали бы этого сдѣлать.

— Я не знаю, “что дальше”... Но лично для меня это очень важно (чуть не добавила “для сына тоже”). Именно потому, что ни забыть, ни похоронить прошлого я никогда не смогу.

Вздыхнув глубоко, он повернулся, оглядѣл все вокруг, потом откинулся на спинку скамейки и жестким голосом сказал:

— Тогда, слушайте...

Ровным, эпическим тоном рассказывал он о том, как Дзержинскій заинтересовался опытами И. П. Павлова, как вербовались психіатры и другіе врачи для работы в экспериментальном секретном отдѣлѣ ОГПУ, как производились опыты над подслѣдственными. Часто, припоминая, он умолкал, прикрывал глаза и тогда представлял собой страшную наглядную иллюстрацію к сообщаемому... Мнѣ казалось, что мой мозг не вмѣстит и не выдержит всего... Бывали минуты, когда мнѣ хотѣлось заткнуть уши... бѣжать... Несмотря на горячее солнце с моих рук не сходили мурашки, челюсти приходилось сжимать... Как только я их разжимала — зубы начинали “выбивать дробь”...

Исторія убійства Кирова он изложил гораздо подробнѣе и красочнѣе, чѣм я передала ее теперь, по памяти. Ее он рассказывал уже другим тоном, нажимая на нѣкоторыя особенно трагическія мѣста... И, до сих пор в моих ушах звучит его голос, — Я опять вернулся в зал, когда уже перестали пускать народ, и у гроба осталась только Кирова, да руководящіе товарищи Ленсовѣта и Смольнаго. Марія Ивановна стояла довольно далеко от гроба и смотрѣла на покойнаго сухими завлапшими глазами. Взгляд был странный, будто ушедшій в себя. Когда в зал, вдруг вошел Сталин и от гроба стали отступать, давая вождю дорогу, кто-то нечаянно толкнул Кирову. Она, точно проснувшись, оглядѣлась вокруг... Увидѣв Сталина — облилась на секунду ярким румянцем, потом поблѣднѣла еще сильнѣй и скрылась за колонной...

.... Я видѣл сам, как многіе, закаленные гражданской войной и жизнью товарищи, плакали, прощаясь с Сергѣем Мионовичем, — Сталин тоже видѣл это... А когда взошло солнце, то всѣ они уже сидѣли арестованные в Большом Домѣ по обвиненію в убійствѣ Кирова...

..... Всѣ они спасовали перед научным особо секретным слѣдствіем и, через нѣкоторое время, как вы знаете из газет, — они были судимы Ревтрибуналом на открытом засѣданіи, гдѣ, бія себя в грудь, полностью признавали всѣ возведенныя на них обвиненія...

То ли от нервности, то ли от жары, энкаведист чуть порозовѣл. Или это был отсвѣт красных петлиц и блестящих на солнце ромбов?

Раскрывая передо мной закулисную сторону (или только часть этой стороны) кровавой эпопеи 1934-1938 годов, он часто поглядывал на меня, ставшим зорким и даже как-будто ироническим, взглядом.

Петлицы, ромбы и звѣзда на рукавѣ увеличивались у меня в глазах и закрывали собой человѣка. Передо мной вставала страшная своей преступной силой, связанная друг с другом

кровью, монолитная армия сотрудников НКВД и над ней, с прищуренным глазом и змѣющейся под усами усмѣшкой, ея самовластный хозяин — Сталин.

В головѣ шумѣло, и я с трудом улавливала, что говорил мнѣ особист о послѣдней инсценировкѣ НКВД — процессѣ Бухарина и “иже с ним” осужденных.

... Оба Межлаука — Валерій Иванович и Иван Иванович, были взяты сразу же послѣ окончанія засѣданія Совнаркома. При выходѣ их ожидал в своей машинѣ Круглов, который и увез братьев на Лубянку...

... Крыленко отстрѣливался, ранил в грудь и живот нашего комбрига Шугнина, убил наповал сержанта государственной безопасности. Взятъ его мѣшала еще, защищавшая своего хозяина, овчарка.... Крыленко увезли уже мертвым...

... На Дальнем Востоке застрѣлился начальник Краевого Управления НКВД Терентій Дерибас... — уже хрипло доканчивал голос особиста...

Сильный кашель одолѣл и согнул его пополам. Лицо стало совсѣм землистаго цвѣта.... На лбу и висках выступил пот.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Воскресить мертвых невозможно... — прохрипѣл между приступами кашля полу-мертвец из НКВД и выплюнул на платок сгусток крови....

Да, он бы прав. “Воскресить мертвых” — реабилитировать, посмертно, в СССР маршала Тухачевского и всѣх командармов, высших и старших командиров, погибших в 1937-1938 году было невозможно.

Полная правда об инсценированных по заданію Сталина процессах, произвела бы слишком страшное впечатлѣніе на весь мір, вскрыла бы слишком грязныя дѣла совѣтов заграницей и, главное, бросила бы мрачную тѣнь на самых нынѣшних правителей, соучастников многих преступных дѣл диктатора.

У кого из теперешних смѣняющихся наслѣдников Сталина хватит на это мужества?

К о н е ц .

ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN DÉCEMBRE 1978
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE
N° 6584

КНИГИ НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЛЕВ»

1. П. Жильяр	13 лет при русском Дворе.
2. Л. Норд	Маршал М. Н. Тухачевский.
3. С. Черный	Солдатские сказки.
4. С. Черный	Сатиры.
5. С. Черный	Румяная книжка.
6. С. Минцлов	За Мёртвыми душами.
7. Н. Лейкин	Где апельсины зреют.
8. А. Блок	Последние дни императорской власти.
9. С. Карачевцев	1200 анекдотов.
10. Палеолог	Роман Императора.
11. С. Мельгунов	На путях к дворцовому перевороту.
12. М. Цветаева	Психея.
13. М. Цветаева	Разлука.
14. А. Эфрон	Воспоминания.

**Издательство принимает рукописи и заказы
на книги по адресу:**

LEV
85.Rue Rambuteau
75001 Paris